Жорж Сименон

Весь Мегрэ

В подвалах отеля «Мажестик»

В подвалах отеля Мажестик

Жорж Сименон

Аннотация
Жорж Сименон. «В подвалах отеля Мажестик»
Глава 1. Лопнувшая шина
Глава 2. Мегрэ совершает прогулку на велосипеде
Глава 3. Шарлотта в «Пеликане»
Глава 4. Жижи и карнавал
Глава 5. Плевок на стекле
Глава 6. Письмо Шарлотты
Глава 7. Вечер неизменного вопроса: «Что он говорит?»
Глава 8. Когда Мегрэ дремлет
Глава 9. Газета Шарля
Глава 10. Обед в ресторане «Купол»
Глава 11. Необычайный вечер в Уголовной полиции

Аннотация

Когда в фешенебльном отеле один за другим находят труп жены миллиардера и швейцара, а все улики говорят только против одного человека, комиссару Мегрэ непросто докопаться до истины.

Жорж Сименон
«В подвалах отеля Мажестик»

Глава 1
Лопнувшая шина

Стукнула дверца машины. Так всегда начиналось утро. Мотор продолжал гудеть. Вероятно, Шарлотта прощалась за руку с шофером. Затем такси отъехало. Шаги на крыльце. Скрежет ключа. Щелкнул выключатель.

В кухне чиркнули спичкой, и под конфоркой плиты с шипением вспыхнул газ.

Медленно, тяжелым шагом — недаром всю ночь пришлось провести на ногах — Шарлотта поднялась по новым, еще не стершимся ступеням лестницы. Бесшумно вошла в спальню. Опять щелкнул выключатель. Зажглась лампочка, прикрытая вместо абажура розовым платком с деревянными шариками по углам.

Проспер Донж все не открывал глаза. Шарлотта разделась перед зеркальным шкафом, рассматривая свое отражение. Сняв пояс и лифчик, она вздохнула с облегчением. У нее были розовые пышные телеса, как у рубенсовских моделей, но она всегда отчаянно затягивалась. Раздевшись догола, она принялась растирать свои толстые

бока, где остались красные следы.

У Шарлотты была весьма неприятная манера: забираясь на кровать, она сначала становилась коленями на край матраца, и вся постель перегибалась в ее сторону.

— Пора тебе, Проспер!

Он поднимался, а Шарлотта живо залезала на его место в нагревшуюся впадинку тюфяка и, натянув одеяло до самых глаз, застывала неподвижно.

— Идет дождь? — спросил он, открывая кран в умывальнике.

Шарлотта что-то буркнула в ответ. Но, в сущности, вопрос не имел большого значения. Хуже было то, что вода для бритья текла ледяная. Неподалеку с грохотом пробегали поезда.

Проспер Донж торопливо оделся. Шарлотта время от времени уныло вздыхала, потому что не могла уснуть при свете. Когда Проспер уже взялся за скобку двери, а другую руку протянул к выключателю, послышался ее сонный голос:

— Не забудь зайти сделать взнос за приемник.

Кофе, поставленный на конфорку газовой плиты, был горячим, слишком горячим. Проспер выпил его стоя, не присаживаясь к столу. Потом машинально, как всякий, кто привык в один и

тот же час делать одни и те же движения, обмотал вокруг шеи вязаный шарф, надел пальто и фуражку.

Наконец он вывел на улицу велосипед, стоявший в коридоре.

Как всегда в этот час, на него пахнуло холодной сыростью; тротуары казались мокрыми, хотя дождя не было, и для людей, спавших за закрытыми ставнями, день обещал быть солнечным и теплым.

Улица, окаймленная маленькими домиками с маленькими садиками, спускалась по крутому склону. Между деревьями мелькали где-то внизу, точно в пропасти, огни Парижа.

Ночь уже прошла. Утро еще не наступило. Кругом была сиреневая мгла. Кое-где уже светились окна. Перед опущенным железнодорожным шлагбаумом Проспер Донж притормозил велосипед и провел его через боковой проход.

За мостом Сен-Клу он повернул налево. Буксирный пароходик, тащивший за собой длинную цепочку барж, гудел изо всей мочи, требуя, чтобы ему открыли шлюз.

Булонский лес… Озера, в которых отражалось уже побледневшее небо, пробуждавшиеся лебеди…

Подъезжая к заставе Дофины, Донж вдруг почувствовал что-то твердое под колесами велосипеда. Проехав еще несколько метров, он соскочил на землю и убедился, что на заднем колесе лопнула шина.

Он поглядел на циферблат ручных часов. Было без десяти шесть. Дальше он двинулся пешком, подталкивая велосипед; он шел быстро, на холоде от дыхания вился около губ легкий пар, в груди горело от быстрой ходьбы.

Авеню Фош… Во всех особняках ставни заперты… На аллее для верховой езды гарцует на коне офицер в высоком чине, за ним трусит рысцой ординарец…

Вот и посветлевший пролет Триумфальной арки… Проспер прибавил шагу. Ему стало по-настоящему жарко…

Как раз на углу Елисейских полей полицейский в пелерине, стоявший у газетного киоска, бросил ему:

— Шина лопнула?

Проспер утвердительно кивнул головой. Осталось еще метров триста. На левой стороне — отель «Мажестик». Все ставни заперты. Свет фонарей почти незаметен.

Свернуть на улицу Берри, потом на улицу Пон-

тье. Там уже открыт маленький бар. А через два дома — дверь, которую прохожие никогда не замечают: служебный вход в отель «Мажестик». Оттуда вышел какой-то мужчина в сером пальто; чувствовалось, что под пальто на нем фрак. Он шел с непокрытой головой, прилизанные волосы были склеены лаком, и Просперу Донжу показалось, что это танцор Зебио.

Он мог бы проверить свою догадку, заглянув в бар, но такая мысль ему и в голову не пришла. Подталкивая велосипед, он вошел в длинный серый коридор, где горела одинокая лампочка. Перед контрольными часами он остановился, чтобы отметить время прихода, просунул в отверстие автомата фишку со своим номером — 67 и поглядел на циферблат: стрелка показывала десять минут седьмого. В аппарате щелкнуло.

Отныне раз навсегда установлено, что он вошел в отель «Мажестик» в шесть часов десять минут утра, на десять минут позднее, чем обычно.

Таковы были по крайней мере официальные показания Проспера Донжа, ведавшего кафетерием в роскошном отеле на Елисейских полях.

Впоследствии он утверждал, что вел себя в то утро так же, как всегда.

В этот час обширные подвалы со сложной се-

тью коридоров, с многочисленными дверьми, со стенами, выкрашенными в серый цвет, как коридоры в трюме грузового парохода, были безлюдны. Сквозь застекленные перегородки кое-где пробивались желтоватые лучи слабых лампочек, составлявших ночное освещение.

Все было застеклено: и помещения кухни и кондитерское отделение. Против них, с правой стороны, находилась комната, которую называли «курьерской столовой»; там кормили высший персонал, а также горничных и шоферов — личных слуг клиентов отеля.

Дальше была столовая низшего персонала с длинными столами некрашеного дерева и скамейками, похожими на школьные.

Наконец, возвышаясь надо всеми отделениями, как капитанская рубка на корабле, сверкала застекленная клетка, где помещался счетовод, обязанный отмечать все, что отпускалось из кухни.

Когда Проспер Донж открыл дверь кафетерия, ему показалось, что кто-то поднимается по узкой лестнице, которая вела на верхние этажи, но он не обратил на это внимания. По крайней мере, так он заявлял впоследствии в своих показаниях.

Так же, как это делала Шарлотта, войдя в их до-

мик, он чиркнул спичкой, и с шипением — ф-ф-ш — зажегся газ под самой маленькой кофеваркой, той, которую пускали в ход первой — для редких клиентов, встававших спозаранку.

Лишь после этого он направился по одному из коридоров в раздевальню, довольно большую комнату, где было несколько умывальников, тусклое зеркало, а по стенам выстроились высокие и узкие металлические шкафы, помеченные номерами.

Проспер открыл своим ключом шкаф № 67, повесил туда пальто, шарф, фуражку, потом надел другие ботинки, так как на работе предпочитал носить более удобную обувь — штиблеты с резинкой. Затем облекся в белую куртку.

Прошло еще несколько минут… В половине седьмого подвалы оживали…

Наверху все спали, кроме ночного швейцара, который сидел в пустынном холле, ожидая своего сменщика.

Из кофеварки раздался свисток. Проспер Донж налил чашку кофе и понес ее наверх по лестнице, похожей на те таинственные лестницы, которые устроены за кулисами театров и приводят в самые неожиданные места.

Толкнув узкую дверь, он очутился в холле, око-

ло гардеробной; никто бы не заметил этой двери, скрытой большим зеркалом.

— Кофе! — возвестил он, поставив чашку на барьер гардероба. — Как дела?

— Помаленьку, — буркнул подошедший швейцар.

Проспер Донж спустился в подвал. Пришли три его помощницы — «три толстухи», как их называли. Все три — простолюдинки, ширококостные, уродливые; одна совсем старая и злая. Они уже принялись за работу и шумно полоскали в мойке чашки и блюдца.

А Проспер Донж, как и каждый день, выстраивал по росту серебряные кофейники — на одну чашку, на две чашки, на три чашки, а за ними шеренгу молочников, шеренгу чайников…

В застекленной клетке он заметил растрепанную голову Жана Рамюэля.

«Гляди-ка, опять здесь ночевал», — подумал он.

За последнее время счетовод Рамюэль раза три-четыре ночевал в отеле, вместо того чтобы добираться к себе домой, — он жил где-то за Монпарнасом.

В принципе запрещалось ночевать в отеле. В конце коридора, около двери, которая вела во второй подвал, служивший винным погребом,

имелась комната с тремя-четырьмя койками, но они предназначались для персонала, нуждавшегося в отдыхе между горячими часами работы.

Проспер Донж в знак приветствия помахал Рамюэлю рукой, тот ответил таким же неопределенным жестом.

Затем возвратился с Центрального рынка огромный, величественный шеф-повар, привез целый грузовик провианта. Машина остановилась на улице Понтье, и рабочие принялись ее разгружать.

В половине восьмого по меньшей мере тридцать человек суетилось в подвалах «Мажестика»; уже раздавались звонки, спускались, останавливались и поднимались маленькие лифты для подносов с кушаньями, а Рамюэль накалывал на железные стержни, выстроенные на его конторке, белые, голубые и розовые талоны.

В этот час вставал на свой пост в холле дневной швейцар в голубой ливрее, а курьер, ведавший почтой, сортировал ее в своей клетушке. Должно быть, на Елисейских полях светило солнце, но в подвалах «Мажестика» чувствовалось только, как проезжают тяжелые автобусы, сотрясая застекленные перегородки.

В девять часов с минутами (для точности ска-

жем, в девять часов четыре минуты, как это удалось установить) Проспер Донж вышел из кафетерия и уже через несколько секунд был в раздевалке.

— Я забыл в кармане пальто носовой платок, — объяснил он на допросе.

Как бы там ни было, он оказался один в комнате с металлическими шкафами. Открывал ли он свой шкаф? Неизвестно — свидетелей не было. Возможно, что он действительно взял носовой платок.

Шкафов было не сто, а ровно девяносто два, и все они были пронумерованы. Пять последних шкафов стояли пустыми.

Почему Просперу Донжу вздумалось открывать шкаф 89, не имевший хозяина и поэтому не запертый на ключ?

— Машинально… — утверждал он. — Дверца была приотворена… И я, не раздумывая, ее открыл…

А в этом шкафу оказалось мертвое тело, которое втолкнули туда стоймя, и оно там осело. Это был труп женщины лет тридцати, очень белокурой (несомненно, крашеной блондинки), одетой в черное платье из тонкой шерсти.

Проспер Донж не закричал. Весь бледный, он

подошел к застекленной клетке Рамюэля и, наклонившись к окошечку, сказал:

— Идите скорее… Посмотрите…

Счетовод пошел с ним.

— Стойте тут, Проспер… Никого не впускайте.

Рамюэль бросился к лестнице, вбежал в холл, увидел швейцара, разговаривавшего с шофером.

— Директор пришел?

Швейцар дернул подбородком, указывая на директорский кабинет.

У вращающейся двери Мегрэ уже собрался было выколотить трубку о каблук ботинка, но раздумал и, пожав плечами, снова зажал ее в зубах. Трудно отказаться от первой утренней трубки, самой приятной за день.

— Директор ожидает вас, господин комиссар…

В холле еще не было оживления. Только приезжий англичанин что-то обсуждал с курьером, да, держа в руках шляпную картонку, прохаживалась взад и вперед девочка-подросток с тонкими и длинными, как у кузнечика, ножками — должно быть, принесла заказ от шляпницы.

Мегрэ вошел в кабинет директора, тот молча пожал ему руку и указал на кресло. Застекленную дверь закрывала изнутри зеленая занавеска, но стоило слегка раздвинуть ее, и видно было все,

что делается в холле.

— Не угодно ли сигару?

— Нет, спасибо.

Собеседники уже давно знали друг друга и не нуждались в лишних словах. Директор носил брюки в полоску, черный облегающий пиджак и галстук, как будто вырезанный из жести.

— Вот…

И он подтолкнул к Мегрэ регистрационную карточку:

> «Освальд Дж. Кларк, промышленник из Детройта[1]. Приехал из Детройта.
>
> Прибыл 12 февраля.
>
> Сопровождающие лица: жена — миссис Кларк; сын — Тедди Кларк, семи лет; гувернантка сына — Эллен Дерромен, двадцати четырех лет; Гертруда Бормс — сорока двух лет, горничная.
>
> Номер — 203».

Телефонный звонок. Директор ответил нетерпеливо. Мегрэ сложил карточку вчетверо и засунул ее в бумажник.

— Которую же?

---

[1] Примечания: 1
США, штат Мичиган.

— Миссис Кларк.

— А-а!..

— Первым делом я уведомил полицию, тут же позвонил нашему врачу, который живет совсем рядом, на улице Берри. Он ждет внизу. По его мнению, миссис Кларк удушили нынче утром между шестью часами и половиной седьмого.

Директор был мрачен. Такому человеку, как Мегрэ, нечего было объяснять, что случившееся являлось бедствием для отеля, что если бы была хоть какая-то возможность замять дело…

— Значит, семейство Кларк прибыло неделю назад, — пробормотал комиссар. — Что за люди?

— Приличные… Вполне приличные… Сам Кларк — рослый американец, представительный и холодный, лет сорока, а может быть, сорока пяти. Жена — вот несчастная! — кажется, по происхождению француженка… Возраст? Двадцать восемь — двадцать девять лет… Я ее видел мельком… Гувернантка — хорошенькая женщина… Горничная — она же бонна маленького Тедди, простоватая и довольно сварливая особа… Да вот еще, забыл вам сказать… Кларк вчера утром уехал в Рим…

— Один?

— Насколько я понял, он приехал в Европу по

делам… У него завод по производству шарикоподшипников… Ему нужно побывать в столицах разных стран, и на это время он решил оставить жену с сыном и свой персонал в Париже.

— Уехал? Каким поездом?

Директор схватил телефонную трубку.

— Алло? Швейцар?.. Каким поездом уехал вчера мистер Кларк? Да, да, из двести третьего номера… Вы никого не посылали на вокзал с его багажом?.. Ах, он взял с собой только саквояж?.. Поехал на такси?.. Кто отвез? Дезире?.. Ну, все, благодарю… Вы поняли, господин Мегрэ? Уехал вчера в одиннадцать часов утра на такси. Шофер — Дезире, который почти всегда стоит около нашего отеля. Кларк взял с собой только саквояж…

— Разрешите, я тоже позвоню… Алло! Дайте, барышня, Уголовную полицию… Уголовная полиция?.. Люка? Кати сейчас же на Лионский вокзал… Справься, какие поезда на Рим были вчера — с одиннадцати часов утра.

Он продолжал давать указания, а тем временем трубка его почти угасла.

— Скажи Торансу, пусть найдет такси, где шофером Дезире. Да, да. Тот, что обычно стоит напротив «Мажестика». Надо узнать, куда он отвез клиента, высокого худого американца, которого

вчера посадил у подъезда отеля. Понял?..

Он поискал глазами, куда выбить трубку. Директор пододвинул ему пепельницу.

— А вы бы все-таки выкурили сигару… Горничная страшно расстроилась… Я полагаю, правильно сделал, что сказал ей… А гувернантка нынче не ночевала в отеле.

— На каком этаже их номер?

— На третьем. Из окон вид на Елисейские поля… Расположение такое: спальня мистера Кларка отделена гостиной от спальни его жены… Потом комната мальчика, комната горничной и наконец комната гувернантки… Хозяева потребовали, чтобы всех поместили в одном номере.

— Ночной швейцар уже ушел?

— Да. Но с ним можно поговорить по телефону. Я знаю, однажды он мне понадобился, и я звонил ему. Жена его — консьержка в новом доме, в Нейи… Алло! Позовите к телефону…

Через пять минут уже было известно, что миссис Кларк накануне одна ездила в театр и вернулась в начале первого. Горничная не выходила из дому. А гувернантка не обедала и не ночевала в отеле.

— Ну что ж, пойдем вниз, посмотрим, — вздохнув, сказал Мегрэ.

В холле уже началось оживление, но никто не подозревал, какая трагедия произошла ночью в отеле, пока все спали.

— Мы с вами пройдем вон там… Пожалуйте вслед за мной, господин комиссар.

И вдруг директор нахмурил брови. Вращающаяся дверь повернулась, пропустив в луче солнца молодую элегантную даму. Пройдя мимо курьера, она спросила по-английски:

— Для меня ничего нет?

— Это она, господин комиссар, мисс Эллен Дерромен…

Шелковые, туго натянутые чулки, прекрасно сшитый серый костюм. Корректный вид, как и подобает человеку, тщательно совершившему свой утренний туалет. На лице ни малейшей тени усталости — наоборот, щеки розовые от февральского утреннего холодка.

— Хотите с ней поговорить?

— Не сейчас… Подождем немного…

И Мегрэ направился к сидевшему в уголке холла инспектору, которого он привез с собой.

— Не теряй из виду эту барышню… Если она войдет в свой номер, стой у двери…

Гардеробная. Большое зеркало повернулось на шарнирах, перед комиссаром и директором

открылась узкая лестница. Сразу кончилось все — позолота, сочная зелень декоративных растений, изящество и оживление. Снизу тянуло кухонными запахами.

— Эта лестница ведет на все этажи?

— Да. И таких у нас две: обе идут от подвалов до мансард… Но только хорошо зная дом, можно пользоваться ими. На этажах, например, надо отворить в коридоре узенькую дверь, такую же, как и все другие двери, только без номера — ни одному клиенту никогда и в голову не придет…

Было около одиннадцати часов. Теперь уже не пятьдесят, а, пожалуй, сто пятьдесят человек копошилось в подвалах — одни в белых поварских колпаках, другие во фраках официантов, третьи в фартуках, какие носят слуги, приставленные к винному погребу; много было женщин, подобных «трем толстухам» Проспера Донжа, исполнявшим черную работу…

— Пожалуйте сюда… Только осторожнее, а то можете запачкаться или поскользнуться… Коридоры тут узкие…

Сквозь стеклянные перегородки все наблюдали за директором, а главное за полицейским комиссаром. Жан Рамюэль подхватывал, можно сказать, на лету талоны, которые ему подавали,

и мгновенно проверял взглядом содержимое подносов.

Всех неприятно озадачивало появление полицейского, стоявшего у раздевальни. Доктор, очень еще молодой человек, которого предупредили о прибытии Мегрэ, поджидал его, покуривая сигарету.

— Закройте дверь…

Труп лежал на полу среди металлических шкафов. Доктор, выпустив колечко дыма, сказал вполголоса:

— Вероятно, ее схватили сзади… Она недолго отбивалась…

— И труп не тащили по полу!.. — добавил Мегрэ, разглядывая черное платье умершей… — Никаких следов пыли… Или преступление совершено здесь, в раздевалке, или же убитую перенесли сюда — вероятно, два человека: одному трудно было бы ее пронести через этот лабиринт узких коридоров…

В шкафу, где был обнаружен труп, нашли сумочку из крокодиловой кожи. Комиссар открыл сумочку, достал оттуда револьвер и, проверив, поставлен ли он на предохранитель, сунул его себе в карман. Больше ничего важного в сумочке не оказалось: только носовой платок, пудреница

и несколько кредиток, около тысячи франков.

За дверью гудел человеческий улей. Без передышки двигались подъемники для блюд, непрестанно звенели звонки, сквозь стеклянную перегородку кухни видно было, как там ворочают тяжелые медные кастрюли, насаживают на вертела по десятку цыплят.

— Не надо ничего трогать, пока не приедут из прокуратуры, — предостерег Мегрэ. — Кто обнаружил труп?

Ему указали на Проспера Донжа, чистившего кофеварку. Мегрэ увидел высокого рыжеволосого человека, огненно-рыжего, как говорится, по виду лет сорока пяти — сорока восьми. У него были голубые глаза и изрытое оспой лицо.

— Давно он у вас?

— Пять лет… Раньше служил в «Мирамаре», в Каннах.

— Серьезный человек?

— Вполне серьезный.

Стекло отделяло Донжа от комиссара. Сквозь это стекло взгляды их встретились. И сразу кровь прихлынула к щекам буфетчика кафетерия — как у всех рыжих, у него была очень нежная кожа.

— Простите, господин директор… Господина комиссара Мегрэ просят к телефону… — выскочил

из своей клетки счетовод Жан Рамюэль. — Если угодно, можно взять трубку здесь.

Сообщение из Уголовной полиции: со вчерашнего дня с одиннадцати часов утра было только два скорых поезда на Рим. Освальд Дж. Кларк не уехал ни с тем, ни с другим поездом. Шофер Дезире, которого удалось разыскать по телефону в его излюбленном бистро, утверждает, что вчера он отвез своего клиента не на вокзал, а в отель «Орленок» на бульваре Монпарнас.

На лестнице послышался шум спора, какая-то женщина пронзительным голосом кричала по-английски на лакея, преграждавшего ей путь. Это была гувернантка, мисс Эллен Дерромен, ломившаяся в подвал.

Глава 2
Мегрэ совершает прогулку на велосипеде

Зажав трубку в зубах, засунув руки в карманы широченного пальто с легендарным бархатным воротником и сбив на затылок котелок, Мегрэ наблюдал, как американка яростно отчитывала директора отеля.

Стоило посмотреть в эту минуту на комиссара Мегрэ, и сразу становилось ясно, что о какой-либо симпатии между ним и мисс Эллен Дерромен не могло быть и речи.

— Что она говорит? — со вздохом спросил он, прерывая тирады американки, в которых не мог понять ни слова.

— Она спрашивает, правда ли, что миссис Кларк убита, звонили ли по телефону в Рим, чтобы уведомить о случившемся мистера Освальда Кларка; она хочет знать, куда перенесли тело и можно ли…

Но американка не дала ему договорить. Она слушала с нетерпением, сердито насупив брови, потом бросила на Мегрэ весьма неласковый

взгляд и снова затрещала по-английски.

— Что она говорит?

— Она требует, чтобы ее провели к телу и чтобы…

Тут Мегрэ осторожно взял американку под руку и повел ее к раздевалке. Но он хорошо знал, что при этом она подскочит от негодования. Совсем так, как раздражавшие его героини американских фильмов! А с какой ужасающей четкостью она печатала шаг! Все служащие с любопытством смотрели на нее сквозь стеклянные перегородки.

— Войдите, пожалуйста, — с легкой иронией сказал вполголоса комиссар.

Американка сделала три шага, увидела на полу нечто, прикрытое одеялом, разом остановилась и снова забормотала по-английски.

— Что она говорит?

— Она просит, чтобы сняли с покойной покрывало…

Мегрэ удовлетворил эту просьбу, не сводя с американки глаз. Он видел, как она вздрогнула, но тотчас овладела собой, хотя зрелище поистине было ужасным.

— Спросите у нее, узнает ли она миссис Кларк.

Американка пожала плечами и как-то особен-

но неприятно застучала своими высоченными каблуками.

— Что она говорит?

— Говорит, что вы не хуже ее это знаете.

— В таком случае попросите ее, пожалуйста, пройти в ваш кабинет, мне нужно задать ей несколько вопросов.

Директор стал переводить. Мегрэ воспользовался этим и прикрыл лицо убитой.

— Что она говорит?

— Она говорит, что не пойдет.

— Вот как! Будьте добры сообщить ей, что я состою начальником особого отдела Уголовной полиции…

Мисс Эллен посмотрела на него в упор и заговорила, не дожидаясь перевода сказанной им фразы. Мегрэ проворчал свою неизменную присказку:

— Что она говорит?

— Чтоу она говрит? — передразнила его американка с непонятным раздражением. И снова застрекотала по-английски, словно разговаривая сама с собой.

— Переведите мне, что она сказала. Пожалуйста.

— Она сказала: «Прекрасно видно, что он из

полиции, что…»

— Ну говорите, не стесняйтесь!

— Что достаточно поглядеть на ваш котелок и на вашу трубку… Уж извините меня, вы ведь сами просили перевести… Она заявляет, что не будет отвечать на ваши вопросы.

— Почему?

— Сейчас спрошу ее…

Эллен Дерромен выслушала директора, закуривая сигарету, еще раз пожала плечами и произнесла несколько слов.

— Она говорит, что никому не обязана отдавать отчет и подчинится только официальному вызову…

Тут американка бросила на Мегрэ последний взгляд, круто повернулась и все такой же решительной походкой двинулась к лестнице.

Директор, несколько встревоженный, перевел глаза на комиссара и, к великому своему удивлению, увидел, что тот улыбается.

В подвале было так жарко, что Мегрэ пришлось снять пальто, но он не расстался ни с котелком, ни с трубкой. Заложив руки за спину, он с самым миролюбивым видом прохаживался по коридорам, время от времени останавливался перед застекленной перегородкой какого-нибудь

отделения, словно перед стеклянной стенкой аквариума.

Да на него и производило впечатление аквариума это обширное подземелье, где весь день работа шла при электрическом свете. Океанографический музей. В каждой застекленной клетке суетились более или менее многочисленные живые существа; обитатели подвала сновали взад и вперед, переносили тяжести, котлы, стопки тарелок, пускали в ход грузовые лифты, подъемники для посылаемых наверх кушаний или же торопливо снимали и подносили к уху маленькие телефонные трубки.

«Привести бы сюда дикаря из дебрей Африки. Что бы он сказал, глядя на это зрелище?..»

Явились чиновники из прокуратуры, но долго не задержались — пробыли несколько минут, и, как всегда, следователь предоставил Мегрэ полную свободу действий. Два-три раза Мегрэ говорил по телефону из стеклянной каморки Рамюэля.

У Жана Рамюэля был такой кривой нос, что всегда казалось, будто лицо этого счетовода повернуто в профиль. Кроме того, он, несомненно, страдал болезнью печени. Не зря он перед тем, как приступить к завтраку, который ему при-

несли на подносе, вытащил из кармана жилета бумажный пакетик с белым порошком и растворил это снадобье в стакане воды.

Между часом и тремя часами дня горячка достигла предела, работа шла в таком быстром темпе, что, казалось, тут с бешеной скоростью крутят киноленту.

— Простите… Извините…

Поминутно кто-нибудь наталкивался на комиссара Мегрэ, но тот невозмутимо продолжал свою прогулку, останавливался, снова шагал, иногда задавал вопрос.

Многих ли он втянул в разговор? Человек двадцать, не меньше. Шеф-повар объяснил ему, как в отеле действует кухня. Рамюэль сообщил, что означают разные цвета талонов.

Все так же сквозь стекло перегородки он наблюдал, как завтракали в «курьерской столовой». К завтраку спустилась Гертруда Бормс, бонна маленького Кларка, толстая особа с хмурым лицом.

— Говорит она по-французски?

— Ни слова…

Она много ела, болтая с шофером в ливрее, сидевшим напротив нее.

Самое любопытное зрелище представлял собою Проспер Донж, хлопотавший в своем кафетерии.

Он очень походил на золотую рыбку в банке — шевелюра у него была огненно-рыжая, цвет лица почти кирпичный, как это нередко бывает у рыжих, а губы толстые и оттопыренные, как у рыбы.

Так же, как рыба, он время от времени приникал лицом к стеклянной стенке и удивленно таращил глаза, вероятно, изумляясь тому, что комиссар полиции до сих пор еще не сказал ему ни слова.

Мегрэ разговаривал со всеми, но как будто и не замечал присутствия Проспера Донжа, хотя тот был главным свидетелем — ведь именно он обнаружил труп!

Проспер Донж тоже позавтракал, присев за столик в своем кафетерии, и три подручные толстухи усердно суетились вокруг него. Ежеминутно трещал звонок, и в окошечке появлялся подъемник. Донж хватал лежавший там талон, ставил на его место поднос с заказанными кушаньями, и подъемник двигался вверх, на какой-нибудь этаж отеля.

Вся эта торопливая суета, с виду такая сложная, в сущности, была довольно проста. Большой ресторан отеля, где в этот час, вероятно, завтракало человек двести-триста, находился как раз

над кухней, и большинство заказов отправляли именно туда. Всякий раз, как клетка подъемника спускалась, сверху доносились неясные звуки музыки.

Некоторые клиенты, однако, ели у себя в номере, и для их обслуживания имелся на каждом этаже коридорный. На одном уровне с подвальными помещениями находилась закусочная, которая с пяти часов вечера превращалась в дансинг.

За телом приехали из судебно-медицинской экспертизы и два специалиста из отдела криминалистики, которые, вооружившись сильными лампами и фотоаппаратами, с полчаса исследовали шкаф № 89, пытаясь обнаружить отпечатки пальцев.

Все это, казалось, не интересовало Мегрэ. Разве ему не сообщат результаты, когда он потребует?

Со стороны могло показаться, что он лишь из любопытства знакомится с тем, как поставлено дело в прославленном отеле. Он поднялся по узкой лестнице, отворил и тотчас же закрыл дверь на первой площадке, так как очутился в большом, шумном зале ресторана, где стоял гул от разговоров, звяканья вилок и звуков музыки.

Он поднялся выше. Коридор, бесчисленные

нумерованные двери, бесконечная ковровая дорожка красного цвета.

В сущности говоря, каждый клиент мог спуститься в подвал по черной лестнице. Так же было и со служебным входом на улице Понтье. Вращающуюся дверь парадного подъезда с Елисейских полей стерегли два шофера, швейцар и рассыльные, но любой прохожий мог проникнуть в «Мажестик» через служебный вход, и, вероятно, никого не встревожило бы его появление.

Та же история и в большинстве театров, которые строго охраняются с одной стороны, но открыты, как ветряные мельницы, со стороны артистического подъезда.

Время от времени в раздевальню входили люди в белых куртках. Вскоре они выходили оттуда хорошо одетые, со шляпой на голове.

Сменялись бригады. Шеф-повар отправился вздремнуть в задней комнате, как это бывало всегда между горячкой в часы завтрака и горячкой, начинавшейся в обеденное время.

В четыре часа дня послышалась музыка, на этот раз громкая, звучавшая близко — в соседнем помещении дансинга. Проспер Донж с удрученным видом заваривал чай в выстроенных рядами маленьких чайниках, наливал сливки в мик-

роскопические молочники, потом подходил к стеклянной перегородке и тревожно поглядывал на Мегрэ.

В пять часов ушли три его помощницы, их заменили две другие. В шесть часов он отнес счетоводу Рамюэлю груду талонов и какой-то список — вероятно, итог отпущенного из кафетерия. Затем тоже направился в раздевальню, вышел из нее в своем обычном костюме, взял велосипед, который успел починить ему рассыльный.

На дворе уже стемнело. На улице Понтье было людно и шумно. Лавируя между такси и автобусами, Проспер Донж двинулся к Елисейским полям. Не доезжая до площади Этуаль, он вдруг повернул обратно, возвратился на улицу Понтье, вошел в магазин, торговавший радиоприемниками и телевизорами, и заплатил в кассу триста франков с небольшим — месячный взнос за купленный в рассрочку приемник.

Снова Елисейские поля. Затем, без всякого перехода, величественное спокойствие авеню Фош, бесшумно проезжавшие, словно скользившие автомобили. Проспер Донж не спеша нажимал на педали, как человек, которому предстоит еще долгий путь, как добропорядочный обыватель, который каждый день в один и тот же час проез-

жает по той же дороге. Сзади послышался голос:

— Вы не возражаете, господин Донж, если я немного провожу вас?

Донж затормозил так резко, что дернулся в сторону и чуть не задел велосипед Мегрэ. Ведь рядом с ним ехал Мегрэ на слишком маленьком для него велосипеде, который он взял на время у рассыльного отеля «Мажестик».

— Не понимаю, — продолжал Мегрэ, — почему все, живущие в пригородах, не ездят на велосипедах. Это куда здоровее и приятнее, чем поездки в автобусах или на трамваях!..

Они въехали в Булонский лес. Вскоре перед ними заблестели отражавшиеся в озере электрические фонари.

— Вы были так заняты весь день, что я не решился побеспокоить вас на работе…

Мегрэ равномерно, как опытный велосипедист, нажимал на педали. Время от времени слышалось тихое пощелкивание заднего колеса.

— Вы не знаете, чем занимался Жан Рамюэль до того, как поступил в «Мажестик»?

— Служил счетоводом в банке… В банке Атума на улице Комартен…

— Гм-м… Банк Атума… Хорошего мало… Какая-то странная физиономия у этого Рамюэля…

Лживая какая-то. Верно?

— Он очень болезненный человек, — тихо сказал Проспер Донж.

— Осторожнее… Вы заехали на тротуар… Я хотел бы задать один вопрос, боюсь только, что вы сочтете его неделикатным… Вы буфетчик в кафетерии… Хорошо. И вот я думаю: что за случай привел вас к такой профессии?.. Поймите меня… У меня сложилось впечатление, что вы занимаетесь этим делом отнюдь не по призванию; ведь в юности, в шестнадцать-семнадцать лет, человек не говорит себе: «Я стану буфетчиком в кафетерии…» Осторожнее!.. Если вы будете так шарахаться в сторону, вас собьет машина. Что вы сказали?

Донж унылым голосом объяснил, что он подкидыш, был отдан из воспитательного дома в семью фермера, арендовавшего землю в окрестностях Витриле-Франсуа, жил там до пятнадцати лет. Потом ушел в город, нашел себе место в кафе — сначала рассыльного, а потом официанта.

— Когда отбыл военную службу, со здоровьем у меня было неважно, и я решил пожить на юге… Служил официантом в Марселе, потом в Каннах. Только, знаете ли, в «Мирамаре» нашли, что я не подхожу для шикарного ресторана. «Не-

благодарная внешность», — сказал директор, и меня перевели в кафетерий… Я прослужил там несколько лет, а потом переехал в Париж, и меня взяли в кафетерий «Мажестика».

Они проехали через мост Сен-Клу, раза три сворачивали в узенькие переулки и наконец остановились у довольно крутого холма. Проспер Донж, слез с велосипеда.

— Вы и дальше поедете? — спросил он.

— Если вы ничего не имеете против. Проведя целый день в подвале гостиницы, я еще лучше понимаю ваше желание жить в деревне… Вы, наверно, копаетесь у себя в саду…

— Немного…

— Цветы разводите?

— И цветы и овощи…

Теперь они поднимались в гору по плохо вымощенной и плохо освещенной. улице, толкая впереди себя свои велосипеды; обоим стало жарко, дышали они тяжело и реже перекидывались словами.

— А знаете, что я открыл, когда бродил по вашим коридорам и затевал разговор то с одним, то с другим служащим? Оказывается, вчера ночевали в подвале не меньше трех человек. Во-первых, Жан Рамюэль… Тут, говорят, довольно забавная

история: у его сожительницы прескверный характер и чуть что она без стеснения выставляет его за дверь. Три-четыре дня назад она опять его выгнала, и он оставался ночевать в отеле. Разве директор разрешает?

— По правилам запрещается, но, надо сказать, закрывают глаза…

— Кроме Рамюэля, ночевал также танцор Зебио, как вы называете его… любопытный малый, правда? Жгучий стройный брюнет, такой аргентинец, что уж дальше некуда. На афишах с его портретом, развешанных в дансинге, он носит имя Эвзебио Фуальдес… А в его документах значится, что он уроженец Лилля и настоящее имя сего южноамериканца Эдгар Фагоне. Вчера в дансинге устраивался ужин с танцами в честь известного киноактера. Зебио пробыл там до половины четвертого утра… По-видимому, он так беден, что предпочитает переночевать в подвале отеля, чем потратиться на такси.

Проспер Донж остановился у газового фонаря и стоял там, весь красный, с тревогой глядя на своего спутника.

— Вы что? — спросил Мегрэ.

— Я уже дома… Мне…

Из-под входной двери маленького домика, сло-

женного из тесаного камня, пробивалась полоска света.

— Я очень побеспокою вас, если на минутку зайду к вам?

Мегрэ мог бы поклясться, что у этого рослого вялого человека задрожали колени, что у него перехватило дыхание и закружилась голова. Наконец он пробормотал с трудом:

— Как вам угодно…

Он достал из кармана ключ и отпер дверь, ввел велосипед в коридор и машинально, как, должно быть, всегда это делал, крикнул:

— Это я!

В конце коридора была застекленная дверь в кухню, где горел свет. Донж вошел.

— Позволь тебе представить…

Шарлотта сидела перед кухонной плитой; засунув ноги в духовку и откинувшись на спинку стула, она подшивала комбинацию из розового шелка.

Увидев постороннего, она смутилась, вытащила ноги из духовки и нащупала под стулом свои шлепанцы.

— Ах, ты не один!.. Прошу у гостя извинения…

На столе стояла недопитая чашка кофе и тарелочка, на которой остались лишь крошки

пирожного.

— Входите, пожалуйста… Присядьте… Проспер так редко приводит гостей.

В кухне было тепло. Из приемника, превосходного, новенького приемника, лилась музыка. Шарлотта была в халате, в чулках, завернутых валиком под коленками.

— Как? Комиссар? Что случилось? — встревожилась она, когда Проспер Донж представил ей Мегрэ.

— Не беспокойтесь, мадам. Ничего не случилось. Просто мне пришлось сегодня поработать в «Мажестике», и я познакомился с вашим мужем…

При слове «муж» она посмотрела на Проспера и засмеялась.

— Это он вам сказал, что мы женаты?

— Я так подумал…

— Да нет!.. Присядьте, пожалуйста. Просто мы живем вместе… Думается, мы с ним больше всего друзья-приятели… Верно, Проспер?.. Мы ведь сто лет друг друга знаем… Заметьте, если бы я захотела, он бы женился на мне… А я, наоборот, все говорю ему: зачем? Что от этого изменится?.. Ведь нашим знакомым известно, что я была танцовщицей, потом плясала с посетителями в кабаре

на Лазурном берегу… А вот теперь растолстела, расплылась, и приходится мне работать при туалете в ночном ресторане на улице Фонтен… Слушай, Проспер, ты заплатил за приемник?

— Ну конечно…

Диктор объявил, что будет передаваться беседа по вопросам сельского хозяйства, и Шарлотта выключила приемник, потом, заметив, что халат у нее распахнулся, заколола его английской булавкой. На плите тушилось немудреное рагу. Шарлотта задумалась — не накрыть ли на стол? А Проспер Донж не знал, что делать, как держать себя.

— Может быть, перейдем в гостиную? — сказал он.

— Ты забыл, что там не топлено. Вы замерзнете! Если вам нужно поговорить с глазу на глаз, я могу уйти в спальню, кстати, оденусь там. Надо вам сказать, господин комиссар, что мы с Проспером будто в прятки играем: я вернусь с работы — ему надо уходить; а когда он возвращается — мне уже пора собираться. Едва успеваем вместе поесть. Даже выходные дни у нас почти никогда не совпадают, так что, когда он свободен, ему самому приходится стряпать для себя… Не хотите ли выпить стаканчик? Ты уж тут угощай, Проспер,

а я пойду...

Мегрэ живо возразил:

— Нет, нет, мадам... Останьтесь, пожалуйста... Я сейчас ухожу... Представьте себе, нынче утром в отеле «Мажестик» совершено преступление... Я хотел получить у вашего друга кое-какие сведения, поскольку это произошло в подвале и в такое время, когда он был там почти что один.

Было нелегко продолжать эту жестокую игру — слишком уж мучительную тревогу выражало лицо Проспера Донжа, напоминавшего не то рыбу, пойманную на крючок, не то испуганного барана. Он старался держаться спокойно, и это ему почти удавалось. Но ценой каких внутренних терзаний!..

Шарлотта, ничего не подозревая, спокойно наливала коньяк в рюмки с золотым ободком.

— Кого же убили? Кого-нибудь из служащих? — спросила она удивленно, но без особого волнения.

— Преступление произошло в подвале, но убитый вовсе не из служащих... Очень темное дело. Представьте себе, убили клиентку отеля, богачку, остановившуюся в «Мажестике» с мужем, сыном, его бонной и гувернанткой... Занимали они роскошный номер, за который платили больше

чем тысячу франков в сутки… И вот сегодня в шесть часов утра ее нашли удушенной, и не в ее апартаментах, а в подвале, в раздевальне. По всей вероятности, преступление совершено именно там… Зачем эта женщина пришла в подвал?.. Кто мог завлечь ее туда и каким образом?.. Да еще в такой час, когда обычно особы ее положения спят глубоким сном…

У Шарлотты на мгновение чуть сдвинулись брови, как будто ей пришла в голову какая-то мысль, которую она тотчас отогнала. Она бросила быстрый взгляд на Проспера, гревшего руки над плитой. Руки у него были очень белые, толстые пальцы поросли рыжими волосками.

Мегрэ безжалостно продолжал свой рассказ:

— Нелегко будет установить, зачем эта миссис Кларк явилась в подвал…

Мегрэ затаил дыхание, стараясь не шевелиться и по видимости рассматривал узор на клеенке, покрывавшей стол. Стояла такая мертвая тишина, что упади иголка, и то было бы слышно.

Казалось, Мегрэ хотел дать Шарлотте время справиться с волнением. Она оцепенела. Из ее полуоткрывшихся губ не вырвалось ни одного звука. Наконец Мегрэ расслышал что-то вроде глухого стона:

— А-ах! Что поделаешь!.. Это его ремесло! Это его долг…

— И вот я хочу спросить, не знали ли вы ее?..

— Я?..

— Не под именем миссис Кларк, которое она носит недавно, около шести лет, а под именем Эмильены или, скорее, Мими… Она служила танцовщицей при ресторане в Каннах в то время, когда…

Бедная толстуха Шарлотта! Как плохо она играла комедию. Как неумело она устремила глаза на потолок, словно старалась что-то вспомнить. Какие она сделала наивные, слишком наивные глаза!

— Эмильена?.. Мими?.. Нет, что-то не помню… Вы уверены, что она была в Каннах?..

— Да, в ресторане, который назывался тогда «Прекрасная звезда», как раз за набережной Круазет…

— Удивительно… Не помню никакой Мими… А ты, Проспер?

Он едва не задохся. Зачем заставляют его говорить, когда у него словно тисками сдавило горло?

— Н-нет…

Внешне как будто ничего не изменилось. По-

прежнему в кухне стоял приятный запах, как обычно в маленьких уютных квартирах, где от стен веет спокойствием, по-прежнему разливался вкусный, такой домашний аромат мясного рагу с поджаренным луком, которое тушилось на слабом огне. Стол покрыт клеенкой в красную клетку. Крошки пирожного. Как большинство женщин, склонных к полноте, Шарлотта, вероятно, обожала сладости и пировала в одиночестве, поглощая всякие печенья.

А эта недошитая комбинация из розового шелка!

И вдруг разразилась катастрофа. В точности еще ничего не было сказано. Любой вошедший в этот дом подумал бы, что супруги Донж любезно принимают у себя соседа.

Но никто из присутствующих не осмеливался открыть рта. Бедняга Проспер с лицом, рябым от оспы, как шумовка, закрыл свои голубые глаза и стоял у плиты, шатаясь так сильно, что страшно было, как бы он вдруг не рухнул на пол.

Мегрэ поднялся со вздохом.

— Ну, простите, что побеспокоил вас… Мне пора…

— Я сейчас отопру дверь, — быстро затараторила Шарлотта. — Да и мне тоже пора одеваться…

В десять часов я должна быть на месте, а здесь по вечерам ходит только один автобус в час… Так что надо заранее…

— До свиданья, Донж…

— До свида…

Быть может, он произнес все слово полностью, но расслышать было невозможно. Мегрэ взял свой велосипед, стоявший у крыльца. Дверь захлопнулась. Хорошо было бы посмотреть в замочную скважину, но кто-то шел по улице, и Мегрэ не хотелось, чтобы его застали в такой позе.

Он спустился по склону на тормозах и остановился перед бистро.

— Разрешите оставить у вас велосипед, завтра утром пришлю за ним.

Выпив стаканчик у стойки, он пошел к мосту Сен-Клу, на остановку автобуса.

А в Париже бригадир Люка уже больше часа звонил по всем телефонам, тщетно пытаясь разыскать своего начальника.

Глава 3
Шарлотта в «Пеликане»

— Наконец-то ты пожаловал, господин начальник!

Стоя в дверях своей квартиры, на бульваре Ришар-Ленуар, Мегрэ невольно улыбался, — не потому, что жена назвала его «господин начальник» — так она не раз именовала его в шутку, — но тепло, повеявшее на него из жарко натопленной комнаты, напомнило ему…

Он находился далеко от Сен-Клу и жил в кругу совсем ином, чем Проспер Донж и его сожительница… А все-таки, возвратившись домой, он застал жену за шитьем, хотя шила она не в кухне, а в столовой и ноги грела не в духовке газовой плиты, а на низенькой переносной печке «саламандра». И, право, он мог бы поклясться, что где-нибудь лежит недоеденное пирожное.

Над круглым столом горит висячая лампа. На столе, покрытом скатертью, суповая миска, графин вина, графин воды, две салфетки в серебряных кольцах. Из кухни шел такой же запах тушеного мяса, как и в том домике на крутом

холме…

— Тебе уже три раза звонили по телефону…

— Откуда? Из Дома?

Так Мегрэ и его сотрудники называли Уголовную полицию.

Он со вздохом облегчения сбросил с себя пальто, минутку погрел руки над «саламандрой», и опять ему вспомнилось, что и Проспер Донж вот так же протягивал руки к плите. Наконец он снял телефонную трубку и набрал номер.

— Это вы, патрон? — донесся по проводу приятный голос Люка. — Живы-здоровы? Никаких новостей? А я кое-что хотел вам сообщить, поэтому и задержался здесь… Во-первых, по поводу гувернантки… За ней повел слежку Жанвье, как только она вышла из отеля… А знаете, что Жанвье говорит про нее? Она, говорит, у себя в Америке не гувернанткой была, а гангстером! Алло! Вы слушаете? Я сейчас коротенько расскажу, как все было. Она вышла из отеля вскоре после разговора с вами… Вместо того чтобы сесть в автомобиль, которому рассыльный велел подъехать, она вскочила в проезжавшее мимо пустое такси, и Жанвье едва не потерял ее след… На Больших бульварах она нырнула в метро… Потом исчезла в доме, у которого два выхода. Жанвье все-таки

не упустил ее и шел за ней по пятам до Лионского вокзала… Он уже испугался, что она сядет в поезд и укатит, а у него денег при себе было мало… С четвертого пути должен был отойти экспресс на Рим… До отхода поезда оставалось минут десять… Эта самая Эллен Дерромен заглядывала во все вагоны… Когда она уже повернула назад, весьма разочарованная, на перроне появился рослый и весьма элегантный господин с саквояжем в руках…

— Освальд Дж. Кларк… — заметил Мегрэ, который, слушая Люка, рассеянно смотрел на жену. — Она, несомненно, хотела его предупредить…

— По словам Жанвье, они встретились скорее как добрые друзья, чем как хозяин и его служащая. Вы видели Кларка? Это сухощавый, хорошо сложенный малый, лицо у него открытое, на щеках здоровый румянец, как оно и подобает любителю бейсбола… Они принялись вдвоем расхаживать по перрону, о чем-то горячо говорили, Кларк как будто не решался уехать и все бросить… Поезд тронулся, американец все еще колебался, потом вскочил было на подножку, но остался… В конце концов они вышли из вокзала, подозвали такси. Через несколько минут оба приехали на авеню

Габриэль и вошли в американское посольство. Оттуда они отправились на авеню Фридланд к юрисконсульту посольства — к «солиситору», как его называют американцы… Солиситор позвонил по телефону следователю, и через три четверти часа все трое прибыли во Дворец правосудия, их сейчас же провели в кабинет следователя. Не знаю, что там говорилось, но следователь просил вас позвонить ему тотчас, как вы вернетесь… Кажется, что-то весьма срочное… Под конец Жанвье доложил, что, выйдя из Дворца правосудия, трое американцев направились в судебно-медицинскую экспертизу, чтобы официально опознать труп… А затем они возвратились в «Мажестик», и там Кларк в компании с солиситором выпили в баре по две рюмки виски, а девица отправилась в свой номер… Вот и все, патрон… Следователю, кажется, очень хочется поскорее поговорить с вами по телефону. Который час? До восьми часов он дома. Телефон — Тюрбиго 25—62… Затем он поедет на обед к знакомым, дал мне их телефон… Подождите… Гальвани 47—53… Я вам больше не нужен? До свиданья. Ночью следить будет Торанс.

— Можно подавать суп? — со вздохом спросила госпожа Мегрэ, отряхивая платье, чтобы сбросить

с него обрывки ниток.

— Приготовь мне сначала смокинг.

Так как уже шел девятый час, он набрал по телефону номер — Гальвани 47—53. Это был телефон молодого помощника прокурора. На звонок отозвалась горничная; слышны были веселые голоса и звяканье вилок о тарелки.

— Сейчас позову… Кто его спрашивает? Комиссар Негре?..

В открытую дверь спальни Мегрэ видел зеркальный шкаф, из которого госпожа Мегрэ доставала смокинг.

— Это вы, господин комиссар?.. Гм… гм… Вы не говорите по-английски? Верно?.. Алло! Не прерывайте! Я хочу вам сказать, гм… конечно, по поводу того дела… Полагаю, что было бы лучше, если бы вы не занимались им… то есть не сталкивались непосредственно с мистером Кларком и его персоналом…

Смутная улыбка заиграла на губах Мегрэ.

— Нынче днем у меня был мистер Кларк вместе с гувернанткой своего сына… Он человек довольно влиятельный, у него большие связи… До его посещения ко мне звонили из американского посольства, дали о нем самые благоприятные отзывы… Вы, надеюсь, понимаете?.. При таких об-

стоятельствах надо избегать промахов… Мистера Кларка сопровождал солиситор, и он настоял, чтобы я записал его заявление… Алло! Вы у телефона, господин комиссар?

— Да, да, господин следователь. Слушаю вас.

Звуковым фоном разговора служило звяканье вилок. Застольная беседа прервалась. Вероятно, гости внимательно слушали монолог следователя.

— Я сейчас в двух словах введу вас в курс дела… Завтра утром мой начальник канцелярии может вам сообщить текст этого заявления… Мистер Кларк действительно должен был поехать по делам в Рим, а затем и в столицы других стран… С некоторого времени он является женихом мисс Эллен Дерромен…

— Простите, господин следователь… Вы сказали — женихом? Я полагал, что мистер Кларк женат…

— Разумеется! Разумеется! Но он рассчитывал в скором времени развестись… Жена его не была поставлена в известность… Мы, следовательно, можем называть его женихом… Он воспользовался поездкой в Рим…

— Для того чтобы предварительно провести ночь в Париже в обществе мисс Дерромен.

— Совершенно верно. Однако вы напрасно, господин комиссар, говорите это ироническим тоном. Кларк произвел на меня прекрасное впечатление. Нравы в его стране не совсем такие, как у нас, и развод там… Словом, он весьма просто сообщил мне, где и с кем провел ночь… Ввиду вашего отсутствия я на всякий случай поручил инспектору Дюкюэну проверить это, но я уверен, что Кларк не солгал… Исходя из этого обстоятельства было бы неудобно…

В действительности это означало: «Мы имеем дело с человеком из высшего общества, находящимся под покровительством американского посольства. Исходя из этого обстоятельства не вмешивайтесь, пожалуйста, так как есть опасность, что вы поведете себя бестактно и заденете обидчивого американца. Ведите расследование среди служащих подвала, слуг и прочей мелкоты. А что касается мистера Кларка, я займусь им самолично!»

— Понял, господин следователь. Всего хорошего, господин следователь. — И, повернувшись к жене, сказал: — Можно подавать суп, госпожа Мегрэ.

Было около двенадцати часов ночи. В длиннейшем, плохо освещенном и пустынном коридоре

Уголовной полиции в воздухе, казалось, висела дымка пыльного тумана. Лакированные парадные штиблеты, которые Мегрэ надевал очень редко, скрипели, как новые ботинки первопричастника.

Войдя в свой кабинет, он прежде всего помешал жар в печке и погрел руки, затем, зажав трубку в зубах, отворил дверь в комнату инспекторов.

Дежурный Дюкюэн рассказывал Торансу какую-то историю, по-видимому, очень забавную, так как оба были в превосходном настроении.

— Ну как, старина?

Мегрэ присел на кончик стола, испещренного застарелыми чернильными пятнами, и выбил на пол пепел из трубки. Здесь можно было держать себя без церемоний, расстегнуться, сбить шляпу на затылок. Инспектора велели принести им пива из соседней пивной «Дофин», и комиссар с удовольствием убедился, что и его при этом не забыли.

— А знаете, патрон, странный тип этот Кларк! Я пошел в бар «Мажестика» понаблюдать за ним и хорошенько запомнить его приметы… С виду он, конечно, деловой человек и не очень-то покладистый господин… Но ведь мне теперь известно, как он провел вчера ночь, и что же? Оказывается,

он сущий мальчишка…

Торанс невольно покосился на белоснежную крахмальную манишку Мегрэ, на жемчужные запонки — не часто приходилось ему видеть своего начальника столь элегантным.

— Право, вы только послушайте… Прежде всего он пообедал со своей красоткой в маленьком ресторанчике на улице Лепик, где берут за обед по двенадцати франков… Представляете себе? Хозяин их заметил, так как у него не часто посетители заказывают настоящее шампанское… Затем они спросили, где можно покататься на карусели. Оба очень плохо говорят по-французски… Их в конце концов направили на ярмарку к Тронной заставе… Там я и напал на их след… Не знаю, катались они на карусели или нет, но думаю, что катались… Они также стреляли из карабинов, и Кларк потратил на это развлечение больше ста франков, что несколько удивило хозяйку тира… Представляете себе парочку? Взялись под ручку, бродят в толпе, как влюбленные… Но погодите, погодите, сейчас не то еще услышите… Вы знаете балаган Эжена Железная Рука? Сейчас у него выступает некий великан, мастер американской вольной борьбы. Эжен в конце представления бросил вызов в толпу, кто хочет помериться с ним

силами. И что же вы думаете? Нашему мистеру Кларку захотелось подраться с ним… Он пошел в угол, отгороженный грязной парусиной, разделся там, а потом задал трепку великану… Воображаю, как в первом ряду его милочка хлопала в ладоши. Кажется, зрители кричали: «Валяй, англичанин! Задай силачу как следует!» Ну а потом влюбленные отправились в «Мулен де ла Галет», танцевали там… В три часа утра они подкрепились в кафе «Купол» поджаренными сосисками, а затем, полагаю, угомонились и отправились бай-бай… В гостинице «Орленок» швейцара не имеется, только ночной сторож, который спит в каморке и, дернув веревку, впускает клиентов, не очень-то интересуясь, кто они такие… Он помнит, что часа в четыре утра на лестнице говорили по-английски… Заявляет, что никто до утра не выходил… Вот оно как! Вам не кажется, что для постояльцев отеля «Мажестик» вечер был проведен весьма странно?

Мегрэ не сказал ни да, ни нет, посмотрел на свои ручные часы, которые носил лишь в исключительных случаях (это был подарок к двадцатилетию его свадьбы), и спрыгнул со стола, служившего ему сиденьем.

— До свиданья, детки!

У порога он спохватился, повернул обратно и, подойдя к столу, выпил свою кружку пива. На улице ему пришлось порядком пройти пешком, пока он не нашел такси.

— На улицу Фонтен…

Был уже час ночи. В злачных заведениях Монмартра веселье было в разгаре. У входа в «Пеликан» посетителей встречал негр. Мегрэ пришлось сдать на вешалку котелок и пальто Входя в зал, где перебрасывались разноцветными ватными шариками и серпантином, он немного пошатывался, как будто нетвердо стоял на ногах.

— Столик прикажете у танцевальной площадки? Сюда, пожалуйста… Вы одни?

Мегрэ чуть было не буркнул не узнавшему его метрдотелю:

— Болван!

Но бармен издали приметил его и уже что-то шептал, наклоняясь к двум танцовщицам, облокотившимся на стойку красного дерева.

Мегрэ уселся за столик, как клиент, и, поскольку тут неудобно было пить пиво, заказал коньяку и минеральной воды. Не прошло и десяти минут, как к нему подсел встревоженный хозяин заведения.

— Надеюсь, ничего неприятного, господин

комиссар?.. Вы же знаете, я всегда соблюдаю правила…

Он оглядел сидевших в зале — кто из них мог оказаться причиной неожиданного появления полиции?

— Ничего, не беспокойтесь… — ответил Мегрэ. — Просто мне захотелось поразвлечься.

Он вытащил из кармана трубку, но, поняв по взгляду хозяина, что она тут неуместна, со вздохом положил ее обратно.

— Может быть, вам нужны какие-нибудь сведения, — подмигнув, заметил хозяин. — Пожалуйста, мы к вашим услугам. Но я хорошо знаю свой персонал. Не думаю, чтобы кто-нибудь из нынешних моих служащих мог вас заинтересовать… Что касается клиентов… как видите, обычная наша публика… Иностранцы, провинциалы… Поглядите, вон тот, который сидит с Леа, — депутат…

Мегрэ встал и тяжелым шагом направился к лестнице, которая вела в туалетную… Она помещалась в подвале — в большой, ярко освещенной комнате, облицованной голубоватыми изразцами. Рядом находилась телефонная будка из полированного красного дерева. Зеркала. На длинном столе разложены разнообразные

мелочи — гребенки, щетки, маникюрные принадлежности, пудра всевозможных оттенков, румяна, губная помада…

— Всегда такая чепуха получается, когда с ним танцуешь. Дай-ка мне парочку чулок, Шарлотта…

Маленькая, кругленькая женщина в вечернем платье, сидевшая на стуле, уже снимала с себя чулки. Высоко подняв юбку, она спокойно разглядывала свою ногу, пока Шарлотта рылась в ящике.

— Какие дать? Двадцать первый номер? Тонкие?

— Годятся. Давай… Раз кавалер не умеет танцевать, так должен бы…

Заметив в зеркале Мегрэ, она умолкла, но продолжала надевать новые чулки, время от времени кокетливо посматривая на него. Шарлотта обернулась и, увидев полицейского комиссара, побледнела.

— А-а! Это вы!..

И она деланно засмеялась. Шарлотта сейчас совсем не походила на ту женщину, которая грела в духовке ноги и лакомилась пирожными на кухне своего домика в Сен-Клу.

Белокурые завитые волосы были так тщательно

уложены, что их волны казались недвижными. Лицо стало конфетно-розовым. Простое, но хорошо сшитое платье черного шелка ловко облегало ее пышные формы, а на платье белел крошечный кружевной передничек, какие увидишь только на сцене, у театральных субреток.

— Я тебе потом заплачу, Шарлотта. За все сразу.

— Хорошо, хорошо…

Девица поняла, что посетитель ждет, чтобы она ушла, и, надев свои туфли, побежала по лестнице, которая вела в ресторан.

Шарлотта, притворяясь, что она приводит в порядок разложенные на столе коробочки, решилась наконец спросить:

— Что вам от меня нужно?

Мегрэ не ответил. Он сел на стул, с которого вспорхнула молодая особа, надевшая новые чулки. Воспользовавшись своим пребыванием в подвале, он принялся набивать трубку, делая это не спеша и весьма старательно.

— Вы, вероятно, воображаете, будто я знаю, что-нибудь, но вы глубоко ошибаетесь…

Удивительное дело: женщинам миролюбивого нрава, не в пример темпераментным особам, плохо удается скрывать свое волнение. Шарлотта

пыталась сохранить спокойствие, но лицо у нее пошло красными пятнами, а руки так неловко перебирали вещицы, разложенные на столе, что она уронила на пол щеточку для ногтей.

— Когда вы были у нас, я прекрасно поняла по вашим глазам, что вы вообразили, будто…

— И вы, разумеется, никогда не знали танцовщицу по имени Мими! Не знали!

— Никогда.

— А ведь вы долго выступали в Каннах танцоркой в кабаре одновременно с этой самой Мими.

— В Каннах не одно-единственное кабаре, и ведь не будешь со всеми водить знакомство…

— Вы где служили? В «Прекрасной звезде»?

— Ну и что?..

— Ничего… Я просто пришел немножко поговорить с вами…

Наступило, однако, молчание, длившееся не меньше пяти минут. В подвал спустился какой-то посетитель ресторана, мыл руки, причесывался, потом потребовал тряпку, чтобы обтереть свои блестящие лакированные штиблеты. Когда наконец он ушел, оставив на блюдечке пять франков, комиссар возобновил разговор.

— Я чувствую симпатию к Просперу Донжу… Уверен, что он прекраснейший человек…

— Еще бы! Ах, если б вы знали, какой он хороший! — с жаром воскликнула Шарлотта.

— У него было тяжелое детство, и, кажется, ему всегда приходилось бороться за…

— Подумайте, ведь он и школы не кончил, а сколько он знает, и до всего дошел самоучкой. Вот поройтесь у него в кафетерии и найдете там книги, да притом такие книги, какие бедные люди, вроде нас, не привыкли читать. Он всегда стремился к образованию… Он мечтал…

Она вдруг остановилась, видимо, смутившись, не зная, как себя держать.

— Телефон не звонил?

— Нет…

— Так что я говорила?

— Что Проспер мечтал…

— Ну ладно, какой тут секрет! Ему хотелось иметь сына и вывести его в люди… Да вот неудачно жену выбрал, бедняга, — у меня была операция, и я уже не могу иметь детей.

— Вы знаете Жана Рамюэля?

— Нет. Знаю только, что он счетовод и что он болен. Вот и все… Проспер очень мало рассказывает мне о своем «Мажестике»… Не то что я, — я ему обо всем говорю, что у нас в «Пеликане» случается…

Как видно, она немного успокоилась; и тогда Мегрэ попробовал продвинуться дальше:

— Знаете, что меня поразило?.. Мне не полагается это говорить… надо сохранять тайну следствия… Но я уверен, что это останется между нами… Представьте, револьвер, который обнаружили в сумочке миссис Кларк, был куплен накануне убийства у оружейника на улице Фобур-Сент-Оноре… Вам не кажется это удивительным, а? Богатая, замужняя женщина, мать семейства приезжает из Нью-Йорка, останавливается в роскошной гостинице на Елисейских полях, и вдруг ей зачем-то понадобилось купить револьвер… Заметьте, что купила она не хорошенький дамский револьверчик, а солидное оружие…

Избегая смотреть на Шарлотту, Мегрэ упорно глядел на кончики своих блестящих ботинок, как будто удивляясь, почему он так элегантно одет.

— И установлено, что эта самая женщина через несколько часов пробирается по черной лестнице в подвал отеля… Как же не подумать, что у нее было назначено там свидание?.. И как не сделать вывод, что в предвидении этого свидания она и купила револьвер?.. Предположите теперь, что у женщины, сделавшейся такой важной особой, было бурное прошлое и что свидетель этого про-

шлого пытался ее шантажировать… Вы не знаете, Рамюэль жил на Лазурном берегу? Нет? А некий танцор-профессионал, именующий себя Зебио?..

— Я с ним не знакома.

Мегрэ не смотрел на нее, он и так чувствовал, что она вот-вот расплачется.

— Ее мог убить и ночной швейцар, потому что около шести часов утра он спустился в подвал… Проспер Донж слышал его шаги на черной лестнице. Мог это сделать и кто-нибудь из коридорных… А жаль, право, жаль, что вы не были знакомы в Каннах с Мими… Вы тогда могли бы сказать нам, с кем она была близка в те времена… Жаль!.. Это избавило бы меня от поездки в Канны. Очень досадно будет, если я там не найду никого, кто знал покойную Мими…

Он встал, выбил трубку и порылся в кармане, как будто хотел положить мелочь на блюдечко.

— Ради бога, не делайте этого! — запротестовала Шарлотта.

— Спокойной ночи… В котором часу, спрашивается, отходит поезд…

Поднявшись в зал, он тотчас расплатился и, выйдя из «Пеликана», поспешил в бар, находившийся на противоположной стороне улицы, — посетителями этого кафе-табачной были

служащие окрестных ночных ресторанов.

— Где у вас телефон?

Он вызвал Центральную станцию.

— Говорят из Уголовной полиции. Сейчас непременно позвонят из ресторана «Пеликан», закажут разговор с Каннами. Не спешите соединять. Дождитесь моего прибытия…

Он вскочил в такси, помчался на Центральную телефонную станцию, показал свое удостоверение начальнику ночной смены.

— Дайте мне провод прослушивания… Заказывал кто-нибудь Канны?

— Да, только сейчас. Я поискал, чей номер вызывают. Оказалось «Кафе артистов», открытое всю ночь… Можно соединять?

Мегрэ надел наушники и стал ждать. Телефонистки, тоже в наушниках, с любопытством смотрели на него.

— Соединяю вас с Каннами, номер 18-43. Говорите.

— Благодарю… Алло! «Кафе артистов»? Кто у телефона? Это ты, Жан?… Говорит Шарлотта… Ну да, Шарлотта из «Прекрасной звезды». Подожди. Сейчас закрою дверь… Кажется, кто-то…

Слышно было, как она с кем-то говорит, — вероятно, с клиентом, потом стукнула дверь.

— Слушай, милый мой Жан… Это очень важно… Я тебе напишу, все объясню… Нет, писать опасно… Я сама приеду к тебе, когда все кончится… Жижи еще у вас? Да? Все такая же? Не изменилась?.. Слушай, передай ей, обязательно передай, что если ее будут спрашивать относительно Мими… Помнишь ее? Нет?.. Ну да, тебя еще тогда не было в Каннах… Ну, одним словом, если кто-нибудь станет спрашивать про Мими, все равно что, то Жижи ровно ничего не знает… В особенности пусть ничего не говорит о Проспере…

— О каком Проспере? — спросил мужской голос на другом конце провода.

— Не любопытствуй… Так пусть она говорит, что не знает Проспера… И Мими не знает… Алло! Не прерывайте!… Кто это там на линии?..

Мегрэ догадался, что она встревожилась; возможно, ей пришла мысль, что разговор подслушивают.

— Понял, Жан? Голубчик, я рассчитываю на тебя… Разговор кончаю, потому что кто-то…

Мегрэ снял наушники и разжег угасшую трубку.

— Вы узнали то, что хотели? — спросил начальник смены.

— Узнал… Дайте мне Лионский вокзал… Хочу

спросить, в котором часу отходит поезд на Канны. Лишь бы успеть…

Он с досадой посмотрел на свой смокинг. Лишь бы успеть переодеться.

— Алло?.. Как вы говорите?.. В четыре часа семнадцать минут?.. А прибывает в два часа дня?.. Благодарю.

Мегрэ едва успел заехать на бульвар Ришар-Ленуар, смеясь, успокоить раздраженную супругу.

— Достань скорее костюм… Рубашку… Носки.

В четыре часа семнадцать минут он уже был в вагоне поезда, отправлявшегося к Лазурному берегу, и сидел напротив дамы, которая держала на коленях уродливую болонку и косо поглядывала на Мегрэ, очевидно подозревая, что он не любит собак.

В это самое время Шарлотта, как и каждую ночь, села в такси; шофер, обслуживавший главным образом посетителей «Пеликана», бесплатно довозил ее до дому.

В пять часов утра Проспер Донж услышал, как стукнула дверца машины, как загудел мотор, потом раздались шаги на лестнице, щелкнул ключ в дверях. Но не услышал привычного шипенья в конфорке газовой плиты. Не заглянув в кухню, Шарлотта побежала по лестнице и, открыв дверь,

крикнула:

— Проспер!.. Слушай… Не притворяйся, что ты спишь… Комиссар…

Прежде чем изложить суть дела, ей пришлось расстегнуться, оторвав второпях пуговицу лифчика, спустить пояс, и тогда чулки завернулись на ногах штопором.

— Нам надо поговорить серьезно. Встань, Проспер… Да встань же!.. Разве можно серьезно разговаривать с человеком, когда он валяется в постели…

Глава 4
Жижи и карнавал

Три часа подряд Мегрэ испытывал неприятное ощущение, как будто он блуждает по своего рода «ничейной земле», между сном и явью. Может быть, просто нервы у него были взвинчены. До Лиона и даже дальше, пожалуй до Монтелимара, поезд катил сквозь завесы тумана. Женщина с лохматой собачонкой, сидевшая напротив Мегрэ, не сходила с места, и не было ни одного свободного купе.

Мегрэ никак не мог найти удобное положение. Да и в вагоне было ужасно жарко. А стоило опустить окно, врывался холод. Наконец Мегрэ направился в вагон-ресторан и для подкрепления сил перепробовал все напитки, какие имелись в буфете: пил сначала кофе, потом коньяк, потом пиво.

Около одиннадцати часов утра, совсем раскиснув, Мегрэ решил, что, может быть, ему станет лучше, если он поест, и заказал себе яичницу с ветчиной, но и еда не шла ему в горло.

Словом, сказывалась бессонная ночь, проведен-

ная к тому же в душном вагоне. Он измучился. Когда проехали Марсель, он задремал в своем углу, и, услышав наконец возглас проводника: «Канны!» — вскочил, озираясь с тупым удивлением.

Повсюду мимозы, солнце сверкает, как в день Четырнадцатого июля. Мимозы на паровозах, на вагонах, на чугунных столбах, поддерживающих навес над перроном! Кишит толпа пассажиров, одетых в светлые костюмы, мужчины в белых брюках…

Из подошедшей автомотрисы повыскакивали десятки таких белобрючников в форменных фуражках и с медными духовыми инструментами под мышкой. Выйдя из вокзала, Мегрэ натолкнулся на другой оркестр, уже оглашавший воздух вибрирующими нотами.

Оргия света, звуков, красок. Повсюду знамена, флаги, вымпелы, а главное, повсюду золотистые мимозы, разливавшие сладкий запах, которым пропитан был весь город.

— Простите, сержант, — спросил Мегрэ у полицейского, тоже имевшего праздничный вид, — что тут происходит, скажите, пожалуйста?

На него глядели с таким удивлением, будто он упал с луны.

— Да как же! Нынче у нас праздник. Карнавальное шествие.

Колесницы, убранные цветами. По мостовой проходили все новые оркестры, направляясь к морю, иногда мелькавшему в просвете улицы, манившему к себе нежной голубизной.

Мегрэ долго вспоминалась потом девчушка, одетая в костюм Пьеретты. Мать тащила ее за ручонку, торопясь, вероятно, занять хорошее место на набережной, чтобы всласть полюбоваться карнавальным шествием. В этом не было бы ничего особенного, не будь на девочке ужасающей маски с длинным носом, красными скулами и длинными, свисавшими, как у китайцев, усами. Ее маленькие пухлые ножонки семенили быстро-быстро.

Мегрэ не пришлось спрашивать дорогу. Как только он вышел по тихой улице на набережную Круазет, ему бросилась в глаза вывеска «Кафе артистов», а дальше над дверью — «Отель». Мегрэ сразу понял, что это за отель.

Он вошел. Четверо посетителей в черных строгих костюмах, в белых крахмальных манишках и в жестких, словно железных, галстуках играли

в белот[2], дожидаясь часа, когда им полагалось приступить к обязанностям крупье в казино.

У окна раскрашенная девица ела сосиски с тушеной капустой. Официант вытирал столы. За стойкой какой-то молодой человек, должно быть, хозяин кафе, читал газету. А снаружи — и вблизи и вдали — ветер разносил звуки медных труб и, казалось, отдававшую запахом мимозы пыль, поднятую ногами толпившихся на улицах людей, перекличку голосов и гудки автомобилей…

— Кружку пива! — буркнул Мегрэ, освобождаясь наконец от своего тяжелого пальто.

Ему было почти неловко, что он одет во все черное, как крупье. Как только Мегрэ вошел, он обменялся с хозяином пристальным взглядом.

— Скажите, пожалуйста, мсье Жан…

Сразу видно было, что мсье Жан подумал: «Наверняка шпик».

— Вы давно держите это кафе?

— Скоро уже три года… Почему вы спрашиваете?

— А до этого где были?

---

[2] Примечания: 2

Вид карточной азартной игры. Была очень популярной с 19 по середину 20 века во Франции, Болгарии и других странах Европы. В белот играют два-три игрока. Главная задача игроков набрать 1001 очко или более, которые начисляются за взятки, за комбинации, и за последнюю взятку. (*прим. верстальщика*)

— Если вас это интересует, могу сказать: служил барменом в «Кафе мира» в Монте-Карло.

В каких-нибудь ста метрах отсюда начиналась Круазет, и на ней высились большие отели «Карлтон», «Мирамар», «Мартине» и другие…

Ясно было, что «Кафе артистов» представляло собой задворки этой элегантной жизни. Впрочем, вся улица была задворками — на ней разместились красильни, химическая чистка, парикмахерские, бистро для шоферов, всевозможные мелкие мастерские, ютившиеся в тени роскошных отелей.

— Ваше кафе, вероятно, открыто всю ночь?..

— Да, всю ночь.

Конечно, его клиентуру составляли не курортники, а служащие казино и гостиниц, герлс из мюзик-холла, платные партнерши из дансингов, рассыльные, зазывалы, всякого рода посредники, сутенеры, жучки, торговавшие сведениями о фаворитах ипподромов или рекламировавшие ночные кабаки…

— Я вам еще нужен? — довольно сухо спросил хозяин.

— Не можете ли вы сказать, где мне найти некую Жижи…

— Жижи? Не знаю такой…

Женщина, поглощавшая сосиски с тушеной капустой, наблюдала за Мегрэ и хозяином, глядя на них усталыми глазами. Крупье встали из-за столика, так как было уже около трех часов дня.

— Скажите-ка, мсье Жан… У вас никогда не было неприятностей из-за лотерейных автоматов или чего-нибудь в этом роде?

— А вам какое дело?

— Я спрашиваю это потому, что если за вами уже имеются грешки, то дело может обернуться для вас плохо… Шарлотта — славная женщина… Она телефонирует своим приятелям, просит оказать ей услугу, но забывает уточнить, в чем тут суть… А когда человек держит коммерческое заведение, как вы, например, и у него уже были в прошлом небольшие неприятности, он обычно не стремится влипнуть в мокрое дело… Ну, хорошо. Я могу сейчас позвонить по телефону в полицию нравов, и, думаю, там мне без особого труда укажут, где найти Жижи… У вас есть жетончики для телефона-автомата?

Он встал и направился к телефонной кабинке.

— Простите! Что вы сказали? Мокрое дело? Это верно?

— Даю слово. Речь идет об убийстве. Если уж комиссар особого отдела специально приезжает

из Парижа, надо полагать, что…

— Минуточку, господин комиссар… Вам обязательно нужно видеть Жижи?

— Я проехал для этого больше тысячи километров…

— Ну пойдемте. Только предупреждаю вас, толку вы от нее не добьетесь… Вы ее знаете? Два дня из трех она в бесчувствии. Я хочу сказать, что когда она раздобудет свое зелье… Ну, понимаете? А как раз вчера…

— Ну да, вчера, совершенно случайно, после телефонного звонка Шарлотты, она добыла это зелье, верно? Где она?

— Пожалуйте сюда… Она снимает где-то в городе комнату, но нынче ночью не в силах была стоять на ногах…

Одна из дверей «Кафе артистов» вела на лестницу «Отеля». Хозяин провел Мегрэ на антресоли. Постучался.

— К тебе пришли, Жижи! — крикнул он. Подождал, пока Мегрэ уже закрыл за собой дверь, а тогда, пожав плечами, вернулся к себе за стойку и, несколько встревоженный, взялся опять за газету.

Сквозь задернутые оконные занавеси просвечивало только радужное пятно. В комнате был

беспорядок. На железной кровати лежала в одежде растрепанная женщина, уткнувшись лицом в подушку. Спросила сонным голосом: — Кто там?

Потом выглянул один глаз, очень мрачный.

— …ты уже пришел?..

Запавшие ноздри. Желтое лицо. Женщина была худа, угловата, черна как галка.

— Который час? Что не раздеваешься?

Она приподнялась на локте, выпила глоток воды, посмотрела на Мегрэ, стараясь прийти в себя, и, видя, что он чинно сидит на стуле у ее изголовья, спросила:

— Ты доктор?

— Что вам нынче ночью сказал мсье Жан?

— Жан?.. Замечательный парень… Он мне дал… Но вам-то что до этого?

— Он тебе дал кокаину, я знаю… Лежи, не вставай… И он говорил с тобой о Мими и о Проспере.

По-прежнему на улице гремели медные трубы, то ближе, то дальше, по-прежнему воздух пропитан был приторным благоуханием мимоз, словно никаких других запахов не существовало на свете.

— Проспер хороший…

Она говорила как во сне, с какими-то детскими интонациями. Потом вдруг жмурилась, морщила

лоб, словно от внезапной острой боли. Язык у нее заплетался.

— А у тебя есть немножко? Дай!..

Ей вновь хотелось наркотика. У Мегрэ было неприятное чувство, что он вырывает секрет у больной, лежащей в бреду.

— Ты очень любила Проспера, верно?

— Он не такой, как другие… Очень уж добрый… А что за женушка ему попалась? Мими!.. Да так всегда бывает… Ты его знал?

Ну, еще одно усилие! В конце концов ведь это его обязанность.

— Когда он служил в «Мирамаре», верно?.. А вы трое танцевали в «Прекрасной звезде» — Мими, Шарлотта и ты…

Она строго произнесла:

— Не говори плохо про Шарлотту. Она славная… Влюбилась по уши в Проспера… Если б он меня послушался…

— Я думаю, вы встречались в «Кафе артистов», когда бывали свободны… Проспер был любовником Мими.

— Уж как он влюблен был!.. Даже поглупел… Бедняга Проспер… А потом, когда она…

И вдруг Жижи приподнялась на постели и спросила недоверчиво:

— А вы вправду ему друг? Просперу?

— Когда у нее родился ребенок, да?

— Кто вам про это сказал? Она только мне одной написала. Да и не так все началось…

Она прислушалась к музыке, опять приблизившейся к дому.

— Что это такое?

— Ничего…

На Круазет выехали разукрашенные цветами колесницы, пушечный выстрел возвестил о начале карнавального шествия. Сверкающее солнце, гладкое море, моторные лодки, чертившие круги на воде, и маленькие грациозно наклонявшиеся яхточки…

— А у тебя, может, все-таки есть немножко?.. Поди попроси у Жана.

— Значит, Мими сперва уехала с американцем?

— Это тебе Проспер рассказал?.. Дай мне еще стаканчик воды, будь такой добренький… Этот самый янки встретил ее в «Прекрасной звезде» и влюбился в нее… Увез ее в Довиль, а потом в Биариц… Надо правду сказать, Мими умела за дело взяться… Не то что мы, дурочки… Шарлотта где теперь? Все еще в «Пеликане»?.. А вот я совсем развалина…

И она презрительно засмеялась, обнажив испорченные зубы.

— Как-то раз Мими написала мне, что у нее будет ребенок и она, мол, уверила своего американца, будто младенец от него… Как его звали-то, американца? Освальд. А потом еще одно письмо прислала, что едва не погорела: родился мальчишка, рыжий-рыжий… Понимаешь?.. Я не хотела, чтобы Просперу сказали…

Может быть, подействовали два стакана воды, которые она выпила. Она спустила с постели ноги, длинные тощие ноги, вряд ли привлекавшие взгляды мужчин. Когда она поднялась, стало видно, что она высокая и худая, как скелет. Сколько часов приходилось ей вышагивать в темноте по тротуару или сидеть в пивной за столиком, чтобы залучить клиента…

Взгляд ее прояснился. Она пристально посмотрела на Мегрэ.

— Ты из полиции, а?

И лицо ее исказилось от злобы. Однако в голове все еще стоял туман, и она делала усилия, чтобы рассеять его.

— Постой… Что мне Жан говорил?.. Да ты как сюда попал? Кто тебя привел? Жан не велел мне ни с кем разговаривать… Я ему слово дала.

Признавайся… Признавайся, ты из полиции? А я… Да какое полиции дело, что Проспер и Мими…

И вдруг разразилась истерика, ужасная, неистовая.

— Мерзавец!.. Сволочь!.. Воспользовался тем, что я не в себе была.

Она отворила дверь, слышнее стал шум, доносившийся с улицы.

— Убирайся… Сейчас же убирайся… а не то я тебя… я…

Она была смешной и жалкой. Швырнула в Мегрэ кувшин с водой, чуть не угодила ему по ногам, и пока он спускался с лестницы, кричала ему вслед грубые ругательства.

В кафе посетителей не было. Еще не настал час.

— Ну как? — спросил из-за стойки мсье Жан.

Мегрэ надел пальто и котелок, оставил мелочь для официанта.

— Узнали вы от нее то, что хотели?

На лестнице, которая вела в номера, послышался голос:

— Жан!.. Жан!.. Иди сюда. Я тебе кое-что скажу…

Дверь в кафе приотворилась, и из нее выглянула жалкая, растрепанная Жижи, без башмаков, в

спустившихся чулках.

Мегрэ счел за благо удалиться.

На Круазет люди, глядя на черное пальто и котелок Мегрэ, вероятно, принимали его за провинциала, впервые приехавшего на Лазурный берег полюбоваться карнавалом. Маски толкали его. Он с трудом вырывался от весельчаков, тянувших его за собой в фарандолу. На песчаном пляже несколько курортников, равнодушных к празднику, принимали солнечные ванны, почти голые, уже загорелые, и смазывали тело оливковым маслом, чтобы загореть еще больше.

Вот и отель «Мирамар», выкрашенный в желтый цвет, массивная громада с двумя-тремя сотнями окон, с величественным швейцаром, с целым парком автомобилей и армией рассыльных. Мегрэ думал было зайти туда. Да нет, к чему? Ведь он уже выпытал все, что ему надо было узнать. А пить очень хотелось, хотя он много пил в тот день. Он вошел в бар.

— Есть у вас железнодорожное расписание?

— На Париж? В двадцать часов сорок минут отходит скорый, вагоны трех классов…

Мегрэ выпил еще кружку пива. Надо было ждать несколько часов. Он не знал, куда себя девать. Должно быть, у него осталось отвратитель-

ное воспоминание об этих часах, проведенных в Каннах в праздничной атмосфере карнавала.

Он старался представить себе то, что было здесь не так давно, и минутами это прошлое становилось для него таким реальным, что он буквально видел перед собой Проспера, его рябое лицо, рыжие волосы, добрые выпуклые глаза; видел, как он выходит из «Мирамара» по черной лестнице и бежит в «Кафе артистов».

Три женщины, которые в те времена были на шесть лет моложе, сидели за столиком в этой пивной — завтракали или обедали. Проспер был ужасно некрасив. Он это знал. И все же он страстно любил Мими, самую молодую и самую хорошенькую из трех подруг.

Вначале они, наверное, прыскали от смеха, замечая его пламенные взгляды.

— Напрасно ты, Мими, смеешься над ним, — должно быть, говорила Шарлотта. — Он славный малый. Кто знает, что может случиться…

Вечером все трое выступали в «Прекрасной звезде». Проспер там не появлялся. Там ему было не место. Но на рассвете он опять бежал в кафе, и тогда они вчетвером ели луковый суп…

— Вот если б меня так любил мужчина!..

Шарлотту, наверно, трогала эта страстная и

смиренная любовь. Жижи тогда еще не нюхала кокаина.

— Не расстраивайтесь, Проспер… Она только делает вид, будто смеется над вами, а в глубине души…

Проспер стал любовником Мими! Может быть, они и поселились бы вместе. Проспер истратил на подарки почти все свои сбережения. Все было хорошо, пока проезжий американец…

Интересно, говорила ли потом Шарлотта Проспер Донжу, что ребенок-то наверняка от него?

Шарлотта славная женщина. Знала, что Проспер ее не любит, что он по-прежнему без ума от Мими, и все-таки была ему заботливой подругой, поселившись с ним в небольшом домишке за мостом Сен-Клу.

А Жижи скатывалась все ниже.

— Цветочки! Купите цветочков! Не желаете ли послать букет своей подружке?..

В голосе цветочницы звучала насмешка, так как Мегрэ отнюдь не был похож на человека, у которого есть подружка. Однако ж он послал в Париж своей жене корзину мимоз.

До отхода поезда оставалось еще полчаса, и вдруг по какой-то интуиции он заказал телефонный разговор с Парижем. Это было в маленьком

баре около вокзала. У музыкантов духовых оркестров брюки теперь запылились. Целыми вагонами они уезжали домой в соседние городки, и в воздухе чувствовалась усталость после весело проведенного праздника.

— Алло! Это вы, патрон?.. Вы все еще в Каннах?

По голосу было ясно, что Люка взволнован.

— А у нас новости… Следователь просто в ярости… Сейчас справлялся по телефону, что вы делаете… Алло! Тут кое-что обнаружили недавно, еще часа не прошло… Сообщил по телефону Торанс, он дежурил тогда в «Мажестике».

Стоя неподвижно в тесной кабинке, Мегрэ слушал, отвечая время от времени глухим ворчанием. Через окошечко кабины виден был бар, залитый лучами заходящего солнца; за столиками подкреплялись музыканты в белых полотняных брюках, в фуражках с серебряным галуном. Порой кто-нибудь в шутку протяжно трубил на своем геликоне или тромбоне, а в бокалах тускло поблескивала опаловыми переливами анисовая.

— Хорошо!.. Буду там завтра утром… Нет! Очевидно… Ну что же, если следователь настаивает, пусть его арестуют…

То, о чем докладывал Люка, можно сказать,

произошло только что. И опять в подвалах «Мажестика». В дансинге уже пили чай и танцевали под музыку, проникавшую через все перегородки… Проспер Донж казался большой золотой рыбой в аквариуме… Жан Рамюэль сидел у себя в будке желтый, как лимон…

По словам Люка (следствие еще не началось), по коридорам подвала прошел ночной швейцар без ливреи, в обычном своем костюме. Зачем он приходил — никто не знает. Никто на него не обратил внимания. У каждого своих дел достаточно, нечего любопытствовать.

Ночного швейцара звали Жюстен Кольбеф. Это был низенький, спокойный человек, серенький, незаметный, дежуривший по ночам в холле. Он сидел в одиночестве. Не читал. Не разговаривал — говорить было не с кем, и все-таки не поддавался сну. Долгие часы сидел на стуле, устремив взгляд в одну точку. Жена его служила консьержкой в новом доме в Нейи.

Зачем же Кольбеф явился в половине пятого?

Танцор Зебио прошел в раздевальню переодеться, надеть смокинг. Кругом сновали люди. Несколько раз Рамюэль выходил из своей клетки.

В пять часов Проспер Донж тоже направился

в раздевальню. Сменил там белую куртку на пиджак, надел пальто, взял свой велосипед.

А через несколько минут в раздевальню вошел рассыльный. Он заметил, что дверца шкафа № 89 приоткрыта. Через минуту все сбежались в раздевальню, услышав его вопли.

В шкафу обнаружили грузно осевшее тело ночного швейцара, одетого в серое пальто. Рядом лежала его фетровая шляпа.

Жюстен Кольбеф был удушен, так же как и миссис Кларк. Тело еще было теплое.

Тем временем Проспер Донж спокойно ехал на велосипеде через Булонский лес, потом по мосту Сен-Клу; остановившись у крутого подъема, слез с велосипеда и, ведя его за руль, двинулся пешком к своему домику.

— Рюмку анисовой! — заказал Мегрэ, видя только этот напиток на стойке.

Потом он сел в поезд, чувствуя, что голова у него стала тяжелой, как это случалось в детстве, когда он долго гулял в знойный день на самом солнцепеке.

Глава 5
Плевок на стекле

Поезд мирно катился по рельсам. Мегрэ уже снял с себя пиджак, галстук и пристяжной воротничок; купе было словно накалено, казалось, какая-то особая жара, пропитанная запахами поезда, исходила от перегородок, от пола, от диванов.

Мегрэ наклонился, чтобы расшнуровать ботинки. Пусть начальство рассердится, но все-таки он не удовольствовался служебным проездным билетом первого класса, а еще заплатил и за плацкарту, взял спальное место. Контролер пообещал ему, что никого не посадит в его купе.

Наклонившись над ботинками, Мегрэ вдруг почувствовал, что рядом кто-то есть — стоит и пристально смотрит на него. Неприятное ощущение! Он поднял голову. Сквозь застекленную дверь увидел в коридоре бледное лицо. Глубокие темные глаза мрачно смотрели на него. Большой, небрежно накрашенный рот увеличен двумя уже расплывшимися мазками губной помады. Но больше всего поражало выражение презрения и

ненависти, застывшее на этом странном лице. Как Жижи оказалась здесь? Не успел Мегрэ снова обуться, как эта жалкая проститутка плюнула на стекло и проследовала по коридору дальше.

Сохраняя невозмутимость, Мегрэ оделся. Прежде чем выйти из купе, закурил трубку, словно хотел перевести дух. Потом двинулся по коридорам из вагона в вагон, заглядывая по дороге в каждое купе. Поезд был длинный. Мегрэ одолел по меньшей мере десяток переходов между вагонами, раз двадцать ушибался, стукаясь о перегородки, побеспокоил с полсотни пассажиров: «Простите… Извините…»

Ковровые дорожки кончились. Он очутился в третьем классе. На скамейках сидело по шести человек. Кое-кто дремал, другие закусывали. Дети смотрели сонными глазами в одну точку.

В купе, в котором ехали «погулять» в Париж два матроса из Тулона, клевала носом чета престарелых супругов, заснувших с открытым ртом; жена и во сне не выпускала из рук корзину, стоявшую у нее на коленях. И тут Мегрэ обнаружил Жижи, забившуюся в угол.

Когда Жижи появилась перед ним в коридоре его вагона, он не заметил, как она одета. Он был так поражен, что не понял даже, что перед ним

уже не та женщина, которую он видел в «Кафе артистов», наркоманка с мутным взглядом и распущенными губами.

Кутаясь в облезлое меховое манто, она сидела, скрестив ноги и выставив как на показ стоптанные туфли и «дорожку» на чулке, смотрела строгим взглядом куда-то в пространство. Как ей удалось выйти из того страшного состояния, в котором он видел ее днем? Может быть, ей дали какое-нибудь лекарство? А может быть, подхлестнули еще одной дозой кокаина?

Жижи заметила, что в коридоре стоит Мегрэ, но не пошевельнулась. Он довольно долго наблюдал за ней, потом поманил ее рукой. Она не обращала на него внимания. Тогда он отворил дверь в купе.

— Выйдите, пожалуйста, на минутку.

Она заколебалась. Матросы с любопытством смотрели на нее. Как быть? Устроить скандал? Пожав плечами, она поднялась и вышла в коридор. Мегрэ затворил дверь.

— Чего вы прицепились ко мне? Хватит! — процедила она сквозь зубы. — Можете радоваться. Гордитесь своей работой! Воспользовались тем, что я была не в себе…

Мегрэ видел, что ее плохо накрашенные губы

задрожали, что она того и гляди заплачет, и отвернулся.

— Вы-то времени зря не теряли, успели засадить его за решетку.

— Послушайте, Жижи, откуда вы взяли, что Проспер арестован?

Она устало покачала головой.

— Так вы еще не в курсе дела? А я думала, что на телефоне лучше подслушивают… Что ж, могу и сказать, все равно вы скоро узнаете… Шарлотта только что телефонировала Жану… Едва Проспер вернулся с работы, примчалась машина, битком набитая фараонами, и его забрали. Шарлотта совсем голову потеряла… позвонила Жану, хотела узнать, говорила ли я что-нибудь… А ведь я говорила. Правильно? Говорила? Достаточно наболтала, чтобы вы его засадили…

Вагон трясло, и при одном особенно сильном толчке Жижи бросило прямо на Мегрэ. Она с ужасом отпрянула от него.

— Но вам это даром не пройдет, клятву даю! Даже если Проспер действительно убил эту мерзавку Мими… Я вам вот что скажу, комиссар… Попомните мое слово! Я кто такая? Потаскушка, отребье, мне терять нечего, и вот клятву даю, если Проспера засудят, я вас разыщу и всажу вам

пулю в башку.

Умолкнув, она с презрительным видом ждала его ответа. Он ничего не сказал. Он чувствовал, что это не пустая угроза, что она и в самом деле способна подстеречь его где-нибудь на углу улицы с револьвером и разрядить в него всю обойму.

Матросы все время следили за ними через застекленную дверь.

— Спокойной ночи, — со вздохом пробормотал Мегрэ.

Он вернулся в свое купе, разулся наконец и лег.

На потолке тусклым голубым светом горел ночник. Мегрэ лежал с закрытыми глазами, хмурил брови.

Один вопрос не давал ему покоя. Почему следователь дал распоряжение арестовать Проспера Донжа? Что именно проведал этот судейский чиновник, не выезжая из Парижа, не зная ни Жижи, ни «Кафе артистов»? Почему он арестовал Донжа, а не Жана Рамюэля или Зебио?

Его не оставляло смутное беспокойство. Он хорошо знал следователя Бонно. Когда этот блюститель правосудия явился в «Мажестик» вместе с прокурором, Мегрэ ничего не сказал, однако

недовольно поморщился, так как уже не раз работал с ним.

Конечно, это был честный и даже славный человек — отец семейства, коллекционер, собиравший редкостные переплеты. Он носил окладистую бороду, красиво подернутую сединой. Как-то раз Мегрэ послали вместе с ним сделать обыск в подпольном игорном доме. Явились они туда среди бела дня, когда никого в помещении не было. Указывая на покрытые чехлами большие столы, за которыми играют в баккара, следователь спросил простодушно:

— Это бильярд?

Затем с той же наивностью человека, никогда не бывавшего в злачных местах, он чрезвычайно удивился, обнаружив три выхода на три различные улицы, причем один из них сообщался через подвалы с соседним домом. Не меньше удивился он, узнав по кассовым книгам, что некоторые игроки получали немалые ссуды; ему было неизвестно, что для того, чтобы втянуть людей в крупную игру, нужно их завлечь.

Так почему же этот простофиля Бонно вдруг решил арестовать Проспера Донжа?

Мегрэ плохо спал, просыпался на каждой станции; в его кошмарные сны вплетались толчки,

стук колес и гудки паровоза.

Когда он вышел из вагона на Лионском вокзале, было еще темно, шел мелкий, холодный дождь. На перроне его ждал Люка. Он стоял, подняв воротник пальто и, чтобы согреться, притоптывал то одной, то другой ногой.

— Ну как? Устали, патрон?

— Ты кого-нибудь взял с собой?

— Нет… Но если вам нужен инспектор, я видел тут в особом отделе одного из наших…

— Сходи за ним.

Жижи вышла из вагона, любезно пожала руку обоим матросам и проследовала мимо Мегрэ, передернув плечами. Но, сделав несколько шагов, она, видимо, передумала и, повернув обратно, подошла к нему.

— Можете устроить за мною слежку, если угодно… Говорю заранее, что еду к Шарлотте.

Вернулся Люка.

— Я не нашел инспектора.

— Ничего, можно обойтись… Пойдем…

Они взяли такси.

— Рассказывай теперь… Как же это случилось, что следователь…

— Сейчас расскажу… Он вызвал меня, когда произошло второе убийство и когда он уже послал

людей, чтобы арестовали Донжа… Он спросил меня, есть ли у нас что-нибудь новое, звонили ли вы по телефону и так далее. Потом с хитрой улыбкой протянул мне письмо. Анонимное письмо… Я не запомнил в точности выражений. В общем, там говорилось, что миссис Кларк выступала раньше танцовщицей в кабаре и звалась тогда Мими. Она была любовницей Донжа, родила от него ребенка, и Донж ей неоднократно угрожал… Кажется, вам это неприятно, патрон?

— Ладно… Рассказывай дальше.

— Вот и все… Следователь в восторге: «Видите, говорит, тут совсем простая история. Самый обыкновенный шантаж… А так как миссис Кларк не пожелала платить шантажисту… Сейчас, говорит, поеду и допрошу Донжа в тюремной камере».

— Ну и как? Ездил он?

Но такси уже остановилось на набережной Орфевр. Была половина шестого утра. Над Сеной поднимался желтоватый туман. Стукнула дверца автомобиля.

— Он где? В предварительной?.. Пойдем со мной…

Надо было обогнуть Дворец правосудия и выйти на набережную Орлож; они не спеша прошли

этот путь пешком.

— Около девяти часов вечера следователь опять вызвал меня к телефону и сообщил, что Донж отказался говорить с ним. Кажется, он заявил, что будет отвечать только вам…

— Ты спал нынешнюю ночь?

— Два часа, на диване…

— Поезжай домой, поспи. К двенадцати дня будь в управлении.

И Мегрэ вошел в дом предварительного заключения. От ворот отъехал тюремный фургон — ночью была облава в районе площади Бастилии, и оттуда привезли в тюрьму десятка три женщин и несколько иностранцев, не имевших удостоверения личности. Арестованные сидели на жестких деревянных диванах в огромном, плохо освещенном зале ожидания. Воздух пропитан был запахом казармы, слышались сиплые голоса, непристойные шутки.

— Проведите меня в камеру Донжа… Он спит?

— Ни минуты не спал… Да вы сейчас сами убедитесь.

Тесные одиночные камеры с решетчатыми дверьми напоминали стойла в конюшне. В одной из них сидел человек, обхватив голову руками. В полумраке можно было различить только его

силуэт.

В замочной скважине повернулся ключ. Скрипнула дверь. Человек как будто очнулся от сна и вскочил, высокий, широкоплечий, рыхлый. У него уже отобрали галстук и шнурки от ботинок. Рыжие волосы были всклокочены.

— Это вы, господин комиссар?.. — пробормотал он.

Он провел рукой по лбу, словно хотел удостовериться, что тут, за решеткой, действительно находится он, Проспер Донж.

— Вы, кажется, хотели поговорить со мной?

— Да, я думаю, так будет лучше…

С детским простодушием Донж спросил:

— Следователь не рассердился?.. Ну что я мог бы ему сказать?.. Он ведь уверен, что это я убил… Он даже показал мои руки своему секретарю и сказал: «Поглядите, настоящие руки душителя…»

— Пойдемте со мной…

Мегрэ было заколебался. Надеть Донжу или не надевать наручники? Вероятно, его привезли сюда в наручниках, на запястьях еще остались следы.

Они двинулись по странным коридорам, весьма отдаленно напоминавшим подвал отеля «Мажестик». Запутанными переходами, устро-

енными под зданием Дворца правосудия, они добрались до помещений, отведенных Уголовной полиции, и вдруг вышли в широкий, ярко освещенный коридор.

— Входите. Вы ели что-нибудь?

Донж отрицательно покачал головой. Мегрэ, которому и самому хотелось есть, а главное, пить, послал сторожа за пивом и бутербродами.

— Садитесь, Донж… Жижи приехала в Париж… Сейчас она, вероятно, уже у Шарлотты… Хотите сигарету?

Сам Мегрэ не курил сигарет, но всегда держал их про запас в ящике стола. Проспер неловко зажег спичку, видно было, что за несколько часов он потерял всякую уверенность в себе. Его смущали и спадавшие с ног ботинки без шнурков, и то, что он без галстука и что от него исходит специфический тюремный запах, которым за одну ночь пропиталась его одежда.

Мегрэ поворошил кочергой жар в печке. Во всех других кабинетах были установлены секции центрального отопления, но Мегрэ терпеть его не мог и добился, чтобы ему оставили старую чугунную печку, стоявшую в кабинете уже двадцать лет.

— Садитесь… Сейчас нам принесут поесть…

Донж все не решался заговорить, но наконец

пробормотал взволнованно:

— Вы видели мальчика?

— Нет…

— А я мельком видел… в холле… Клянусь вам, господин комиссар, это…

— …Ваш сын? Я знаю.

— Да вы сами это увидите! У него такие же рыжие волосы, как у меня. И руки такие же. И такой же он ширококостный, как я. В детстве надо мной мальчишки смеялись, что у меня мослы большие…

Сторож принес пиво и бутерброды. Мегрэ ел, расхаживая по кабинету взад и вперед, и видел в окно, что небо над Парижем уже светлеет.

— Нет, не могу… — вздохнул Донж, робко положив на поднос свой бутерброд. — Не хочется есть… И ведь теперь, чем бы дело ни кончилось, меня уже не возьмут в «Мажестик» и никуда не возьмут…

Голос у него дрожал. Бедняга ждал помощи. Но Мегрэ не считал нужным его утешать.

— Скажите… Вы тоже думаете, что это я убил ее?

Мегрэ ничего не ответил, и Донж уныло покачал головой. Ему так хотелось объяснить все разом, убедить Мегрэ в своей невиновности, но

он не знал, с чего начать…

— Сами понимаете, я не привык любезничать с женщинами… Ремесло у меня не подходящее… Да и почти всегда в подвале торчишь… Некоторые дамочки на смех меня подымали, когда я, бывало, расчувствуюсь… Куда уж мне при такой рябой физиономии!.. И вот я познакомился в «Кафе артистов» с Мими… Их было три подруги. Вы, должно быть, это знаете… И смотрите, как жизнь устроена!.. Выбери я не Мими, а одну из ее подруг… Так ведь нет!.. Я, разумеется, в Мими влюбился… До безумия влюбился, господин комиссар!.. Совсем одурел от любви! Она что хотела, то и делала со мной. Я воображал, что когда-нибудь она согласится выйти за меня замуж… А вы знаете, как меня вчера вечером следователь огорошил?.. Слова я в точности не запомнил, но… Я прямо заболел… Он заявил, что я, попросту говоря, любил не ее, а деньги, которые она для меня «зарабатывала». Он меня принял за…

Чтобы не смущать его, Мегрэ смотрел в окно на Сену, уже светлую, отливавшую серебром.

— Она уехала с этим американцем… Я все надеялся, вот вернется он в Америку, бросит ее и она возвратится ко мне… Но в один прекрасный день мы узнали, что он женился на ней… Не знаю,

как я тогда жив остался… Шарлотта показала себя хорошим товарищем, не давала мне совсем пасть духом… Я ей объяснил, что больше не могу жить в Каннах… С каждой улицей были связаны воспоминания… Я стал подыскивать себе работу в Париже… Шарлотта предложила поехать вместе со мной… И хотите верьте, хотите нет, но довольно долгое время мы с ней жили, как брат с сестрой…

— Вы знали, что у Мими родился ребенок? — спросил Мегрэ, выбив из трубки пепел в ведро с углем.

— Нет… знал лишь, что она живет где-то в Америке… И только когда Шарлотта решила, что я уже успокоился… Мы к тому времени стали настоящей супружеской парой… Как-то вечером к нам прибежал сосед, расстроенный, себя не помнит… У его жены начались преждевременные роды. Он прямо обезумел… Просил помощи… Шарлотта пошла к ним… На следующий день она мне сказала: «Бедный мой Проспер… Как бы ты расстраивался, если бы…». И вот уж не знаю, как это случилось… дальше больше, дальше больше, и она призналась, что у Мими родился ребенок… Мими написала об этом Жижи… Объяснила, что она воспользовалась этим ребенком и застави-

ла американца жениться на себе, а ребенок-то наверняка был от меня. Я поехал в Канны… Жижи показала мне письмо, она его сохранила, но отдать мне отказалась и, кажется, потом сожгла его… Я написал в Америку… Умолял Мими вернуть мне моего сына или хоть прислать его фотографию… Она мне не ответила… Я не знал, правильный ли адрес… И все у меня в мыслях сын: «Мой сын делает то-то. Мой сын делает это…»

Он умолк, от волнения у него перехватило горло. Мегрэ делал вид, что чинит карандаш. А тем временем в Уголовной полиции уже начали хлопать двери.

— Шарлотта знала о вашем письме в Америку?

— Нет!.. Я его написал в отеле… Прошло три года… Как-то раз я перелистывал иностранные журналы — клиенты оставляют их на столах… И вдруг так и подскочил: вижу фотографию Мими с мальчиком лет пяти… Журнал из города Детройта, штат Мичиган, и под фотографией напечатано что-то вроде таких слов: «Элегантная миссис Кларк, супруга мистера Освальда Дж. Кларка, возвращается со своим сыном из плавания по Тихому океану…» Я еще раз написал.

— А что вы написали? — спросил Мегрэ равнодушным тоном.

— Теперь уж не помню. Я тогда как сумасшедший был. Умолял ее ответить. Писал… Кажется, писал, что поеду туда, открою всю правду, а если она откажется отдать мне сына, тогда я…

— Ну что тогда?

— Клянусь, я бы этого не сделал… Да!.. Может быть, я грозился убить ее. Подумать только! Она неделю прожила в номере над моей головой, а я и не подозревал… Совершенно случайно… Вы видели нашу «курьерскую столовую». Для нас, работающих в подвале, имен постояльцев не существует… только номера. Мы знаем, что сто семнадцатый утром пьет шоколад, а четыреста пятьдесят второй ест яичницу с ветчиной. Мы знаем горничную сто двадцать третьего и шофера двести шестнадцатого номера… И все так глупо произошло… Я вошел в «курьерскую столовую». Слышу, какая-то женщина говорит по-английски с шофером и называет фамилию — миссис Кларк… Я по-английски говорить не умею, стал расспрашивать через нашего счетовода… Он спросил эту женщину, о какой миссис Кларк идет речь, не из Детройта ли она? И привезла ли она с собой сына… Узнав, что они тут, в отеле, я весь день пытался увидеть их — в холле или в коридоре на их этаже… Но ведь мы не можем

расхаживать свободно, как нам вздумается… Я их не увидел… Да вот еще что… Не знаю, поймете ли вы меня… Если бы Мими даже попросила меня снова жить с нею, я бы не согласился… Разлюбил ее, что ли?.. Может быть. Но уж наверняка у меня не хватило бы духу бросить Шарлотту… Ведь она такая добрая, так заботилась обо мне… И я вовсе не хотел, чтобы Мими лишилась своего положения… Я мечтал только, чтобы она нашла способ вернуть мне сына… Я уверен, что Шарлотта с радостью стала бы его воспитывать…

В эту минуту Мегрэ посмотрел на него и был поражен силой его волнения. Если б не знать, что Донж выпил только кружку пива, да и то не всю, можно было бы поручиться, что он пьян. Кровь бросилась ему в голову. Большие навыкате глаза блестели. Он не плакал, но дышал тяжело.

— У вас есть дети, господин комиссар?

Пришлось Мегрэ отвести взгляд в сторону. К великому горю его жены, детей у них не было. Мегрэ старательно избегал касаться этой темы.

— Следователь столько тут наговорил… Послушать его, так я сделал и то, и это по такой-то причине и по такой-то… А совсем не так все было… Весь день я урывками, каждую свободную минуту бродил в коридорах отеля… все надеялся,

что увижу сына… Я уж и сам не знал, что делаю… А тут все время телефонные звонки, подъемники для подносов с кушаньями, суетятся три моих помощницы, да еще следи за кофеварками, наливай молоко в молочники… Я все-таки улучил минутку, сел в угол…

— В кафетерии?

— Да… Я написал письмо… Мне хотелось увидеться с Мими… Я подумал, что в шесть часов утра я внизу почти всегда бываю один. И я умолял ее прийти…

— Вы угрожали ей?

— Может быть, и пригрозил… в конце письма… Да, кажется, написал, что если она в течение трех дней не придет, пусть пеняет на себя.

— Что вы под этим подразумевали?

— И сам не знаю…

— Вы бы ее убили?

— Нет, не мог бы…

— Похитили бы ребенка?

Он улыбнулся какой-то жалкой, идиотской улыбкой.

— Вы полагаете, что это возможно?

— Вы бы все сказали мужу?

Донж широко открыл глаза.

— Нет! Клянусь!.. Может быть… да, может быть,

я в минуту гнева способен был бы убить ее. Но в то утро случилось так, что у меня на авеню Фош лопнула у велосипеда шина… Поэтому я пришел в «Мажестик» с запозданием на четверть часа… И я не видел Мими… Я подумал, что она приходила и, не найдя меня, вернулась к себе в номер… Если б я знал, что ее муж в отъезде, я поднялся бы по черной лестнице на их этаж… Но лишний раз могу сказать: мы в подвале ничего не знаем о том, что творится над нашими головами… Я встревожился… В то утро я, должно быть, вел себя неестественно.

Внезапно Мегрэ прервал его:

— Что вас побудило подойти и открыть шкаф номер восемьдесят девять?

— Сейчас скажу… Для всякого понимающего это доказательство, что я не лгу, — ведь если б я знал, что она мертва, я вел бы себя иначе… Кажется, в девять без четверти коридорный третьего этажа послал вниз заказ на завтрак для двести третьего номера. На талоне было записано — вы можете проверить, дирекция сохраняет талоны, — записано было: чашку шоколада цельного, яичницу из двух яиц с ветчиной и чай…

— Ну и что?

— Погодите. Я знал, что шоколад для мальчика,

яичница с ветчиной для бонны… Значит, только на двоих заказ… А прежде в этот час всегда заказывали еще черный кофе с сухариками для Мими… И вот я поставил на поднос черный кофе и вазочку с сухариками… Послал все по подъемнику… Через несколько минут кофе с сухариками прислали обратно… Вам, может, покажется странным, что я придаю значение таким мелочам… Но не забывайте, в подвале подобные мелочи — все, что мы знаем о внешнем мире… Я снял телефонную трубку: «Алло! Миссис Кларк не пожелала завтракать?» — «Миссис Кларк нет в номере…» Поверьте, господин комиссар… Следователь не поверил бы… Я сразу почувствовал: случилась какая-то беда…

— Что же вы предположили?

— Скажу откровенно… подумал о муже… что он ее выследил…

— Через кого вы послали письмо?

— Через рассыльного… Он меня заверил, будто передал письмо в собственные руки… Но этим мальчишкам ничего не стоит и солгать… Кругом них немало всяких людей… Впрочем, Кларк вполне мог найти это письмо… Ну вот… Не знаю, заметил ли это кто-нибудь, но я в то утро отворял почти все двери в подвале… Может, никто и не

заметил, у всех дела по горло, друг на друга не обращают внимания… Я вошел в раздевальню.

— Дверца шкафа номер восемьдесят девять действительно была приоткрыта?

— Нет. Я отворял дверцы всех пустых шкафов… Вы разве поверите мне?.. Да и кто поверит?.. Никто. Ведь так? Потому я и не сказал правды. Я ждал… Я надеялся, что уж на меня-то не подумают… И лишь когда я увидел, что только меня одного вы ни о чем не спрашиваете… Никогда я так не мучился, как в тот день, когда вы все ходили по нашему подвалу, а со мной ни разу не заговорили и даже как будто не смотрели на меня… Я сам не знал, что делаю… Позабыл, что надо сделать взнос за радиоприемник… Пришлось вернуться… Потом вы нагнали меня в Булонском лесу, и я понял: вы следили за мной. На следующее утро Шарлотта разбудила меня и сказала: «Почему ты не признался мне, что убил Мими?» Сами понимаете, если уж Шарлотта…

На дворе стало совсем светло, а Мегрэ и не заметил этого. По мосту катили автобусы, такси, грузовики, фургоны продовольственных магазинов. В Париже вновь забурлила жизнь.

А Проспер Донж после долгой паузы сказал в смятении:

— Мальчик даже не говорит по-французски… Я справлялся… Вы не пойдете посмотреть на него, господин комиссар? — И вдруг испуганно воскликнул: — Скажите! Вы не допустите, чтобы его увезли?..

— Алло!.. Комиссар Мегрэ? Шеф просит вас к себе…

Мегрэ вздохнул и вышел из кабинета. Это был час рапортов. Он провел в кабинете начальника Уголовной полиции минут двадцать.

Когда он возвратился, Донж сидел неподвижно за столом, уронив голову на руки.

Мегрэ почувствовал невольное беспокойство. Но когда он легонько дотронулся до плеча Донжа, тот медленно поднял голову, не стыдясь своих слез, катившихся по его рябому лицу.

— Сейчас следователь еще раз допросит вас в своем кабинете. Советую вам в точности повторить то, что вы рассказали мне…

У дверей ждал инспектор.

— Извините меня, но придется…

Мегрэ вытащил из кармана наручники, дважды щелкнул запор — на одном и на другом запястье.

— Таково правило! — сказал он со вздохом.

Оставшись один в кабинете, он подошел к окну и, распахнув его, глубоко вдохнул сырой воздух.

Лишь минут через десять он отворил дверь в комнату инспекторов.

Теперь он казался отдохнувшим, бодрым и по привычке бросил:

— Ну, как дела, ребятки?

Глава 6
Письмо Шарлотты

На скамье, прислонясь к стенке и скрестив на груди руки, сидели два жандарма, вытянув во всю длину ноги в высоких сапогах и загородив таким образом половину коридора.

Из-за двери кабинета доносился монотонный рокот голосов. То же самое происходило вдоль всего коридора: у дверей стояли скамьи, почти на каждой восседали жандармы, а иногда между ними — арестованный в наручниках…

Было уже двенадцать часов дня. Мегрэ, с трубкой в зубах, ждал, когда его примет в своем кабинете следователь Бонно.

— Что там? — спросил он, указывая на дверь.

Ответ был столь же краток и красноречив:

— Кража у ювелира на улице Сен-Мартен.

Какая-то молодая девица, рухнув на скамью, смотрела пристальным горящим взглядом на дверь другого кабинета, утирала слезы, сморкалась, переплетала пальцы и нервно хрустела суставами.

Угрожающий голос господина Бонно стал

слышнее. Дверь отворилась. Мегрэ машинально сунул в карман еще теплую трубку. У человека, который вышел из кабинета и сразу же попал под опеку жандармов, была наглая физиономия настоящего бандита. Он обернулся и насмешливо бросил следователю:

— Всегда буду рад побеседовать с вами, господин следователь.

Заметив Мегрэ, он насупился, потом, как будто успокоившись, метнул на него быстрый взгляд. У Мегрэ же в эту минуту глаза выражали растерянность, словно он пытался и не мог что-то вспомнить.

За приоткрытой дверью послышался голос:

— Пригласите комиссара… А вы, господин Бенуа, можете нас оставить… Нынче утром вы мне больше не нужны…

Мегрэ вошел все с тем же растерянным и вопрошающим выражением лица. Чем его так поразил арестант, только что вышедший из кабинета?

— Здравствуйте, господин комиссар… Вы не очень устали?.. Садитесь, пожалуйста… Где же ваша трубка? Не стесняйтесь, курите. Ну, как съездили в Канны?

Конечно, господин Бонно не был злым человеком, просто он был страшно доволен, что добился

важных результатов помимо Уголовной полиции! Он не мог скрыть своего ликования, в глазах его искрился огонек злорадного торжества.

— А ведь забавно, что мы с вами узнали одни и те же обстоятельства: я — в Париже, не выходя из своего кабинета, а вы — на Лазурном берегу… Что вы об этом думаете?

— В самом деле, забавно…

Мегрэ кисло улыбнулся, словно огорченный гость, когда хозяйка дома подкладывает ему на тарелку вторую порцию кушанья, которое он терпеть не может.

— Так вот, что вы думаете об этом деле, господин комиссар?.. Этот Проспер Донж… Вот его показания… Он, кажется, только повторил то, что сообщил вам нынче утром… В общем, он во всем сознался…

— Только не в том, что совершил два убийства… — тихо произнес Мегрэ.

— Ну, разумеется, в убийствах он не сознался! Это уж была бы слишком большая для нас удача! Он сознался, что угрожал своей бывшей любовнице; сознался, что назначил ей свидание на шесть часов утра в подвале отеля «Мажестик», и, должно быть, его письмо было такого свойства, что бедная женщина побежала покупать револьвер…

Он сочиняет целую историю, что у его велосипеда лопнула шина и поэтому он опоздал…

— Он не сочиняет…

— А вы откуда знаете?.. Он прекрасно мог продырявить эту шину перед тем, как войти в отель…

— Он этого не делал… Я нашел того полицейского, который его в то утро окликнул и спросил относительно шины на углу авеню Фош…

— Ну, это мелочи, — поспешил заметить следователь, не желая разрушать воздвигнутое им прекрасное здание. — Скажите-ка лучше вот что: вы осведомлены относительно прошлого арестованного Проспера Донжа?

На этот раз в глазах следователя стал особенно заметен огонек торжества, и он нетерпеливо погладил свою бородку.

— Вы, полагаю, не успели навести справки. А я полюбопытствовал и обратился в архив… Мне выдали его дело, и таким образом я узнал, что наш герой, по виду такой смирный человек, имеет уже не одну судимость…

Мегрэ оставалось только принять сокрушенный вид.

— Удивительно, право, — продолжал следователь, — у нас, над нашими головами, на чердаках

Дворца правосудия, находятся судебные архивы, а мы частенько забываем обращаться к ним!.. И вот, не угодно ли! В шестнадцатилетнем возрасте Проспер Донж, которого пристроили мойщиком посуды в кафе в Витри-ле-Франсуа, украл в ящике кассы пятьдесят франков, убежал и был пойман в поезде, отходившем на Лион... Многообещающий юноша, верно?.. Едва-едва не попал в исправительную колонию. Однако же два года он находился под надзором...

Что за странность! Во время этой информации Мегрэ ломал себе голову совсем над другим: «Вот черт, где я видел этого типа!» Восклицание относилось не к Просперу Донжу, а к тому вору, с которым он столкнулся у дверей кабинета.

— Пятнадцать лет спустя он получил в Каннах три месяца тюрьмы условно за нанесение побоев, неподчинение полицейскому и оскорбление его... А сейчас, господин комиссар, пожалуй, мне пора показать вам кое-что...

И господин Бонно протянул ему клочок бумаги, разграфленный в клетку, какую продают в мелочных лавках и держат для посетителей в маленьких кафе. На этом клочке было что-то написано лиловыми чернилами; перо, видимо, старое, брызгало мелкими кляксами; судя по

почерку, писала женщина и притом необразованная.

Это и было пресловутое анонимное письмо, сообщавшее следователю о любовной связи Проспера Донжа с танцовщицей Мими.

— Взгляните на конверт… Опущено письмо между полуночью и шестью часами утра. Марка заштемпелевана почтовым отделением на площади Клиши… На площади Клиши. Понятно? Теперь посмотрите на эту тетрадку…

Школьная тетрадка из бумаги в клеточку, не очень чистая, кое-где засаленная. Содержатся в ней кухонные рецепты — одни вырезаны из газет и наклеены в тетрадку, другие переписаны.

На этот раз Мегрэ нахмурился, а следователь не мог удержаться от торжествующей улыбки.

— Вы заметили, что почерк и тут и там один и тот же? Я в этом заранее был уверен… Ну что ж, господин комиссар, эта тетрадка взята из кухонного буфета, который вы, вероятно, видели в Сен-Клу, — словом, в доме Проспера Донжа, а кулинарные рецепты переписаны рукою Шарлотты…

Господин Бонно был так доволен, что даже счел нужным извиниться.

— Я знаю, что между следователями и Уголов-

ной полицией нередко бывают разногласия… У вас, на набережной Орфевр, весьма снисходительно смотрят на некоторых субъектов и на некоторые неузаконенные отношения, но нам, судейским чиновникам, трудно разделять ваши взгляды… И признайтесь, господин комиссар, что иногда мы бываем правы… Скажите, например, если этот Проспер Донж такой уж славный человек, каким он кажется, почему собственная его любовница Шарлотта, которая тоже разыгрывает из себя славную женщину, прислала мне анонимное письмо, убийственное для этого Проспера?..

— Не знаю…

Мегрэ, по-видимому, получил сокрушительный удар.

— Вот увидите, следствие долго не затянется! Я отправил Донжа в тюрьму Сантэ. Хорошенько приприте к стенке Шарлотту… Что касается второго убийства, его легко объяснить… Этот бедняга, ночной швейцар… как его фамилия? Кольбеф, кажется… вероятно, был отчасти замешан в первом преступлении… Во всяком случае, знал, кто убил миссис Кларк… Мысли об этом убийстве не давали ему заснуть в тот день. И, несомненно, он, терзаясь угрызениями совести, вернулся в «Мажестик» сказать убийце, что до-

несет на него…

Раздался телефонный звонок.

— Алло! Да, да… Сейчас приеду…

И следователь пояснил Мегрэ:

— Это жена напоминает мне, что у нас гости к завтраку. Предоставляю вам вести расследование, господин комиссар… У вас теперь достаточно материалов для его завершения…

Мегрэ направился к двери, но у порога вдруг спохватился и, хлопнув себя по лбу, словно вспомнил наконец то, что долго ускользало из памяти, сказал:

— По поводу Фреда, господин следователь… Ведь вы допрашивали именно Фреда Марсельца, когда я пришел. Верно?

— Да я уж его шестой раз допрашиваю и не могу узнать имена его сообщников…

— Я встретил Фреда недели три назад у Анжелино, на площади Италии.

Следователь с недоумением смотрел на него, очевидно, не понимая, какое это могло иметь значение.

— Анжелино держит кабачок, и клиентура у него довольно подозрительная. Год тому назад он сошелся с сестрой Гарри Кривого.

Следователь все не понимал. И тогда Мегрэ,

съежившись, насколько позволяла его массивная фигура, почтительно добавил:

— Гарри Кривой три раза судился за кражу со взломом… Он бывший каменщик, а в воровской своей профессии специализировался на проломе стен…

И наконец, уже взявшись за ручку двери, сказал в заключение:

— А разве те воры, что ограбили ювелира на улице Сен-Мартен, не проникли в магазин через подвал, проломав две стены? До свидания, господин Бонно.

И все-таки, несмотря на свой удачный выпад, Мегрэ был в дурном настроении. Письмо Шарлотты… Впрочем, сразу было видно, что он не рассержен, а опечален.

Он мог бы послать инспектора. Но разве инспектор сумел бы так, как он, Мегрэ, учуять, какая атмосфера в доме?

Большой новый дом, роскошно отделанный, с воротами из кованого железа, высился белоснежной громадой на Мадридском авеню, окаймлявшем Булонский лес. Направо от вестибюля — застекленная дверь в швейцарскую, похожую скорее на гостиную. Там сидели три-четыре женщины, уныло покачивая головами.

На столике поставлен был поднос для визитных карточек. Еще одна женщина, с красными, заплаканными глазами, приотворив дверь, спросила:

— Кто там?

Дверь во вторую комнату стояла открытой, и там виден был лежавший на кровати покойник со сложенными на груди руками, с четками, вложенными в пальцы; в полумраке мерцали две свечи, веточка букса мокла в чашке со святой водой.

Присутствующие говорили шепотом. Утирали слезы. Ходили на цыпочках. Мегрэ перекрестился, покропил святой водой, постоял молча, глядя на заострившийся нос умершего, странно освещенный дрожащими огоньками свечей.

— Ужас-то какой, господин комиссар!.. Ведь до чего ж хороший человек был! Не нашлось бы у него ни одного врага…

Над кроватью висела в овальной рамке увеличенная фотография Жюстена Кольбефа в мундире унтер-офицера — портрет сделан был в те годы, когда покойный носил огромные усы.

На рамку прикрепили крест «За боевые заслуги» с тремя пальмовыми ветвями и военную медаль.

— Он был кадровый военный, господин ко-

миссар. Как пришло время по возрасту выйти в отставку, он просто уж не знал, куда себя девать, и решил взяться за какую-нибудь работу… Одно время был сторожем в клубе на бульваре Осман… Потом ему предложили место ночного швейцара в отеле «Мажестик», и он согласился… Ведь он, знаете ли, какой-то особенный был: почти совсем не спал и спать не хотел… В казарме он, можно сказать, каждую ночь вставал и делал обход…

Соседки, а может быть, родственницы, с сокрушенным видом покачивали головами.

— Что же он делал целый день? — спросил Мегрэ.

— Возвращался он с работы утром, в четверть восьмого — как раз поспевал вытащить мусорные ящики; мне он не давал делать тяжелую работу… Потом постоит у порога, покурит трубочку — ждет, когда придет почтальон, поболтает с ним немножко… А надо вам сказать, они с почтальоном однополчане были… Потом ляжет в постель и спит до полудня… Недолгий сон, а с него хватало. Как позавтракает, прогуляется по Булонскому лесу до Елисейских полей… Иной раз зайдет в «Мажестик», поздоровается с дневным швейцаром… Потом в маленьком баре на улице Понтье перекинется в карты, к шести часам

вернется домой, а в семь часов отправляется в отель на дежурство… И до того все в точности, в аккурате, — право, соседи как увидят, что он идет, проверяют по нему часы…

— А давно он сбрил усы?

— Да когда уволился из армии… Я как увидела его без усов, так диву далась… Совсем другое лицо — маленькое, будто съежилось, и сам словно ниже стал ростом…

Мегрэ еще раз склонил голову у смертного одра Жюстена Кольбефа и вышел на цыпочках.

От дома покойного было недалеко до Сен-Клу. Комиссару Мегрэ не терпелось отправиться туда, но почему-то он боролся с этим желанием. Мимо проезжало такси. Мегрэ поднял руку. Ну, была не была!..

— В Сен-Клу… Я объясню, как ехать…

Моросил дождь. Небо затянули тучи. Было только три часа дня, однако казалось, что уже наступили сумерки. Домишки, окруженные оголенными садиками, еще без цветов и листвы, имели унылый вид.

Мегрэ позвонил. Открыла ему Жижи, а Шарлотта, высунувшись из дверей кухни, смотрела, кто пришел.

Без единого слова, по-прежнему с презритель-

ной гримасой, Жижи посторонилась и пропустила Мегрэ. Он был здесь лишь два дня тому назад, но ему показалось, что в доме все изменилось. Быть может, это Жижи принесла с собою обычный для нее беспорядок? В кухне на столе все еще стояли не убранные с утра остатки завтрака.

Жижи расхаживала в ночной рубашке и в халате Шарлотты, в котором она совсем утопала; то и дело роняла с тощих своих босых ног шлепанцы Проспера, щурясь от дыма, курила сигарету за сигаретой.

Шарлотта, только что вставшая с постели, не знала, что сказать. Она была еще не одета, не намазана, без лифчика, поддерживавшего опавшую грудь.

Кто же заговорит первым? Женщины недоверчиво и тревожно оглядывали Мегрэ. Он для приличия сел и положил котелок себе на колени.

— У меня был нынче утром долгий разговор с Проспером, — сказал он наконец вполголоса.

— Что он говорит? — торопливо спросила Шарлотта.

— Говорит, что не убивал ни Мими, ни ночного швейцара…

— Видишь? — с торжеством воскликнула Жи-

жи. — Что я тебе говорила?

Шарлотта молча смотрела на Мегрэ. Чувствовалось, что она совсем растерялась. Она не создана была для трагедий и теперь как будто искала, за что ей ухватиться.

— Я виделся также и со следователем. Он получил анонимное письмо по поводу Проспера и Мими…

Реакции не последовало. Шарлотта, вялая, рыхлая, испуганно смотрела на него, веки у нее опухли, набрякли от слез.

— Анонимное письмо?

Мегрэ протянул ей тетрадку с кухонными рецептами, которую захватил с собой.

— Это ваша тетрадка? Вы собственноручно в ней писали?

— Да… А что?

— Будьте любезны, возьмите перо… Лучше старое, такое, чтобы брызгало… Возьмите чернила… Бумагу…

На буфете нашлись и перо и пузырек с чернилами. Жижи, насторожившись, переводила взгляд с Мегрэ на свою приятельницу, очевидно, готовясь вмешаться, как только почувствует опасность.

— Садитесь поудобнее… Пишите…

— Что я должна написать?

— Не пиши, Шарлотта! С этими господами того и гляди влипнешь…

— Пишите… Никакая опасность вам не грозит, даю честное слово. Пишите: «Господин следователь, я взяла на себя смелость написать вам по поводу дела Проспера Донжа, о котором прочитала в газетах…» Почему вы пишете «прочетала» — через букву «е»?

— Не знаю… А как надо?

В анонимке, которую Мегрэ держал в руке, было написано «прачитала».

— «Американка не настоящая американка, а француженка и была прежде танцовщицей Мими…»

Мегрэ нетерпеливо передернул плечами.

— Достаточно, — сказал он. — А теперь взгляните на это послание.

Почерк был совершенно одинаковый. Только орфографические ошибки были другие.

— Кто это писал?

— Как раз это я и хотел бы узнать.

— Вы думаете, я написала?

От гнева у нее перехватило горло, и Мегрэ постарался ее успокоить.

— Вовсе я этого не думаю. Я пришел только спросить, кто, кроме вас и Жижи, был посвящен

в сердечные дела Проспера и Мими, а главное, знал о ребенке…

— Как ты думаешь, Жижи, кто?

Они долго и лениво перебирали имена. Жизнь текла теперь вяло в этом доме, где вдруг воцарился беспорядок и все приняло какой-то подозрительный вид. У Жижи порой трепетали ноздри, и Мегрэ понял, что вскоре она начнет бегать по всяким притонам в поисках щепотки наркотика.

— Нет… кроме нас троих, никто не знал…

— Кто получил письмо от Мими?

— Я, — ответила Жижи. — Перед отъездом из Канн я нашла его в шкатулке, где храню сувениры… Я привезла его с собой…

— Дай сюда…

— Только поклянитесь мне…

— Ну, клянусь, глупая… Ты разве не видишь, что я хочу выручить Проспера из беды?

Мегрэ сразу стал строгим, угрюмым. Он смутно догадывался, что подоплекой преступления являются какие-то сложные обстоятельства, но пока не было ни малейшего намека на них, не за что было ухватиться.

— А вы отдадите мне письмо?

Мегрэ еще раз пожал плечами и стал читать:

«Старушенция Жижи!

Ух! Готово! Немало пришлось повозиться, но теперь дело в шляпе! Зря вы с Шарлоттой смеялись, когда я вам говорила, что мне удастся благополучно выбраться из передряги и стать настоящей дамой.

Так вот, деточка, — готово!.. Вчера мы с Освальдом поженились. Свадьба была забавная — ведь он пожелал, чтобы мы обвенчались в Англии, а там все по-другому, совсем не так, как у нас. Минутами я даже думаю: уж и вправду ли я замужем?

Расскажи все Шарлотте. Через три-четыре дня мы уезжаем в Америку. Ввиду забастовок точно день отплытия парохода не известен.

Что касается Проспера, то, думается, ему, бедному, лучше ничего не говорить. Он славный малый, но глуповат немножко. Сама удивляюсь, как это я могла почти год прожить с ним. Верно, на меня такой уж добрый стих нашел... И все-таки, сам того не ведая, он оказал мне большую услугу. Только никому не расска-

зывай. Шарлотте можешь сказать. Она толстая чувствительная дуреха.

С некоторого времени я заметила, что забеременела. Можешь себе представить, как у меня вытянулась физиономия!.. Прежде чем признаться Освальду, я побежала к специалисту… Мы с ним подсчитали… Словом, ребенок не от Освальда, это несомненно. Отец — бедняга Проспер… Однако ж надо постараться, чтобы он как-нибудь не узнал. А то еще у него, чего доброго, заговорит струнка отцовской любви!

Все рассказывать очень долго… Доктор оказался милейшим человеком. Освальда удалось убедить, что скоро он будет папашей. Остается только еще немножко смахлевать — уверить Кларка, что роды преждевременные. Он очень хорошо принял преподнесенную ему новость. Вопреки первому впечатлению, он вовсе не ледышка. Наоборот, в тесной компании он способен веселиться как ребенок, и недавно в Париже мы с ним обегали все кабачки и вдобавок катались на карусели…

Словом, я теперь миссис Освальд Дж.

Кларк, проживающая в Детройте (штат Мичиган), и говорю я отныне только по-английски, потому что Освальд, как тебе известно, не знает по-французски ни слова.

Иной раз я вспоминаю вас обеих, дорогие подружки. Что, Шарлотта по-прежнему боится растолстеть? И по-прежнему что-нибудь вяжет в свободную минутку? Вот увидишь, она в конце концов будет восседать за кассой в галантерейном магазинчике где-нибудь в провинции!

Зато уж ты, старушка Жижи, думаю, никогда не станешь степенной особой. Помнишь, как смешно говорил клиент в белых гетрах — ну, тот, который одним духом выпивал бутылку шампанского: «У тебя порок в крови!»

Передай от меня сердечный привет набережной Круазет и смотри не прыскай от смеха, когда взглянешь на Проспера и подумаешь, что он неведомо для себя скоро станет папочкой.

Пришлю тебе почтовые открытки с картинками.

Целую. ***Мими****».*

— Вы позволите мне взять с собой это письмо?

Вмешалась Шарлотта:

— Пусть берет, Жижи… Теперь уж все равно… — Потом, провожая Мегрэ до дверей, спросила: — Скажите, а мне разрешат свидания с ним?.. И он ведь имеет право покупать себе съестное, верно?.. Так уж будьте добры…

И она, краснея, протянула Мегрэ тысячефранковую кредитку…

— И если б можно было передать ему несколько книг… Ведь он все свободное время проводил за книгами…

Дождь. Скорее в такси. На улицах уже зажигаются фонари. Вот и Булонский лес, через который Мегрэ недавно ехал вместе с Проспером Донжем на велосипеде.

— Подвезите меня, пожалуйста, к отелю «Мажестик».

Когда Мегрэ, ни на кого не глядя, проходил через холл, к нему бросился несколько встревоженный швейцар и, угодливо сняв с него пальто, повесил вместе с котелком в гардеробной. В щелку между занавесками заметил комиссара полиции и директор… Все хорошо знали Мегрэ. Все провожали его взглядом.

Зайти в бар? Почему бы и нет? Ему хотелось

пить. Но его внимание привлекла приглушенная музыка. Где-то внизу раздавалась томная мелодия — оркестр играл танго. Мегрэ спустился по лестнице, устланной мягкой ковровой дорожкой, вошел в царство музыки и голубоватого света. Одни дамы лакомились за столиками пирожными. Другие танцевали. Официант подошел к Мегрэ.

— Кружку пива!

— Видите ли, у нас…

Мегрэ посмотрел на него так красноречиво, что официант послушно нацарапал что-то на талоне… Вот такие самые талоны посылали на кухню… Мегрэ следил взглядом, какое путешествие совершит его талон… В задней стене дансинга, справа от оркестра, было нечто вроде люка.

За стеной находились застекленные клетки — кафетерий, кухня, пекарня, помещение для мойки посуды, «курьерская столовая», а в самом конце коридора, возле проходной и контрольных часов, — раздевальня, и в ней около сотни металлических шкафов.

Кто-то смотрел на Мегрэ, он это почувствовал и уловил взгляд Зебио, который танцевал с перезрелой дамой, увешанной драгоценностями.

Что это, обман зрения? Мегрэ показалось, что

Зебио взглядом указывает ему на кого-то. Мегрэ поискал глазами, и его как будто кольнуло: он увидел Освальда Дж. Кларка, танцевавшего с гувернанткой своего сына Эллен Дерромен.

Они, казалось, ничего и никого не замечали вокруг. Оба были в угаре любовной страсти. Оба двигались плавно, с застывшей на губах томной улыбкой, и, по-видимому, чувствовали себя единственной парой в этом дансинге, единственной в целом мире, и когда музыка кончилась, они еще мгновение стояли неподвижно, прежде чем направиться к своему столику.

Мегрэ заметил тогда на лацкане элегантного смокинга мистера Кларка узенькую полоску крепа — таким образом вдовец носил траур по покойной жене.

Мегрэ стиснул в кармане пиджака письмо Мими. Как ему хотелось…

Но ведь следователь запретил ему допрашивать Кларка, — этот американец слишком важная персона для объяснений с каким-то полицейским…

За танго следовал slow. Кружка пенистого пива проплыла в обратном направлении по тому пути, который проделал талон, посланный метрдотелем. Влюбленная пара снова заскользила в танце.

Тогда Мегрэ встал и, позабыв заплатить за пиво, большими шагами направился в холл.

— В двести третьем есть кто-нибудь? — спросил он у швейцара.

— Кажется, только бонна с ребенком… Но… Если разрешите, я сейчас позвоню по телефону…

— Нет, нет… Не надо… Прошу вас…

— Лифт налево, господин комиссар.

Запоздалое уведомление: Мегрэ уже поднимался по лестнице и медленно, с ворчаньем, одолевал ступеньку за ступенькой.

Глава 7
Вечер неизменного вопроса: «Что он говорит?»

Некая мысль промелькнула в мозгу Мегрэ. Но он тотчас забыл о ней. Он уже поднялся на третий этаж и на минутку остановился, чтобы отдышаться. На лестнице ему встретился официант с подносом в руках и стремглав бежавший рассыльный с пачкой иностранных газет под мышкой.

На его глазах нарядные дамы входили в кабинку лифта — вероятно, они спускались в дансинг пить чай под музыку или танцевать. В воздухе разливались ароматы дорогих духов.

«Тут все на своих местах, — сказал мысленно Мегрэ, — одни на задворках, другие в гостиных и в ресторане. С одной стороны, клиенты, с другой, — прислуга…»

Мысль свою он выразил не совсем точно. Чего там! Вокруг него каждый действительно был на своем месте, делал то, что ему полагалось делать. Было нормально, например, что богатая иностранка пьет чай, покуривает сигаретки, а потом

едет к портному на примерку. Нормально, что официант несет на подносе посуду, что горничная стелет постель, что лифтер нажимает кнопки подъемника.

Словом, каждый, пока он здесь, занимает какое-то положение, определенное для него раз и навсегда.

А вот если бы у него, Мегрэ, спросили, что он тут делает, как бы он ответил?

«Стараюсь, чтобы человека засадили в тюрьму, а может быть, даже отрубили ему голову…»

Что за чепуха! Сумятица в мыслях, вызванная, вероятно, слишком уж кричащей, наглой роскошью, царившей вокруг, этой атмосферой дансинга…

209… 207… 205… 203… Мегрэ секунду помедлил и постучался. Наклонившись к двери, он услышал детский голосок, что-то произнесший по-английски, потом донесшийся издали женский голос, по-видимому, предлагавший посетителю войти.

Он быстро прошел через маленькую переднюю и очутился в гостиной с тремя окнами, выходившими на Елисейские поля. Около одного из окон сидела за шитьем пожилая женщина, одетая в белый халат, как больничная сиделка. Это была бонна Гертруда Бормс, которая в очках казалась

еще суровее, чем обычно.

Но Мегрэ интересовала совсем не она. Он внимательно смотрел на ее питомца, мальчугана лет шести в штанишках для гольфа и в свитере, обтягивавшем его худенькую грудь. Мальчик сидел на ковре среди раскиданных вокруг игрушек, в числе которых были большой заводной пароход и автомобили, в точности имитирующие лимузины различных марок. В минуту вторжения Мегрэ маленький американец держал на коленях книжку с картинками и с интересом перелистывал ее; рассеянно взглянув на посетителя, он снова склонил голову над страницей.

Описывая эту сцену своей жене, Мегрэ передавал ее приблизительно так:

— Она сказала: «Ю уи ю уи уэл» или что-то вроде этого. А я, чтобы выиграть время, быстро проговорил: «Надеюсь, я действительно нахожусь в номере, занимаемом мистером Освальдом Джоном Кларком?..» Она опять забормотала: «Ю уи уи ю уи уи уэл» или что-то похожее. А я тем временем рассматривал мальчишку. Голова у него очень большая для шестилетнего ребенка, а волосы, как мне и говорили, рыжие, ну просто огненно-рыжие. Глаза такие же, как у Проспера Донжа, фиалкового цвета или же цвета летней

сумеречной синевы. Худенькая, цыплячья шейка. Он что-то сказал по-английски своей бонне, глядя при этом на меня, а мне опять послышалось: «Ю уи ю уи уи уэл…» Очевидно, они оба недоумевали, зачем я к ним явился и почему торчу как пень посреди их гостиной. А я и сам хорошенько не знал, зачем пришел. В большой китайской вазе благоухали цветы, стоившие, вероятно, не одну сотню франков… В конце концов бонна встала. Положив свое рукоделие на кресло, она сняла телефонную трубку и что-то проговорила в нее. «Ты, малыш, не понимаешь по-французски?» — спросил я мальчика. Он молчал и не сводил с меня недоверчивого взгляда. Через минуту в номер вошел служащий отеля в узеньком пиджачке. Бонна что-то спросила его. Тогда он обратился ко мне: «Она спрашивает, что вам угодно». — «Мне нужно повидать мистера Кларка…» — «Его нет в номере… Она говорит, что, вероятно, он внизу…» — «Благодарю вас…»

Ну, вот и все. Мегрэ хотелось посмотреть на Тедди Кларка, и он увидел его. Затем он спустился по лестнице, думая о Проспере, запертом в одиночную камеру тюрьмы Сантэ. Машинально, не отдавая себе в том отчета, он из холла спустился в дансинг и, так как его кружку еще не убрали со

столика, сел на свое место.

Мегрэ устал и был сейчас в хорошо знакомом ему состоянии, походившем на дремоту, сквозь которую он замечал, однако, все, что происходит вокруг, но как-то туманно, отвлеченно, словно картину вне времени и пространства.

Он увидел, что к Эллен Дерромен подошел рассыльный и что-то коротко сказал ей. Она встала и направилась к телефонной кабинке, где пробыла очень недолго.

Выйдя из кабинки, она отыскала взглядом Мегрэ, потом вернулась к Кларку и вполголоса что-то сообщила ему, по-прежнему глядя на комиссара.

В эту минуту Мегрэ ясно почувствовал, что сейчас случится неприятное происшествие, и понимал, что лучше всего уйти отсюда, и все-таки остался.

Если б его спросили, почему он остался, ему трудно было бы это объяснить. Сознание профессионального долга не обязывало его остаться. Какая же необходимость засиживаться в этом дансинге, где он совсем не на месте! Право, он и сам себе не мог бы это объяснить. Разве следователь, даже не посоветовавшись с ним, с Мегрэ, не арестовал Проспера Донжа? Разве он к тому же не

запретил ему, Мегрэ, допрашивать американца?

Ведь это явно означало: — «Он человек не вашего круга… Вы не сможете его понять… Предоставьте это мне…»

И Мегрэ, который был и остался плебеем до мозга костей, чувствовал враждебность ко всему окружавшему его здесь.

Ну, была не была! Он остался. Он видел, что Кларк, в свою очередь, ищет его глазами, хмурит брови, потом что-то говорит своей спутнице (вероятно, просит ее посидеть пока одной за столиком) и встает с места. Только что начался новый танец. Вместо голубого по залу теперь разливался розовый свет. Лавируя между танцующими парами, американец пробрался к Мегрэ и встал перед ним в вызывающей позе.

Для Мегрэ, не понимавшего по-английски ни слова, речь мистера Кларка тоже свелась к немногим звукам:

— Уэл ю уэл уи уи уэл…

Но на этот раз тон был агрессивный, и видно было, что Кларк с трудом сдерживает гнев.

— Что вы говорите?

Американец разозлился еще больше.

Вечером жена сказала Мегрэ, покачивая головой:

— Признайся, что ты сделал это нарочно! Знаю я тебя, притворщик. Ты и ангела из себя выведешь…

Мегрэ не признался в злонамеренности, но глаза у него весело блестели. Да что такого он, в общем, сделал? Стоял перед янки, засунув руки в карманы пиджака, и в упор смотрел на своего собеседника, словно находил это зрелище забавным.

Ну разве скандал произошел по его вине? Он стоял и думал о Донже, о человеке, который сейчас сидит в тюрьме, а не танцует с очаровательной мисс Эллен. Она, должно быть, почувствовала, что назревает драматический инцидент, и двинулась к ним. Но прежде, чем она подошла, разъяренный мистер Кларк нанес Мегрэ удар в подбородок, выбросив кулак коротким, почти машинальным движением, как это делается в американских фильмах.

Две дамы, угощавшиеся чаем с пирожными за соседним столиком, вскочили с криком. Танцоры остановились.

Кларк же имел торжествующий вид. Он полагал, что теперь положение стало ясным и никаких комментариев не требует.

Мегрэ даже не поднес руку к подбородку.

Слышен был звук удара по челюсти, но лицо комиссара оставалось бесстрастным, как будто ему дали щелчок.

В самом деле, хоть он и не имел никаких определенных намерений, но теперь был доволен поводом, который предоставил ему случай, и невольно улыбался, думая о негодующей физиономии следователя.

— Господа!.. Господа!..

Подбежал метрдотель, полагая, что пострадавший бросится на противника и сейчас начнется драка. Мисс Эллен с одной стороны, а какой-то танцор — с другой подхватили под руки мистера Кларка, пытаясь угомонить его, но он все кричал что-то по-английски.

— Что он говорит? — спокойно спросил Мегрэ.

— Это неважно!.. Господа, прошу вас… Убедительно прошу…

А Кларк все не умолкал.

— Что он говорит?

И тут, ко всеобщему удивлению, Мегрэ достал из кармана какие-то блестящие предметы и принялся небрежно играть ими. Хорошенькие дамочки с изумлением и страхом смотрели на пресловутые наручники, о которых они только слышали, но которых никогда не видели. Мегрэ

сказал метрдотелю:

— Переведите, пожалуйста. Скажите этому господину, что я вынужден арестовать его за нанесение оскорбления представителю закона при исполнении им служебных обязанностей… Скажите еще, что, если он не склонен последовать за мной добровольно, я, к сожалению, должен буду надеть на него наручники…

Кларк и глазом не моргнул, не произнес ни слова, оттолкнул мисс Эллен, которая хотела было идти вместе с ним и попыталась взять его под руку. Не спросив в гардеробе ни своего пальто, ни шляпы, он двинулся вслед за комиссаром, и, когда они проходили через холл в сопровождении кучки любопытных, директор, увидев это шествие из своего кабинета, в ужасе всплеснул руками.

— Такси!.. Во Дворец правосудия.

Уже было темно. Они поднимались и спускались по лестницам, шли по бесконечным коридорам и наконец остановились у дверей кабинета господина Бонно. Мегрэ принял тогда смиренный и сокрушенный вид, хорошо знакомый госпоже Мегрэ и приводивший ее в негодование.

— Весьма огорчен, господин следователь… Но я вынужден был, к великому моему сожалению, арестовать мистера Кларка, находящегося

здесь…

Следователь не мог угадать правды. Он предположил, что Мегрэ заподозрил американца в убийстве жены и ночного швейцара отеля «Мажестик».

— Позвольте! Позвольте! На основании какого ордера вы разрешили себе…

В ответ послышалась возмущенная тирада Кларка, а Мегрэ, не понимавшему в ней ни слова, слышалось только какое-то кваканье.

— Что он говорит?

Бедняга следователь, нахмурив брови и сморщив лоб, тщетно пытался при своих слабых познаниях в английском языке уловить смысл произносимых фраз. Он что-то сказал, в свою очередь, и послал секретаря за другим секретарем, зачастую служившим переводчиком.

— Что он говорит? — бормотал время от времени Мегрэ.

И Кларк, которого эти слова приводили в бешенство, сжимая кулаки, передразнивал его:

— Чтоу он говрит?.. Чтоу он говрит?..

За сим следовала новая тирада на английском языке.

В дверь прошмыгнул переводчик, низенький и лысый робкий человек, на лице которого было

написано обезоруживающее смирение.

— Он говорит, что является гражданином Соединенных Штатов и не потерпит, чтобы полицейские…

По тону мистера Кларка можно было предположить, что он питает глубочайшее презрение к полиции.

— …чтобы полицейские постоянно ходили за ним по пятам… Он утверждает, что за ним повсюду следует наш инспектор…

— Это верно господин комиссар?

— Должно быть, верно, господин следователь.

— …Он утверждает, что другой инспектор ходит за мисс Эллен…

— Вполне возможно…

— …А вы в отсутствие мистера Кларка вторглись в занимаемый им номер…

— Я вежливо постучался и самым вежливым образом спросил у почтенной особы, находившейся там, могу ли я увидеть мистера Кларка… После чего я спустился вниз, в дансинг, выпить кружку пива… И тогда вышеуказанному мистеру Кларку заблагорассудилось ударить меня кулаком в подбородок…

Господин Бонно был удручен. И без того дело представлялось достаточно сложным. До сих пор

удавалось избежать внимания прессы, но после стычки в дансинге журналисты, несомненно, начнут штурмовать Дворец правосудия и Уголовную полицию…

— Не понимаю, господин комиссар, как это могло случиться, что такой опытный человек, как вы, у которого за плечами двадцать пять лет службы…

Следователь едва не вспылил, так как Мегрэ, вместо того чтобы слушать его, играл какой-то бумажкой, достав ее из кармана. Это было письмо, написанное на голубоватой бумаге.

— Мистер Кларк, конечно, вышел за пределы дозволенного. Но тем не менее и вы не проявили тактичности, которой можно было ожидать от вас при данных обстоятельствах…

Есть! Мегрэ пришлось отвернуться, чтобы не выдать свою радость. Кларка действительно словно загипнотизировал клочок голубоватой бумаги, — американец подошел, протянул руку:

— Please[3]…

Мегрэ как будто удивился, но отдал американцу листок, который держал в руке. Следователь, все менее понимавший, что происходит, заподозрил,

---

[3] Примечания: 3
Прошу вас. (*англ.*).

однако, какую-то стратегическую хитрость со стороны комиссара.

Наконец Кларк подошел к переводчику и, показывая ему письмо, заговорил нетерпеливо и быстро.

— Что он говорит?

— Он заявляет, что узнал почерк своей жены, и спрашивает, каким образом у вас оказалось ее письмо…

— В чем тут дело, господин Мегрэ? — суровым тоном спросил следователь.

— Прошу извинить, господин следователь… Это документ, который мне сегодня вручили… Я хотел сообщить вам его содержание и приложить это письмо к материалам следствия… Весьма сожалею, что мистер Кларк завладел им раньше, чем…

А Кларк что-то бормотал, обращаясь к переводчику.

— Что он говорит? — спросил следователь, словно заразившись этим вопросом.

— Он просит меня перевести это письмо… И заявляет также, что, раз кто-то позволил себе рыться в вещах его жены, он принесет жалобу в свое посольство и что…

— Переведите…

Тогда Мегрэ, чувствуя, как у него напряжены нервы, принялся набивать табаком свою трубку, потом подошел к окну, за которым во влажном сумраке, словно звезды, мерцали газовые фонари, окруженные радужным ореолом.

Несчастный переводчик, у которого даже лысина покрылась испариной, принялся переводить письмо Мими к ее подруге Жижи и, замирая от испуга, каждую секунду спрашивал себя, хватит ли у него храбрости читать дальше. Следователь подошел к нему и стал читать через его плечо, но Кларк чрезвычайно решительным жестом отстранил его, пробормотав:

— Please…

Казалось, он стережет свое добро, боится, что у него отберут письмо, попытаются уничтожить его или будут пропускать фразу при переводе. Он указывал на некоторые слова пальцем, требовал точнейшего их перевода.

Потерпев неудачу, следователь присоединился к Мегрэ, который с деланным безразличием курил у окна.

— Вы нарочно это сделали, господин комиссар?

— Как же я мог предвидеть, что мистер Кларк даст мне кулаком по физиономии?

— Это письмо все объясняет!

— С откровеннейшим цинизмом.

Переводчик и Кларк стояли, склонившись над столом, на который лампа под зеленым абажуром отбрасывала неширокий круг света.

Наконец Кларк выпрямился и, ударив кулаком по столу, буркнул что-то вроде: «Damned![4]»

Затем он повел себя совсем иначе, чем можно было ожидать от него. Он не бушевал. Он ни на кого не смотрел. Черты его лица стали жесткими, взгляд неподвижным. Он долго стоял не шевелясь, а бедняга переводчик, казалось, готов был рассыпаться перед ним в извинениях. Затем американец обернулся, увидел стоявший в углу стул и, подойдя к нему, сел — словом, вел себя спокойно и просто, но в самой этой простоте было что-то трагическое.

Мегрэ, издали наблюдавший за ним, заметил, что у него над верхней губой выступили капельки пота. В эту минуту Кларк немного напоминал боксера, который получил сокрушительный удар, но в силу инерции еще держится на ногах и безотчетно ищет, за что ухватиться, прежде чем рухнуть всем своим обмякшим телом. В кабинете

---

[4] Примечания: 4
Проклятье! (*англ.*).

стояла глубокая тишина, слышно было, как в соседней комнате стрекочет пишущая машинка.

Кларк все не шевелился. Он сидел в своем углу и, упершись локтями в колени, уткнув подбородок в ладони, пристально смотрел на квадратные носки своих ботинок.

Долго царило томительное молчание, потом он глухо проворчал:

— Well!.. Well!..

Мегрэ шепотом спросил переводчика:

— Что он говорит?

— «Так!.. Так!..»

Для приличия следователь делал вид, что перебирает бумаги. Дым от трубки Мегрэ медленно расплывался в воздухе и как будто вытягивался в сторону лампы, единственного источника света.

— Well…

Несомненно, мыслями американец был далеко. Бог весть куда они привели его. Наконец он зашевелился. Каждый задавался вопросом, что Кларк сейчас сделает. Он вытащил из кармана массивный золотой портсигар, открыл его, достал сигарету; потом портсигар, сухо щелкнув, закрылся. Американец повернулся к переводчику:

— Please…

Ему понадобились спички. Переводчик не ку-

рил. Коробку спичек протянул комиссар. Кларк, беря ее, поднял голову и посмотрел на Мегрэ долгим многозначительным взглядом.

Наконец американец выпрямился и встал. Должно быть, он чувствовал себя опустошенным, и даже немного пошатывался… Но он был спокоен. Черты лица вновь стали неподвижны. Прежде всего он задал вопрос. Следователь посмотрел на Мегрэ, словно выжидал, какой ответ он даст.

— Мистер Кларк спрашивает, можно ли ему оставить письмо у себя.

— Лучше будет, если письмо сначала сфотографируют. Это можно сделать за несколько минут. Надо только отнести его наверх, в отдел криминалистики.

Кларку перевели. Он, по-видимому, понял и, подчинившись, протянул письмо секретарю, который и унес документ. Затем американец снова заговорил. Слушателям ужасно досадно было, что они ничего не понимают. Короткие диалоги казались бесконечными, и Мегрэ все время хотелось спросить: «Что он говорит?»

— Говорит, что прежде всего ему надо посоветоваться со своим солиситором, так как открытие, которое мистер Кларк сегодня сделал, для него полная неожиданность и оно все меняет…

Почему в эту минуту Мегрэ почувствовал волнение? Этот рослый и сильный малый, который три дня тому назад катался на карусели в обществе мисс Эллен и только что танцевал с нею танго в лучах голубоватого света, получил сейчас удар куда болезненнее, чем тот, которым он угостил комиссара… Однако же, как и Мегрэ, он лишь едва покачнулся… Выругался… Ударил кулаком по столу… Застыл на несколько минут в молчании.

— Well! Well!

Жаль, что они не могли понимать другу друга! Мегрэ охотно объяснился бы с ним.

— Что он говорит?

— Что теперь он назначает награду в тысячу долларов тому полицейскому, который найдет убийцу.

Пока секретарь переводил, Кларк смотрел на Мегрэ с таким выражением, словно хотел сказать: «Видите, я смелый игрок…»

— Переведите ему, что эта тысяча долларов, если мы ее заработаем, пойдет на нужды сиротского приюта для детей полицейских…

Удивительно! Теперь они словно соревновались в учтивости. Кларк выслушал перевод и уважительно склонил голову:

— Well…

Потом он снова заговорил, на этот раз почти что деловитым тоном.

— Он предполагает, хотя не хочет ничего предпринимать, не повидавшись со своим солиситором, что ему будет необходимо увидеться с этим человеком… с Проспером Донжем… Он спрашивает, можно ли получить на это разрешение…

Следователь, в свою очередь, ответил чопорным поклоном. Еще немного, и неприятный разговор кончился бы взаимными любезностями в дверях кабинета: «Прошу вас, проходите первым». «Нет уж, я вслед за вами…» «Да ни за что на свете!..»

Наконец Кларк задал несколько вопросов и часто поворачивался при этом в сторону Мегрэ.

— Он спрашивает, господин комиссар, чем кончится инцидент, имевший место в дансинге, когда он вас ударил кулаком, и будет ли это иметь последствия… Он не имеет представления, что могут повлечь за собой во Франции такие действия… В его стране…

— Да скажите ему, что я уж и позабыл об этой истории…

Следователь с беспокойством смотрел на дверь.

Право, все шло слишком уж хорошо! И он опасался, что какой-нибудь новый инцидент нарушит драгоценную гармонию. Хоть бы поскорее сфотографировали письмо, а тогда…

Молчание. Все ждали. Больше говорить было не о чем. Кларк закурил новую сигарету, жестом попросив у Мегрэ спичек.

Наконец вернулся секретарь, принес обратно разоблачающий листок голубоватой бумаги.

— Готово, господин следователь. Можно?..

— Да, вручите это письмо мистеру Кларку…

Кларк осторожно всунул письмо в свой бумажник, бумажник положил в задний карман брюк и, позабыв, что пришел без шляпы, стал искать ее на стульях. Потом вспомнил, машинально улыбнулся и пожелал всем спокойной ночи.

Как только дверь за ним закрылась, ушел и переводчик. Господин Бонно кашлянул раза два-три, обошел вокруг письменного стола и стал перебирать бумаги, совсем ему не нужные.

— Гм… Вы как раз этого и добивались, господин комиссар?

— А вы как думаете, господин следователь?

— Мне кажется, я первым задал вам вопрос?

— Извините, пожалуйста… Ну, разумеется, добивался… Видите ли, у меня сложилось впе-

чатление, что мистер Кларк в скором времени вступит во второй брак… А этот ребенок, в сущности, сын Проспера Донжа…

— Человека, который в настоящее время заключен в тюрьму по тягчайшему…

— …по тягчайшему обвинению. Разумеется, — подтвердил со вздохом Мегрэ. — А все-таки это его сын. Что ж я тут могу поделать?..

Он тоже машинально поискал свой котелок, оставленный в отеле «Мажестик», и ему было так неловко выйти из Дворца правосудия с непокрытой головой, что он поневоле взял такси, чтобы доехать до бульвара Ришар-Ленуар.

Кровоподтек на подбородке уже превратился в темный синяк, и госпожа Мегрэ сразу его заметила.

— Опять подрался! — укоризненно сказала она, подавая на стол. — И, конечно, потерял при этом котелок… Зачем ты, спрашивается, ввязываешься?

Мегрэ улыбался широкой, довольной улыбкой, вынимая из серебряного кольца свою салфетку.

Глава 8
Когда Мегрэ дремлет

Тут тоже было неплохо! Сесть поудобнее за письменный стол, за спиной гудит пламя в затопленной печке, слева окно, в котором от утреннего холодка запотели стекла, прямо перед глазами — камин в стиле Луи-Филиппа, и на каминной полке черного мрамора — часы, где остановившиеся стрелки уже двадцать лет показывают двенадцать часов; на стене в черной рамке с позолотой — групповая фотография, и на ней запечатлены невероятно усатые господа с бородками клинышком, в сюртуках и цилиндрах, — товарищество секретарей комиссариата в те времена, когда Мегрэ было двадцать четыре года! На письменном столе в подставке выстроены по росту четыре трубки.

«Миллиардерша-американка удушена в подвалах отеля „Мажестик“»

Таков был заголовок, развернутый по всей первой полосе вчерашнего номера вечерней газеты. Разумеется, для журналистов все американки

миллиардерши. И еще веселее усмехнулся Мегрэ, когда увидел свой собственный портрет, на котором он в пальто и в котелке, с трубкой в зубах, наклонился над чем-то, невидимым зрителю.

«Комиссар Мегрэ рассматривает жертву преступления»

Да, это его фотография, только снятая не теперь, а год тому назад — в Булонском лесу, когда он действительно рассматривал труп неизвестного, убитого выстрелом из револьвера.

В папках из мягкого картона лежали самые важные материалы.

> «Доклад инспектора Торанса о результатах следствия относительно некоего Эдгара Фагоне, именуемого Эвзебио Фуалъдес, именуемого также Зебио.
>
> Возраст — 24 года; место рождения — город Лилль. Отец — Альбер-Жан-Мари Фагоне, старший мастер на заводе Лекера, умер три года назад; мать — Жанна-Альбертина-Октавия Обуа пятидесяти четырех лет, законная супруга вышеуказанного, профессии не имеет.
>
> Нижеследующие сведения получены от

привратницы дома № 57 по улице Коленкур, где Эдгар Фагоне проживает вместе со своей матерью и сестрой, а также от его соседей и ближайших в квартале торговцев, некоторые данные получены по телефону из полиции города Лилля (участок в районе газового завода).

Я связался также по телефону с санаторием Шевале в Межеве, а кроме того, беседовал лично с директором парижского кинематографа „Империа“, находящегося на бульваре Капуцинок.

Собранные таким образом сведения я считаю точными, хотя они и нуждаются, конечно, в дальнейшей проверке.

В Лилле семейство Фагоне вело скромный образ жизни, занимало в новом районе газового завода дом с мансардой. Кажется, родители Эдгара Фагоне имели честолюбивое стремление дать ему образование, и в возрасте одиннадцати лет он поступил в лицей.

Вскоре, однако, его по болезни взяли оттуда и поместили в профилакторий на острове Олерон, где он и пробыл целый год. Здоровье мальчика, по-видимости,

восстановилось, и он возвратился в лицей; но с тех пор в школьных занятиях Эдгара часто бывали перерывы ввиду слабости его организма.

В семнадцатилетнем возрасте пришлось отправить его в горы, и он провел четыре года в санатории Шевале, около Межева.

Доктор Шевале хорошо помнит Эдгара Фагоне, который, будучи очень красивым юношей, имел большой успех у лечившихся в санатории дам. У него уже были в то время любовные похождения. И как раз в санатории он стал превосходным танцором — правила этого лечебного заведения весьма снисходительны, а туберкулезные больные, кажется, падки до развлечений.

Призывной комиссией Эдгар Фагоне признан негодным к военной службе.

На двадцать втором году жизни он возвратился в Лилль и еще успел принять последний вздох отца. Покойный оставил кое-какие сбережения, недостаточные, однако, для пропитания его семьи.

Сестра Эдгара Фагоне, девятнадцати-

летняя Эмилия, больна костным туберкулезом и стала почти калекой. Кроме того, умственные способности у нее недостаточно развиты, и она нуждается в постоянном уходе.

Кажется, после смерти отца Эдгар Фагоне прилагал все усилия, чтобы найти место. Сначала пытался устроиться в Лилле, потом — в Рубэ. К несчастью, этому мешал недостаток образования. А кроме того, хоть он и выздоровел, но, будучи слабого сложения, не мог заниматься физическим трудом.

Тогда он перебрался в Париж и через несколько недель уже облекся в небесно-голубую униформу билетеров кинематографа „Империа“ — этот кинематограф первый заменил женщин-билетерш молодыми людьми, среди которых попадались и нуждающиеся студенты.

Получить точные сведения по данному вопросу трудно, поскольку заинтересованные лица не склонны тут откровенничать, но, по-видимому, многие молодые билетеры, которым оказалась к лицу лазоревая униформа, одерживали в „Им-

периа“ прибыльные для себя победы».

Мегрэ усмехнулся, увидев, что Торанс счел своим долгом подчеркнуть красными чернилами слово «прибыльные».

«Как бы то ни было, Эдгар Фагоне, которого его товарищи начали называть Зебио за его южноамериканскую внешность, прежде всего выписал в Париж мать и сестру и поселил их в трехкомнатной квартире на улице Коленкур.

Привратница и соседи считают его чрезвычайно преданным сыном, зачастую не мать, а он ходит по утрам на рынок и в лавки за провизией.

Год тому назад он узнал от своих сослуживцев, что отелю «Мажестик» требуется для его дансинга платный танцор. Он предложил свои услуги и после короткого испытательного срока был принят. Тогда он взял себе имя Эвзебио Фуальдес. Администрация отеля ни в чем не может пожаловаться на него.

По мнению сослуживцев, он юноша робкий, чувствительный и нелюдимый. Некоторые говорят: «Застенчив, как девушка».

Он неразговорчив, бережет свои силы, так как должен опасаться рецидива болезни; не раз бывает вынужден полежать для отдыха на койке в

подвале, особенно если в дансинге устраивают какой-нибудь вечер, когда танцы идут до поздней ночи.

Зебио Фуальдес со всеми находится в добрых отношениях, но друзей у него как будто нет, и он не склонен к душевным излияниям.

Можно полагать, что его месячный заработок вместе с чаевыми составляет две-две с половиной тысячи франков. Эта сумма приблизительно соответствует образу жизни семейства Фагоне, проживающего на улице Коленкур.

Эдгар Фагоне не пьет, очень мало курит, не употребляет наркотиков. Впрочем, плохое состояние его здоровья и не допускает никаких злоупотреблений.

Его мать, уроженка департамента Нор, коренастая и сильная женщина. Она не раз говорила — в частности, в разговорах с привратницей, — что ей очень хотелось бы прирабатывать, но всегда ей мешали в этом обстоятельства: за дочерью необходим уход.

Я попытался узнать, жил ли Эдгар Фагоне на Лазурном берегу. Точных сведений на этот счет я не мог получить. Некоторые полагают, что три-четыре года тому назад, когда Эдгар еще служил в кинематографе «Империа», он провел

там некоторое время в обществе дамы средних лет — сведения весьма туманные, и опираться на них нельзя».

Мегрэ не спеша набил трубку № 3, подбросил угля в печку, подойдя к окну, поглядел на Сену, уже слегка позолоченную бледными лучами солнца и, удовлетворенно вздохнув, снова сел за стол.

«Доклад инспектора Люка относительно Жана-Оскара-Адалъбера Рамюэля.

Рамюэль, Жан-Оскар-Адальбер, сорока восьми лет, проживает в Париже в доме № 14 по улице Деламбр (XIV округ), в меблированных комнатах.

Родился в Ницце; отец (ныне уже покойный) по национальности француз, мать — итальянка; след ее потерян, по-видимому, она давно возвратилась на родину. Отец поставлял в Париж ранние фрукты и овощи.

В восемнадцать лет Жан Рамюэль поступил конторщиком к комиссионеру парижского Центрального рынка, но точных сведений о том периоде не имеется, так как комиссионер умер десять лет назад.

В девятнадцать лет Жан Рамюэль записался добровольцем в армию. В двадцать четыре года вышел в отставку в чине старшего сержанта и поступил на службу к биржевому маклеру, но тотчас же взял расчет и уехал в Египет, получив там место помощника счетовода на сахарном заводе.

Пробыв в Египте три года, он вернулся во Францию, служил в Париже на различных деловых предприятиях, пробовал играть на бирже.

В тридцать два года он уехал в республику Эквадор, в город Гуаякиль, куда был послан правлением франко-английской горнорудной компании для приведения в порядок весьма запущенной отчетности этого предприятия.

Он отсутствовал шесть лет. Там он познакомился с Мари Делижар; о ней мы имеем мало сведений, но, по всей вероятности, в Центральной Америке у нее была далеко не почтенная профессия.

Во Францию Рамюэль вернулся вместе с этой женщиной. Сведений о его жизни в Эквадоре у нас не имеется, так как

правление компании было переведено в Лондон.

Некоторое время Рамюэль и Мари Делижар жили довольно широко в Тулоне, в Касси и в Марселе. Рамюэль пробовал спекулировать земельными участками и дачами, но успеха в этой коммерции не имел.

Мари Делижар, которую он везде представляет как свою супругу, хотя они не женаты, отличается яркой наружностью и вульгарностью; этой особе ничего не стоит затеять скандал в общественном месте, она очень любит, чтобы на нее обращали внимание.

У них с Рамюэлем часто бывают бурные сцены. Иногда Рамюэль уходит от своей сожительницы и пропадает несколько дней, но победа всегда остается за Мари Делижар.

В Париже они поселились в меблированных комнатах на улице Деламбр, сняв довольно комфортабельную квартиру, состоящую из комнаты, кухни, ванной и передней; за квартиру они платят восемьсот франков в месяц.

Рамюэль поступил счетоводом в банк Атума, находившийся на улице Комартен (Атум обанкротился, но вместо лопнувшего банка открыл на улице Сен-Пер на имя одного из своих служащих торговое заведение по продаже ковров).

Рамюэль ушел от Атума перед самым его банкротством и почти тотчас же по объявлению поступил счетоводом в отель „Мажестик“.

В отеле он служит три года. Дирекция не имеет к нему претензий. Сослуживцы его не любят за чрезмерную придирчивость.

Не раз бывало, что во время своих ссор с Мари Делижар он по нескольку дней не выходил из отеля, оставался ночевать там, в подвале. Почти всегда Делижар донимала его тогда телефонными звонками или же являлась самолично.

Среди сослуживцев Рамюэля эта пара стала притчей во языцех, так как воинственная сожительница, кажется, внушает счетоводу настоящий ужас.

Следует отметить, что вчера Жан Рамюэль вернулся к своей сожительнице

в меблированные комнаты на улице Деламбр».

Через четверть часа старичок служитель тихо постучался к Мегрэ. Не получив ответа, он бесшумно отворил дверь и на цыпочках вошел в кабинет.

Запрокинув голову на спинку кресла, расстегнув жилет, Мегрэ, казалось, спал, не выпуская изо рта погасшей трубки.

Служитель кашлянул, чтобы уведомить о своем присутствии, и Мегрэ пробормотал, не открывая глаз:

— Кто там?

— Какой-то господин вас спрашивает... Вот его визитная карточка.

Право, Мегрэ как будто не хотелось просыпаться, он, не открывая глаз, протянул руку. Наконец он вздохнул, положил карточку на стол и тут же снял телефонную трубку.

— Впустить его?

— Погодите немножко.

Он едва взглянул на карточку: «Этьен Жоливе, заместитель директора Лионского кредитного банка, управляющий агентством.»

— Алло!.. Пожалуйста, попросите господина Бонно, следователя, чтобы он был так любезен и

сообщил мне фамилию и адрес солиситора мистера Кларка. Да, да, солиситора, именно так он называется… А затем попросите этого солиситора к телефону… Очень срочно…

Больше четверти часа господин Жоливе, одетый щегольски (модные брюки в полоску, черный облегающий пиджак, фетровая шляпа, твердая, как железобетон), сидел с чопорным видом на краешке стула в мрачном зале ожидания Уголовной полиции. Вместе с ним ожидали еще двое — какой-то малый с бандитской физиономией и проститутка, сиплым голосом рассказывавшая свою историю:

— …во-первых, как же это я могла вытащить у него бумажник, а он того и не заметил?.. Все эти провинциалы одинаковы… Не смеют жене признаться, сколько они в Париже растранжирили денег, и врут, будто их обокрали… Ну уж извините, в полиции меня знают… Ты поди докажи…

— Алло!.. Мистер Герберт Дэвидсон?.. Очень рад, мистер Дэвидсон… Говорит комиссар Мегрэ… Да… Вчера я имел удовольствие встретиться с вашим клиентом мистером Кларком… Он был весьма любезен… Что вы говорите?.. Да нет! Нет! Я об этом и думать позабыл… Я обращаюсь к вам по другому поводу: у меня сложилось впечат-

ление, что мистер Кларк склонен помочь нам в меру своих сил… Что? Он сейчас находится у вас?.. Спросите его, пожалуйста… Алло!.. Мне известно, что у людей его положения, особенно в Соединенных Штатах, супруги живут довольно независимо друг от друга… но все же он мог заметить… Барышня, не прерывайте… Подождите, мистер Дэвидсон, вы потом переведете… Установлено, что миссис Кларк за последние годы получила из Парижа по меньшей мере три письма… Я хотел бы узнать, видел ли их мистер Кларк… И особенно важно выяснить, не получала ли она еще некоторого количества писем такого же вида… Да… Я подожду… благодарю вас.

В трубке слышался рокот голосов.

— Алло!.. Что вы говорите?.. Он не вскрывал этих писем?.. И не спрашивал у жены, каково их содержание? Ну разумеется, разумеется… Это зависит от взглядов…

Что касается самого Мегрэ, хотел бы он посмотреть, как бы это госпожа Мегрэ стала получать письма и не показывала их мужу.

— Приблизительно одно письмо в три месяца?.. Почерк всегда был одинаковый?.. Да?.. Штемпель парижской почты? Подождите минуточку, мистер Дэвидсон…

Он заглянул в комнату инспекторов, где стоял адский шум, и прикрикнул:

— Эй вы там, заткнитесь!..

Затем возвратился к телефону:

— Алло!.. Довольно значительные суммы?.. Будьте любезны, мистер Дэвидсон, запишите это заявление и передайте его следователю. Нет, нового пока еще ничего нет… Прошу извинить… Не знаю, каким образом газеты пронюхали, но смею заверить, что я здесь ни при чем… Нынче утром я выпроводил четырех журналистов и двух фотографов, которые поджидали меня в коридоре нашего управления… Прошу передать от меня привет мистеру Кларку…

Мегрэ нахмурил брови. Ведь только что, распахнув дверь в комнату инспекторов, он как будто заприметил… Он снова отворил дверь — и действительно, на столе сидел репортер в компании с фотографом.

— Послушайте, дружок… Я, вероятно, кричал в телефонную трубку так громко, что вы все слышали… Если хоть одно слово из сказанного мною появится в вашей газетке, я лишу вас права давать информацию… Поняли?

И все же, когда он вернулся к себе в кабинет и позвонил служителю, на губах у него играла

довольная улыбка.

— Пригласите господина… господина Жоливе.

— Здравствуйте, господин комиссар… Извините за беспокойство… Но я полагал, что обязан сообщить… Читая вчерашнюю вечернюю газету…

— Садитесь, пожалуйста… Прошу вас…

— Впрочем, должен признаться, что я пришел к вам не только по собственному почину — я согласовал данный вопрос с нашим генеральным директором: нынче ночью, в первом часу, я позвонил ему по телефону… Имя Проспера Донжа поразило меня, так как совсем недавно оно было у меня перед глазами… Надо вам сказать, что в нашем агентстве на мне лежит обязанность визировать чеки… Конечно, это работа почти машинальная, ведь текущий счет клиента предварительно проверен… Я бросаю взгляд на чек, прикладываю свой гриф… Но поскольку тут дело шло о значительной сумме…

— Минуточку… Стало быть, Проспер Донж состоит вашим клиентом?

— Уже пять лет, господин комиссар. И даже больше, так как его счет был переведен нам в это время из нашего агентства в Каннах…

— Позвольте кое о чем спросить вас… Мне тогда легче будет разобраться в своих предположени-

ях… Проспер Донж имел текущий счет в вашем агентстве в Каннах… Можете вы сказать, большая ли сумма была в то время на его счету?

— Очень скромная, как у большинства служащих отелей, состоящих нашими клиентами. Надо заметить, что, поскольку им предоставляется стол и квартира, они имеют возможность, если это люди серьезные, откладывать почти весь свой заработок… Так было и с Донжем; он вносил ежемесячно на свой счет от тысячи до полутора тысяч франков… Кроме того, на облигацию, которую мы по его распоряжению купили для него, выпал выигрыш в двадцать тысяч франков… Словом, при переезде в Париж у него было около пятидесяти пяти тысяч франков…

— И в Париже он продолжал делать небольшие взносы? Да?

— Минуточку!.. Я захватил с собой опись его операций. Вы увидите в ней нечто, тревожащее нас. В первом году… Донж, который жил в меблированных комнатах на улице Брэй, близ площади Этуаль, внес еще около двенадцати тысяч франков… На второй год он не делал взносов, а наоборот, снимал со счета. Адрес у него переменился: Донж переехал в Сен-Клу, где он, как я понял по чекам, которые он выдавал, по-

строил себе домик… Он выдавал чеки агенту, продававшему земельные участки, плотнику, столяру, малярам, подрядчику, нанимавшему каменщиков… И таким образом в конце года, как вы можете убедиться по этой описи, у него оставалось в банке только восемьсот тридцать три франка и несколько сантимов. Но спустя некоторое время, то есть три года тому назад…

— Простите, вы уверены, что это было именно три года тому назад?

— Уверен… Сейчас я вам укажу точные даты… Итак, три года тому назад он уведомил нас письмом, что переменил местожительство, и просил записать его новый адрес: Париж, улица Реомюра, сто семнадцать.

— Минуточку!.. Вы лично когда-нибудь видели Донжа?

— Может быть, и видел, но не помню этого… Я ведь не сижу у окошечка, у меня отдельный кабинет, и публику я вижу только через некое подобие «глазка».

— А ваши служащие видели его?

— Я задавал нынче утром вопрос кое-кому из нашего персонала. Один из служащих запомнил его, потому что и сам построил себе дом в этом пригороде… Он даже сказал мне, что едва ему уда-

лось закончить постройку, как тут же пришлось расстаться со своим владением…

— Будьте добры вызвать сюда по телефону этого служащего.

Управляющий агентством снял трубку. Воспользовавшись перерывом, Мегрэ бесцеремонно потянулся, как будто ему смертельно хотелось спать, но глаза у него блестели.

— Так что вы говорили?.. Ах, да, Донж переменил адрес и живет теперь на улице Реомюра в доме сто семнадцать… Прошу извинить, я сейчас приду…

И он исчез в комнате инспекторов.

— Люка!.. Бери такси… Поезжай на улицу Реомюра… дом сто семнадцать… Наведи справки о господине Проспере Донже… Я потом тебе объясню…

И он возвратился к управляющему агентством.

— Каковы в настоящее время операции Донжа?

— Я как раз об этом и пришел побеседовать с вами. Я был изумлен, просматривая нынче утром его счет, и еще больше изумился, узнав о его последней операции. Первый американский чек…

— Простите, как вы сказали?..

— О, было несколько таких чеков… Первый

американский чек выдан банком в Детройте на имя Проспера Донжа три года назад, в марте месяце, на сумму в пятьсот долларов… Могу в точности сказать, сколько это тогда составляло на наши деньги…

— Не имеет значения…

— Чек был нами принят, и сумма зачислена на счет Донжа. Через полгода от него поступил еще один чек того же банка с просьбой инкассировать сумму и зачислить на текущий счет Донжа.

Управляющий агентством вдруг забеспокоился, увидев блаженное выражение на лице комиссара, казалось, уж и не слушавшего доклад господина Жоливе. В самом деле, мысли Мегрэ витали далеко. Ему вдруг пришло в голову, что если б он не позвонил по телефону солиситору перед тем как принять управляющего агентством банка, если бы не задал мистеру Дэвидсону совершенно точные вопросы, стали бы, как всегда, говорить, что только случай…

— Я вас слушаю, господин… господин Жоливе.

Всякий раз Мегрэ приходилось бросать взгляд на визитную карточку.

— Вернее, я уже заранее знаю, вы мне сейчас скажете, что Донж стал получать чеки из Детройта приблизительно раз в три месяца.

— Совершенно верно… Но…

— В общем, какую сумму составляют все эти чеки?

— Триста тысяч франков…

— И эти деньги спокойно лежали в банке? Донж ни разу не снимал со счета?

— Да. Только вот за последние восемь месяцев не поступило ни одного чека…

Ну разумеется. Недаром же перед поездкой во Францию миссис Кларк совершила со своим маленьким сыном плаванье на пароходе по Тихому океану.

— А продолжал Донж вносить ежемесячно небольшие суммы?

— Никаких следов подобных вкладов я не обнаружил на его счете… Да и что эти взносы? Смехотворно маленькие в сравнении с американскими чеками!.. Но вот что меня смущает: письмо, полученное позавчера. Обратил на него внимание не я, а начальник иностранного отдела. Сейчас вы поймете почему… Итак, позавчера мы получили письмо от Донжа… Но вместо чека, который обычно прилагался к письму, оно содержало просьбу выдать ему на один из брюссельских банков чек на предъявителя… Операция обыкновенная… Отправляясь в путешествие, на-

ши клиенты зачастую просят нас выдать им чек на какой-нибудь заграничный банк — это избавляет их от сложных операций с аккредитивами, а также от необходимости везти с собой крупные суммы наличными деньгами…

— На какую же сумму выписан чек?

— На двести восемьдесят тысяч французских франков… Исчерпан почти весь текущий счет Донжа… Осталось около двадцати тысяч…

— Вы, значит, уже выдали чек?

— Послали его по указанному адресу.

— По какому же?

— Как обычно, улица Реомюра, дом сто семнадцать.

— Значит, ваше письмо с чеком пришло по почте вчера утром?

— Вероятно… Но в таком случае Донж не мог его получить… — И управляющий агентством банка взмахнул газетой. — Да, да, он не мог получить этого письма, потому что позавчера, приблизительно в тот час, когда мы выписывали чек, Проспера Донжа арестовали!

Мегрэ быстро перелистал телефонный справочник: выяснилось, что в доме сто семнадцать по улице Реомюра много телефонов; в частности, телефон установлен и у консьержки. Мегрэ по-

звонил. Инспектор Люка уже был на месте. Мегрэ дал ему краткие указания:

— Письмо… да, письмо на имя Проспера Донжа. На конверте штамп — Лионский кредитный банк, агентство О… Живей поворачивайся, старина… Сообщи мне по телефону…

— Я полагаю, господин комиссар, — с некоторой торжественностью произнес управляющий, — полагаю, что я правильно поступил, явившись к вам.

— Ну разумеется!.. Разумеется!..

Однако Мегрэ уже не замечал посетителя, больше и не думал о нем… В мыслях он был далеко… Неизвестно, где он был… Его охватило лихорадочное нетерпение, ему хотелось переставлять с места на место предметы, стоявшие на столе, мешать жар в печке, ходить взад-вперед по кабинету.

— Пришел служащий из Лионского банка, господин комиссар.

— Пригласи сюда.

В ту же минуту зазвонил телефон. А служащий банка замер в ожидании у порога и, с ужасом глядя на своего начальника, спрашивал себя, зачем его вызвали в Уголовную полицию.

— Люка?

— Знаете, патрон, в доме сто семнадцать нет жилых квартир, а только конторские помещения, по большей части в одну комнату. Некоторые из них снимают провинциальные коммерсанты, считая выгодным для себя указывать в адресе своей фирмы «контора в Париже». Многие из владельцев этих контор почти никогда там не бывают, и им пересылают почту, поступающую на их имя. В других же конторах сидит только машинистка, чтобы отвечать на телефонные звонки… Алло!

— Слушаю. Говори дальше.

— Три года тому назад Донж в течение двух месяцев снимал тут помещение, платил за него по шестьсот франков в месяц. Приходил туда раза два-три, не больше… А с тех пор он ежемесячно платит швейцару сто франков, и тот пересылает ему почту…

— Куда?

— В частное агентство «Жем», бульвар Османа, сорок два.

— На чье имя?

— Адрес всегда надписан самим Донжем — вернее, отпечатан на машинке… Конверты эти Донж присылает заранее… Подождите, в швейцарской не очень светло… Да, пожалуйста, голубчик, за-

жгите свет… Ну вот… «Бульвар Османа, сорок два, частное почтовое агентство „Жем“, Ж. М. Д.» Вот и все… Вам, конечно, известно, что только частные агентства принимают корреспонденцию по инициалам…

— Такси ждет тебя?.. Нет?.. Вот болван! Лови сейчас же машину. Который час? Одиннадцать часов… Кати на бульвар Османа… Швейцар переслал вчера письмо?.. Да?.. Ну, живее лети…

Оба посетителя не знали, как себя держать, и слушали Мегрэ с изумлением, а он совсем позабыл о них и, повесив трубку, чуть было не спросил сердито: «Вам что надо, зачем вы здесь?» Потом сразу успокоился.

— Вы что делаете в банке? — спросил он у служащего; тот вздрогнул от неожиданности.

— Работаю в отделе текущих счетов.

— Знаете вы Проспера Донжа?

— Знаю… То есть видел его несколько раз… Надо вам сказать, что мы в одно и в то же время построились в пригороде… Только я выбрал себе участок в…

— Я знаю… Дальше.

— Он приходил в наше агентство, брал со своего текущего счета небольшие суммы для оплаты тех поставщиков, у которых не было текущего счета

в банке и которые не принимали чеков… Это ему надоедало… Помнится, мы с ним толковали об этом… Говорили, что нужно было бы, чтоб у всех, как в Америке, был текущий счет в банке… Ему трудно было приходить к нам, потому что он работал в отеле «Мажестик» с шести часов утра до шести часов вечера, а в шесть банк уже бывал закрыт… Я ему тогда сказал… надеюсь, господин управляющий не рассердится на меня, мы ведь иной раз так делаем для удобства клиентов… Так вот, я сказал Просперу Донжу, чтобы он в случае чего звонил мне по телефону, и я буду присылать ему деньги с рассыльным под квитанцию, на которой надо только поставить подпись… Раза два-три я таким образом и посылал ему деньги в «Мажестик».

— А с тех пор вы его не видели?

— Кажется, не видел… Кстати сказать, меня два года подряд на летние месяцы посылали заведовать нашим агентством в Этрета. Возможно, что он и приходил тогда…

Мегрэ вдруг выдвинул ящик письменного стола, достал оттуда фотографию Донжа и молча положил ее на стол.

— Это он! Конечно, он! — воскликнул служащий банка. — У него довольно приметное лицо.

Помнится, он мне рассказывал, что в детстве болел оспой, а фермеры, у которых он жил, даже и не подумали позвать доктора…

— Вы уверены, что это он?

— Нисколько не сомневаюсь.

— А почерк его вы можете узнать?

— Я и сам могу узнать его почерк, — вмешался Жоливе, уязвленный тем, что его оттерли на задний план.

Мегрэ протянул им бумаги, написанные различными лицами.

— Нет!.. Нет!.. Это не похоже… Ага, погодите!.. Вот его семерка… Он по-особому писал цифру семь… и букву «ф» тоже. Вот это «ф» наверняка им написано…

То, на что они указывали, действительно было написано рукой Проспера Донжа, — ведь Мегрэ показал им талон кафетерия, один из тех талонов, на которых тот проставлял торопливыми каракулями — столько-то отпущено чашек черного кофе, столько-то кофе со сливками, шоколада, чая или гренков.

Телефон молчал. Пробило полдень.

— Что ж, мне остается, господа, только поблагодарить вас.

Почему это Люка застрял в агентстве «Жем»?

Впрочем, он способен поехать не на такси, а на автобусе, лишь бы сэкономить шесть франков.

Глава 9
Газета Шарля

Каждая из них в отдельности была бы не так заметна. Но стоя рядышком у подъезда Уголовной полиции, словно у фабричных ворот, они представляли собой комическое и жалкое зрелище. Долговязая Жижи с длинными тощими ногами, кутаясь в облезлое кроличье манто, глядела настороженно и недоверчиво на полицейского, дежурившего у двери, а когда слышала на тротуаре шаги, наклонялась посмотреть, кто идет; у бедняжки Шарлотты не было сил сделать прическу и подкраситься, от долгих и все не иссякавших слез ее круглое, как луна, лицо пошло красными пятнами. Покраснел и ее маленький носик-пуговка. На ней было очень приличное пальто из черного драпа с каракулевым воротником и отороченное каракулем. Левой рукой она машинально прижимала к груди добротную лакированную сумочку из настоящей кожи. Если б не соседство Жижи, худой и горбатой, как ворон, да не красный носик, она имела бы почтенный вид.

— Это он!..

Шарлотта не двинулась с места. Суетилась и сновала взад и вперед Жижи. Она первой увидела Мегрэ, который шел с каким-то своим коллегой. Мегрэ слишком поздно заметил двух подруг. На набережной играло солнце, в воздухе уже пахло весной.

— Извините, господин комиссар…

Мегрэ пожал руку своему спутнику:

— Ну, приятного аппетита, старина…

— Позвольте сказать вам два слова, господин комиссар…

И Шарлотта разразилась рыданиями, засунув в рот почти весь свой скомканный носовой платочек. Прохожие оборачивались, смотрели. Мегрэ терпеливо ждал. Жижи, словно желая извиниться за подругу, проронила:

— Она только что от следователя. Он вызывал ее…

— Так! Так! Господин Бонно вызывал ее? Что ж, это его право… Но все-таки…

— Неужели правда, господин комиссар, что Проспер… во всем сознался?..

На этот раз Мегрэ откровенно заулыбался. Вот и все, что следователь мог придумать! Старовата хитрость… Обычная уловка начинающих судей-

ских чинуш. А эта толстая дурочка Шарлотта поверила!

— Ведь это неправда? Да? Я так и думала! Если б вы только знали, что он мне наговорил… Послушать его, так я самая последняя дрянь…

Полицейский, дежуривший у входных дверей, наблюдал за ними с легкой иронией во взгляде. В самом деле, любопытное зрелище представлял Мегрэ, которого вдруг атаковали две женщины — одна, проливавшая слезы, и другая, следившая за ним с явным недоверием.

— И будто бы это я написала анонимное письмо для того, чтобы Проспера засудили… Да как же я могла написать, когда я убеждена, что это не он убил? Видите ли, если б из револьвера, я бы еще могла поверить… Но чтобы он да кого-нибудь удавил!.. Нет! Да еще чтоб на следующий день удавил ни в чем не повинного человека… Может быть, вы узнали что-нибудь новое, господин комиссар? Как вы думаете, его уже не выпустят из тюрьмы?..

Мегрэ жестом остановил проезжавшее мимо такси.

— Садитесь! — сказал он Шарлотте и Жижи. — Мне надо съездить по делу. Вы проводите меня.

Он сказал правду. Люка позвонил ему наконец

и сообщил, что ничего не добился в частном агентстве «Жем». Мегрэ назначил Люка свидание на бульваре Османа. И вдруг ему пришла в голову мысль, что…

Обе его спутницы хотели сесть на откидные места, но он заставил их расположиться на заднем сиденье, а сам сел спиной к шоферу. День был погожий, один из первых погожих дней в году. Улицы стали людными, сразу похорошели, бодрее двигались прохожие.

— Шарлотта, скажите, Донж по-прежнему вносит свои сбережения в банк?

Мегрэ чуть было не рассердился на Жижи, стоило ему открыть рот, она хмурила брови, как будто чуяла ловушку. Видимо, она с трудом сдерживалась, чтобы не сказать своей приятельнице: «Осторожнее!.. Подумай, прежде чем ответить…»

Однако Шарлотта простодушно воскликнула:

— Сбережения? Да откуда они у нас? Мы уж давно ничего не откладываем!.. С тех пор как навязали себе на шею этот дом. Вот уж именно что навязали!.. По смете он должен был стоить самое большее сорок тысяч франков… Но, во-первых, фундамент обошелся втрое дороже, чем предполагалось, потому что натолкнулись на подземный ручей… Когда же стали возводить сте-

ны, началась забастовка строительных рабочих и постройка остановилась… А тут зима на дворе… Словом, пять тысяч франков тут… три тысячи там… Шайка мошенников — вот они кто, подрядчики эти! Сказать вам, сколько мы уже ухлопали денег на этот дом? Точной цифры не знаю, но уж наверняка больше восьмидесяти тысяч, и еще не за все заплатили…

— Так что, у Донжа нет денег в банке?

— У него даже и текущего счета теперь нет… С какого времени? Да уж около трех лет. Помнится, как-то раз почтальон принес перевод на восемьсот с чем-то франков… Я не знала, откуда эти деньги… А потом Донж пришел и объяснил мне, что он писал в банк, просил закрыть его счет…

— Вы не помните, когда это было?

— А для чего вам это знать? — спросила Жижи, которая не могла удержаться от ехидных замечаний.

— Я знаю, что это было зимой. Когда пришел почтальон, я скалывала лед около водопроводной колонки… Погодите… В тот день я ходила на рынок в Сен-Клу… купила гуся… Значит, это было перед самым рождеством…

— Куда это мы едем? — спросила Жижи, глядя в окно.

И тут как раз такси остановилось на бульваре Османа, не доезжая до улицы Фобур Сент-Оноре. Люка, стоявший на тротуаре, вытаращил глаза, когда из машины вышли две женщины, а за ними Мегрэ.

— Минуточку… — сказал Мегрэ своим спутницам и отвел Люка в сторону.

— Ну как?

— Посмотрите. Видите нечто вроде маленькой лавчонки между магазином, где торгуют чемоданами, и дамской парикмахерской?.. Вот это и есть агентство «Жем»… Содержит его омерзительный старик, у которого я не мог вытянуть ни малейших сведений… Он хотел запереть свою лавочку и пойти завтракать, заявил, что всегда изволит кушать в это время… Я заставил его подождать… Он разъярился… У вас, говорит, нет ордера, вы не имеете права…

Мегрэ вошел в полутемное помещение агентства, перегороженное надвое прилавком, выкрашенным в черный цвет. По стенам шли тоже черные полки, разделенные на клеточки, в которых лежали письма.

— Хотел бы я знать… — заворчал старик.

— Нет уж, извините, — отрезал Мегрэ, — сперва я сам кое о чем спрошу. У вас, кажется, можно по-

лучать письма до востребования, адресованные на инициалы, тогда как в почтовых отделениях это запрещается. Вероятно, у вас богатая клиентура…

Старик удовольствовался краткой репликой:

— Ну и что? Я выбираю патент…

Он носил очки с толстыми стеклами, прикрывавшими его слезящиеся глазки. Надетый на нем пиджак пестрел разнообразными пятнами; засаленный воротник рубашки обтрепался. От этого человека исходил какой-то затхлый запах, пропитавший все его заведение.

— Я хотел бы знать, ведете ли вы реестр, в котором против инициалов стоят подлинные фамилии ваших клиентов…

Старик язвительно засмеялся.

— А как вы думаете, клиенты заглянули бы сюда второй раз, если б им пришлось объявить свою фамилию?.. Может, еще требовать от них удостоверение личности?

Неприятно было думать, что хорошенькие дамочки украдкой прибегали в эту контору, служившую центром связи для многих и многих адюльтеров и всяких грязных махинаций.

— Вы получили вчера письмо, адресованное на инициалы Ж. М. Д.?

— Возможно. Я так и сказал вашему подручному. Он даже пожелал удостовериться, что письма уже нет здесь…

— Значит, его успели взять? А можете вы сообщить, когда за ним пришли?

— Ничего я не знаю… А если б и знал, так все равно не сказал бы… Не обязан…

— А вам известно, что не сегодня-завтра вашу, лавочку могут прикрыть по моему настоянию?

— Мне, знаете ли, многие это сулили, однако же моя лавочка, как вы ее именуете, существует вот на этом самом месте уже сорок два года… А сколько разъяренных мужей приходило сюда, уж какой они поднимали шум и даже грозились избить меня…

Люка правильно назвал этого старика «омерзительным».

— А сейчас я, с вашего позволения, закрою ставни и пойду завтракать…

Где могла завтракать эта мокрица? Возможно ли, чтобы у этого насекомого была семья, жена, дети? Нет, он, верно, старый холостяк и столуется где-то неподалеку в убогом ресторанчике, где у него есть свое постоянное место и салфетка в алюминиевом кольце.

— Вы когда-нибудь видели этого человека?

Не обращая ни малейшего внимания на недовольство старика, Мегрэ еще раз вынул из бумажника фотографию Проспера Донжа, и у хозяина любопытство взяло верх над раздражением. Он наклонился, поднес карточку к самым глазам. Черты его не дрогнули. Он пожал плечами.

— Не помню такого… — пробормотал он как будто с сожалением.

Шарлотта и Жижи ждали на улице, перед узкой витриной агентства. Мегрэ позвал Шарлотту.

— А эту даму вы знаете?

Если Шарлотта разыгрывала комедию, то она была талантливейшей актрисой, потому что озиралась вокруг с явным изумлением и растерянностью, вполне понятными в этом заведении.

— Что тут такое? — заговорила она.

Шарлотта с ума сходила от страха… Зачем ее привезли сюда? Она безотчетно искала поддержки у Жижи, которая вошла в контору по собственному почину.

— А вы еще много народу ко мне приведете?

— Итак, вы не знаете этих женщин? Ни ту, ни другую? А не помните, кто, мужчина или женщина, приходили за письмом, адресованным на инициалы Ж. М. Д., и когда это письмо было

востребовано?..

Ничего не ответив, старик ухватил деревянный ставень и вышел, чтобы закрыть им снаружи дверь.

Пришлось отступить. Люка, Мегрэ и две его спутницы вновь очутились на тротуаре под каштанами, на которых почки уже набухли и вот-вот готовы были распуститься.

— Ну, вы обе можете идти домой!..

Мегрэ смотрел им вслед. Отойдя шагов на десять, Жижи взволнованно заговорила и потащила за собой свою подругу так быстро, что толстуха Шарлотта едва поспевала за ней.

— Есть новости, патрон?

Ну что Мегрэ мог ответить? Он смотрел на Люка хмурым, озабоченным взглядом. Казалось, весна не радовала, а раздражала его.

— Не знаю… Слушай… Иди позавтракай. После двенадцати не уходи из кабинета… Предупреди банки во Франции и в Брюсселе, что если будет предъявлен чек на двести восемьдесят тысяч франков…

Они были в двух шагах от «Мажестика». Мегрэ свернул на улицу Понтье, зашел в бистро, находившееся по соседству со служебным входом в отель. Мегрэ заказал себе рагу из консервов и в

мрачном одиночестве съел в углу за столиком поданное ему блюдо. По соседству с ним два посетителя торопливо подкреплялись, перед тем как отправиться на скачки, и говорили о лошадях.

А что он делал после завтрака? Тому, кто вздумал бы последить за ним, нелегко было бы ответить на такой вопрос. Съев рагу, он выпил кофе, купил табаку, набил им кисет, потом вышел из бистро и долго стоял на тротуаре, рассеянно поглядывая вокруг.

Несомненно, у него не было продуманного плана. Вялой походкой он направился к служебному подъезду отеля и в коридоре остановился у контрольных часов, отмечавших время прихода на работу. Он напоминал путешественника, который вынужден долгие часы ждать поезда на вокзале и от скуки опускает монетки в автомат, выбрасывающий ему из лоточка карамельки.

Мимо него сновали люди, главным образом подручные повара, которые, перекинув через плечо полотенце, бегом бежали пропустить стаканчик в соседнем бистро.

А в длинном коридоре было жарко, душно, в лицо ударяли облака пара и кухонный чад.

В раздевальне не было ни души. Мегрэ вымыл руки и без нужды, просто чтоб убить время,

добрых десять минут чистил себе ногти. Потом, задыхаясь от жары, снял пальто и повесил его в шкаф № 89.

Жан Рамюэль торжественно восседал в своей стеклянной клетке. Напротив него в кафетерии суетились три судомойки и новый служащий в белой куртке, заменивший Проспера.

— Кто это? — спросил Мегрэ у Рамюэля.

— Временный. Зовут его Шарль... Наняли, пока не подыщут подходящего буфетчика. А вы, значит, опять решили заглянуть к нам?.. Прошу извинить.

Время было самое горячее. Постояльцы роскошных номеров завтракают поздно и перед Рамюэлем вырастали пачки талонов, дефилировали официанты, звонили все телефоны разом, непрерывно двигались подъемники.

Не снимая котелка с головы, Мегрэ прохаживался по коридорам, засунув руки в карманы, забирался в кухню и останавливался за спиной какого-нибудь поваренка, приготовлявшего соус, словно эта стряпня страшно его интересовала, потом вновь приглядывался к мойке посуды или же стоял, прильнув лицом к стеклянной перегородке «курьерской столовой».

Как и в первый день следствия, он направил-

ся к черной лестнице, но на этот раз не спеша поднялся до самого верхнего этажа, все такой же хмурый и недовольный. Спускаясь обратно, он столкнулся с догонявшим его запыхавшимся директором.

— Мне только что доложили о вашем посещении, господин комиссар… Вы, вероятно, еще не завтракали?.. Если разрешите…

— Я уже поел, спасибо…

— Позвольте спросить, имеются ли какие новости? Я был просто потрясен, когда арестовали Проспера Донжа… Так вы в самом деле ничего не желаете скушать?.. Ну хоть выпейте рюмочку коньяку…

Директор чувствовал себя крайне неловко, разговаривая на узкой лестничной площадке с Мегрэ, не выражавшим никаких чувств, — в иные минуты он бывал удивительно вялым и толстокожим.

— Я надеялся, что пресса не станет трубить об этом деле… Вы же понимаете, для отеля неприятно… Что касается Проспера Донжа…

Можно было просто прийти в отчаяние! Ну как подступиться к этому угрюмому сыщику. Мегрэ стал спускаться вниз и опять очутился в подвале.

— Да, да… Что касается Донжа, то еще несколько дней тому назад я считал его образцовым служащим, готов был ставить его в, пример другим. Сами понимаете, в таком большом заведении, как у нас, всякие люди встречаются…

Мегрэ переводил взгляд с одной стеклянной стенки на другую, с одного аквариума на другой, как он говорил. Разглядыванье завершилось в раздевальне и привело Мегрэ к знаменитому теперь шкафу № 89, где кончилась жизнь двух жертв преступления.

— А вот насчет бедняги Кольбефа… Извините, что надоедаю вам… Но я так думаю… Ведь надо же обладать незаурядной физической силой, чтобы удушить человека среди бела дня в нескольких шагах от кухни, где находится столько людей, да еще так сдавить горло, чтобы жертва не могла ни крикнуть, ни забиться в судорогах… В такое время, как сейчас, это еще было бы возможно, потому что все хлопочут, суетятся и в помещении стоит страшный шум… Но в половине пятого или в пять часов вечера…

— Вы, вероятно, вышли сейчас из-за стола? — негромко сказал Мегрэ.

— Это не имеет никакого значения!.. Мы привыкли есть в разное время…

— Сделайте мне удовольствие, закончите, пожалуйста, свой завтрак… А я пойду… Я ухожу… Извините меня…

И Мегрэ зашагал по коридорам, открывал и закрывал двери, разжигал трубку, которая, однако, вскоре гасла.

Чаще всего шаги приводили его к кафетерию, ему уже стали знакомы все движения работавших там людей, и, остановившись у перегородки, он цедил сквозь зубы какие-то невнятные слова:

— Хорошо… Донж вон там… Он там каждый день, с шести часов утра… Хорошо… Дома он выпил чашку кофе, который Шарлотта подогрела, когда вернулась… Хорошо… Здесь, я полагаю, он себе в числе первых наливает чашку из кофеварки… Хорошо…

Что за чепуху он бормотал?

— По обыкновению он относит чашку кофе ночному швейцару… Хорошо… Вот именно потому, что в тот день Донж еще не принес кофе, хотя уже было десять минут седьмого, Жюстен Кольбеф и спустился в подвал… Хорошо… Ну, словом, по этой или по другой причине… Гм!..

Вон оно как: теперь уже наливают кофе не в серебряные кофейники, как для первого завтрака, а в майоликовые кофейнички, снабженные

маленькими ситечками.

— …утром первый завтрак подают наверх все быстрее и быстрее… Хорошо… Потом закусывает Донж… Ему приносят завтрак на подносе…

— Будьте любезны, подвиньтесь немножко влево или вправо, господин комиссар… Вы мешаете мне считать чашки…

Слова эти произнес Рамюэль, который, оказывается, должен был за всем следить из своей стеклянной клетки. Скажите пожалуйста, он вдобавок еще считал чашки, выпитые в кафетерии.

— Простите, господин комиссар, что потревожил вас…

— Да нет, что вы, что вы!..

Три часа дня. Темп работы замедлился. Один из поваров уже переоделся и собрался уходить.

— Если меня спросят, Рамюэль, я вернусь к пяти часам… Мне надо сходить заплатить налог.

Коричневые майоликовые кофейнички почти все уже вернулись из номеров в подвал. Шарль, замещавший Проспера Донжа, вышел в коридор, который вел на улицу, и, проходя мимо комиссара, с любопытством поглядел на него. Должно быть, судомойки сказали ему, кто такой Мегрэ.

Через несколько минут он вернулся с дневным выпуском газеты. Был четвертый час. Судомойки

усердно полоскали посуду, погрузив руки по локоть в горячую воду. А Шарль уселся поудобнее за свой столик, положил перед собой газету, надел очки и, закурив сигарету, принялся читать.

В этом не было ничего необыкновенного, и все же Мегрэ удивленно таращил на него глаза.

— Как видно, передышка? — улыбаясь, сказал он Рамюэлю, сортировавшему талоны.

— Да, теперь будет затишье до половины пятого, а там опять начнется кутерьма, как дансинг откроется…

Прошло еще несколько минут, Мегрэ все не уходил из коридора. Вдруг в кафетерии зазвонил телефон. Шарль встал, бросил несколько слов в трубку и, с сожалением оторвавшись от газеты, направился в какие-то дальние отделения подвала.

— Куда он?

— А который час? Половина четвертого? Значит, его вызвали на склад получить запас кофе и чая.

— И так каждый день?

— Каждый день…

Рамюэль следил взглядом за Мегрэ, а тот спокойно вошел в кафетерий и сделал весьма простую вещь — выдвинул ящик стола, самого обычного

стола из некрашеного дерева. В ящике он нашел пузырек с чернилами, ручку и почтовую бумагу. Там оказались еще огрызки карандашей и два-три бланка денежных переводов.

Когда он уже задвигал ящик, возвратился Шарль, нагруженный пакетами. Он увидел, что Мегрэ наклонился над столом, и подумал, будто тот читает его газету.

— Пожалуйста, можете ее взять. Хотя в ней нет ничего интересного… Я читаю только фельетон и объявления насчет работы.

Очень это было нужно Мегрэ!

Значит, так: Проспер Донж спокойно сидел за этим столом… Рядом хлопотали в облаке пара три судомойки… Проспер…

С каждой секундой Мегрэ все больше освобождался от неповоротливости и сонного вида. Казалось, он вдруг вспомнил, что его ждет какое-то срочное дело. Ни с кем не простившись, он быстрым шагом двинулся в раздевальню, схватил свое пальто, на ходу надел его и через минуту уже вскочил в такси.

— В прокуратуру. Финансовый отдел, — бросил он шоферу.

Уже без четверти четыре. Но, возможно, кого-нибудь еще найдешь в отделе. Если все пойдет

хорошо, то, пожалуй, еще нынче до вечера…

Мегрэ обернулся, навстречу ему шел Эдгар Фагоне, так называемый Зебио, пешком направлявшийся, в «Мажестик».

Глава 10
Обед в ресторане «Купол»

Операция была проведена с нарочитым шумом. Даже старик-антиквар, забившийся, как крот, в свой темный магазин и медленно чахнувший там, очнулся и, шаркая подошвами, вылез на порог.

Было около шести часов вечера. Витрины неказистых магазинов на улице Сен-Пер были освещены очень скудно, но на улице еще не угасли сиреневые сумерки.

Черная машина полицейской префектуры примчалась с набережной, издавая такие громкие гудки, что все антиквары и букинисты вздрагивали в своих лавках.

Завизжав тормозами, машина остановилась у края тротуара, и из нее выскочили три человека чрезвычайно решительного вида, словно агенты полиции, вызванные на место кровавого происшествия.

К двери магазина направился только Мегрэ, и как раз в эту минуту к стеклу прилипла, словно переводная картинка, испуганная и бледная

физиономия приказчика. Один из инспекторов свернул в переулок, желая удостовериться, что из магазина нет запасного выхода, а второй, оставшийся на тротуаре, имел карикатурно-грозный вид благодаря своим густым усам и мрачному, недоверчивому взгляду — Мегрэ нарочно выбрал такого инспектора.

В магазине стены были обтянуты восточными коврами, в нем царило глубокое спокойствие, и приказчик чуть-чуть оправился от волнения.

— Вам надо господина Атума?.. Я пойду посмотрю, тут ли он…

Но комиссар уже отстранил его с дороги. В глубине магазина он заметил как бы щель между коврами, увидел пробивавшийся сквозь нее красноватый свет и услышал негромкий разговор. Вскоре он очутился в маленькой комнатке, устроенной из четырех ковров: обстановку ее составляли диван с разноцветными кожаными подушками и украшенный перламутровыми инкрустациями столик, на котором дымился в чашках черный кофе по-турецки.

В комнатке стоял какой-то человек, несомненно собиравшийся уйти и, по-видимому, перепуганный не меньше, чем приказчик. Другой человек, удобно расположившийся на диване,

курил сигарету с позолоченным мундштуком и что-то говорил на иностранном языке стоявшему гостю.

— Вы господин Атум, не так ли?.. Я комиссар Мегрэ из Уголовной полиции…

Посетитель поспешил ретироваться. Вскоре стукнула входная дверь, затворившаяся за ним. А Мегрэ, мирно присев на краешек дивана, с любопытством рассматривал маленькие чашечки, в которых был подан черный кофе.

— Вы не узнаете меня, господин Атум?.. А ведь мы с вами когда-то провели вместе полдня… Право. Это было лет восемь назад… Прекрасное путешествие мы совершили!.. Вогезы, Эльзас!.. Если память мне не изменяет, мы расстались с вами у пограничного столба…

У толстяка Атума было очень моложавое лицо и великолепные глаза. Изысканно одетый, надушенный, с дорогими перстнями на пальцах, он сидел в уголке дивана, поджав под себя ноги, и эта комнатка, освещенная лампой на мраморной подставке, скорее напоминала лавку восточного базара, чем уголок парижского магазина.

— Что вы тогда натворили?.. Какие-то пустяки, насколько помнится… Но документы у вас были не в порядке, и французское правительство

предложило вам совершить путешествие до границы… Вы, разумеется, в тот же вечер вернулись во Францию, однако приличия были соблюдены, и, полагаю, у вас нашлись могущественные покровители…

Атум, ничуть не утратив спокойствия, сидел напротив Мегрэ неподвижно, как сытый кот.

— После этого вы стали банкиром — ведь во Франции для тех, кто манипулирует деньгами ее граждан, не требуется девственной чистоты прошлого, отсутствия судимостей… Но у вас опять случились неприятности, господин Атум…

— Позвольте спросить, господин комиссар…

— Зачем я к вам пожаловал? Так? Ну что ж, откровенно говоря, я еще и сам этого не знаю. Меня ждет машина, у дверей стерегут люди. Возможно, что мы уедем отсюда вместе с вами…

Рука у господина Атума не дрожала, когда он зажег новую сигарету, предложив жестом закурить и Мегрэ, который, однако, отказался.

— Но может случиться и так, что я преспокойно уйду, а вас оставлю здесь…

— От чего же это зависит?

— От того ответа, который вы дадите мне на один безобидный вопрос. Я прекрасно знаю вашу скромность в отношении чужих секретов и, как

видите, заранее принял меры, чтобы победить ее… Так вот, у вас в бывшем вашем банке служил счетоводом человек, которому вы очень доверяли, можно сказать, ваша правая рука, — заметьте, я не говорю — «ваш сообщник». Звали этого человека Жан Рамюэль… Я хотел бы знать, почему вы расстались с таким ценным помощником, точнее говоря, почему вы выставили его за дверь?..

Наступило довольно долгое молчание. Атум, по-видимому, размышлял.

— Вы ошибаетесь, господин комиссар… Я не выставил Рамюэля за дверь, он ушел от меня добровольно, по причине слабого здоровья, насколько помнится…

Мегрэ встал.

— Ну что ж, в таком случае придется осуществить первое решение… Не угодно ли вам последовать за мной, господин Атум?..

— А куда вы собираетесь везти меня?

— На границу… Еще раз…

На губах Атума заиграла легкая улыбка.

— Но теперь мы отвезем вас на другую границу. Мне, знаете ли, ужасно хочется проехаться в сторону Италии… А мне говорили, что вы так поспешно покинули эту страну, что позабыли отбыть пятилетний срок тюремного заключения за

мошенничество и выдачу чеков без покрытия… Следовательно…

— Присядьте, господин комиссар…

— И вы полагаете, что мне не придется встать через минуту?

— А что вы собираетесь делать с Рамюэлем?

— Вероятно, отправим его в подобающее для него место. Что вы об этом думаете? — И вдруг, резко изменив тон, Мегрэ добавил: — Ну, довольно, Атум. Мне сегодня некогда волынку тянуть… Я, конечно, понимаю, что Рамюэль держит вас в руках…

— Должен признаться, что неосмотрительной болтовней он может причинить мне большие неприятности. Банковские операции — весьма сложное дело… А у Рамюэля была страсть во все совать свой нос… Не знаю, не лучше ли для меня будет вернуться в Италию… Разве только, вы дадите мне определенные гарантии… Например, если Рамюэль заговорит о некоторых вещах, вы не станете считаться с его словами, поскольку все это уже дело прошлое и я с тех пор стал честным коммерсантом.

— Ну что ж, это в пределах возможного…

— В таком случае я могу вам сказать, что мы с Рамюэлем расстались после довольно бурного

объяснения… Я действительно обнаружил, что он в моем банке работает на самого себя и совершил немалое количество подлогов…

— Полагаю, что вы сохранили документы?

Атум захлопал глазами и признался шепотом:

— Но и он, со своей стороны, сохранил другие документы, так что…

— Так что вы держите друг друга в руках… Ну вот, Атум, я хочу, чтобы вы немедленно отдали мне улики против Рамюэля.

Атум все еще колебался. Что хуже? Тюрьма итальянская или тюрьма французская? Наконец он встал. Приподнял висевший за диваном ковер, который прикрывал несгораемый шкаф, вделанный в стену, отпер его.

— Вот подложные векселя, в которых Рамюэль подделал не только мою подпись, но и подписи двух моих клиентов… Но, предположим, вы найдете у него красную записную книжечку, в которую я заносил кое-какие свои операции. Я был бы очень признателен, если б вы…

А проходя через магазин позади Мегрэ, он нерешительно проговорил, указывая на великолепный персидский ковер:

— Интересно, понравился бы вашей супруге этот узор?

Было половина девятого, когда Мегрэ вошел в ресторан «Купол» и направился в ту часть обширного зала, где за столиками обедали. Он явился один, шел, как всегда, сбив котелок на затылок, засунув руки в карманы пальто, и, казалось, занят был только поисками свободного места.

Вдруг он заметил низенького человечка, перед которым стояла тарелка с набором закусок и кружка пива.

— А-а, Люка!.. Около тебя свободно?

Он уселся с довольным видом, как человек, предвкушающий вкусный обед, потом встал со стула, чтобы сдать свое пальто гардеробщику. За соседним столиком какая-то вульгарная и сварливая женщина, которой подали блюдо с лангустой внушительных размеров, кричала противным голосом:

— Гарсон!.. Принесите мне другой майонез… А то этот мылом пахнет…

Мегрэ повернулся, посмотрел на нее, потом на человека, сидевшего рядом с нею, и как будто удивился самым искренним образом:

— Вон как!.. Господин Рамюэль! Какая встреча!.. Будьте любезны представить меня…

— Моя жена… Комиссар Мегрэ из Уголовной полиции…

— Очень рада познакомиться, господин комиссар.

— Бифштекс, жареный картофель и две кружки пива, гарсон!

И Мегрэ посмотрел на тарелку Рамюэля, на которой лежали макароны без масла и без сыра.

— Знаете, что я думаю? — вдруг сказал он сердечным тоном. — По-моему, господин Рамюэль, вам всегда не везло… Мне эта мысль пришла сразу же, как я вас увидел… Ведь есть такие люди, которым ничего не удается, и я заметил также, что они, эти неудачники, вдобавок страдают всякими болезнями или же неприятными уродствами…

— Он уж постарается подцепить все, что угодно, лишь бы оправдать свой мерзкий характер, — вмешалась Мари Делижар, принюхиваясь к новому майонезу, который ей принесли.

— Вы человек умный, образованный, работящий, — продолжал Мегрэ, — и десять раз могли бы составить себе состояние… И удивительное дело, ведь вы бывало действительно не раз едва не достигали превосходного положения… Ну хотя бы в Каире… А затем в Эквадоре… Однако всякий раз получалось так: быстрый взлет, но тут же падение, и вы оказывались еще ниже, чем были… Устраиваетесь вы, скажем, на отличное

место в банке… И, словно нарочно, вам попадается банкир-мошенник, какой-нибудь Атум, и вам приходится уйти от него…

Люди, обедавшие вокруг, конечно, и не подозревали, к чему приведет этот разговор. Мегрэ говорил шутливым, непринужденным тоном и с аппетитом принялся за свой бифштекс, Люка сидел, уткнувши нос в тарелку, а Рамюэль, казалось, был очень занят своими макаронами.

— Кстати, я совсем не думал, что мы встретимся на бульваре Монпарнас, я полагал, что вы уже сидите в вагоне скорого поезда и катите в Брюссель…

Рамюэль и бровью не повел, только пожелтел еще больше и судорожно сжал вилку. Зато его спутница воскликнула:

— Что? Что такое? Ты собрался ехать в Брюссель и не сказал мне ни слова?.. Что это значит, Жан?.. Опять какая-нибудь женщина, а?

Но Мегрэ благодушно сказал:

— Могу вас заверить, мадам, что женщины тут ни при чем, успокойтесь!.. Но ваш муж… Я хочу сказать, ваш друг…

— Нет, именно муж… Не знаю, что он вам наговорил по этому поводу, но мы женаты по всем правилам… Пожалуйста, вот вам доказатель-

ство…

Она с лихорадочной торопливостью порылась в сумочке и вытащила оттуда пожелтевшую бумагу, сложенную в десять раз и уже протершуюся на сгибах.

— Смотрите, вот наше брачное свидетельство…

Свидетельство было написано по-испански и пестрело гербовыми марками и печатями республики Эквадор.

— Отвечай, Жан, зачем тебе понадобилось ехать в Брюссель?

— Да я вовсе не имел такого намерения…

— Ну что вы, господин Рамюэль!.. Вы уж извините меня, я совсем не хотел вызвать семейную сцену… Но когда я узнал, что вы взяли из банка почти все свои деньги, потребовав на сумму в двести восемьдесят тысяч франков чек на брюссельский банк…

И Мегрэ поспешил набить рот хрустящими ломтиками жареной картошки, так как с трудом удерживался от улыбки. Он чувствовал, что под столом кто-то толкает его ногой: таким способом Рамюэль умолял его молчать.

Но было уже поздно. Позабыв о своей лангусте, позабыв, что вокруг обедают десятки посетите-

лей, Мари Делижар, или Мари Рамюэль, если верить свидетельству, вдруг вскипела:

— Вы сказали — двести восемьдесят тысяч франков?.. Так, значит, у него было в банке двести восемьдесят тысяч франков, а он отказывал мне в самом необходимом…

Мегрэ поглядел на лангусту и на бутылочку рислинга за двадцать пять франков.

— Отвечай, Жан… Правда это?

— Я совершенно не понимаю, что господин комиссар хочет сказать…

— У тебя есть счет в банке?

— Я утверждаю, что нет у меня никакого счета в банке, и если б у меня оказалось двести восемьдесят тысяч франков…

— Что вы скажете на это, господин комиссар?

— Крайне сожалею, мадам, что так расстроил вас. Я воображал, что вы в курсе дела, поскольку ваш муж ничего от вас не скрывает…

— Теперь я понимаю!

— Что вы понимаете?

— Его поведение за последнее время… Он был слишком кроток… И уж так старался мне угодить!.. Но я чувствовала, что это неестественно. В общем, он подготовлял свой фокус!

Соседи оборачивались, улыбались, ведь эти

слова разносились чуть не по всему залу.

— Мари!.. — взывал Рамюэль.

— Так ты, значит, мне во всем отказывал, а сам потихоньку копил денежки и готовился удрать… Улепетнул бы, и тогда ищи-свищи ветра в поле!.. А меня бросил бы одну в квартире, за которую, может быть, и не заплачено… Ну нет, шалишь, миленький!.. Два раза ты уже пытался бросить меня, но ведь тебе прекрасно известно, что твой трюк не удался… Вы уверены, господин комиссар, что здесь не замешана какая-нибудь красотка?

— Простите, господин комиссар, не лучше ли нам продолжить этот разговор где-нибудь в другом месте?..

— Ах, нет! Нет! — вздохнул Мегрэ. — Погодите, я хотел бы… Официант!.. Что там у вас на этой тачке?..

И он указал на проезжавшую между столиками серебряную тележку с блюдом под выпуклой крышкой.

— Бараний бок…

— Прекрасно! Дайте-ка мне ломтик… Возьмите немножко бараньего бока, Люка… И жареного картофеля дайте мне, официант…

— Унесите эту лангусту… Она совсем несвежая, — заговорила подруга Рамюэля… — Дайте

мне то же самое, что и комиссару… Так, значит, мой-то мерзавец откладывал денежки, а я и знать ничего не знала…

Несчастная была так взволнована, что ей пришлось подправить свой грим, и она принялась за это, встряхивая под скатертью пуховкой, пропыленной пудрой сомнительного розового цвета.

Чувствовалось, что под столом происходит какая-то неожиданная возня: Рамюэль тихонько толкал ногой Мари Делижар, чтобы она замолчала, а она, не желая понимать этих знаков, яростно молотила его ногу своим каблуком.

— Ну погоди, негодяй!.. Я тебе отплачу…

— Да вот увидишь, сейчас все выяснится… Я не знаю, откуда комиссар взял…

— Да, да, вы уверены, комиссар? Вы не ошибаетесь? А то мы знаем, какие поклепы возводит ваш брат. Когда полиция ничего разведать не может и садится в лужу, вы невесть что сочиняете, чтобы запутать людей… Может, все это брехня?..

Мегрэ посмотрел на часы: было половина десятого. Он подмигнул Люка, и на того вдруг напал кашель.

Затем Мегрэ наклонился к Рамюэлю и его спутнице, как будто хотел что-то сказать им по секрету:

— Не шевелитесь, Рамюэль… Не поднимайте скандала, это нисколько вам не поможет… Ваш сосед справа — наш человек. А бригадир Люка следит за вами с двенадцати часов дня, он-то мне и сообщил по телефону, что вы здесь…

— Что это значит? — пролепетала Мари Делижар.

— А это значит, мадам, что я не хотел мешать вам сначала хорошенько подкрепиться… Я должен арестовать вашего мужа… Мы сделаем это деликатно, так будет лучше для всех… Заканчивайте ваш обед… Сейчас мы выйдем все вместе, как добрые друзья… Возьмем такси и прокатимся до набережной Орфевр… Вы и представить себе не можете, как ночью спокойно у нас в кабинетах… Гарсон, горчицы! И маринованных огурчиков, если есть…

Мари Делижар, отнюдь не ставшая милее и приветливее от глубокой морщины, которая пересекла ее лоб, ела с жадностью, бросая порой на мужа грозный взгляд. Мегрэ заказал третью кружку пива и, вновь наклонившись к Рамюэлю, прошептал ему одно доверительное сообщение:

— Представьте, нынче днем, в четвертом часу, я вдруг вспомнил, что вы были старшим сержантом…

— А ты всегда говорил, что был лейтенантом, — проскрипела неумолимая Мари Делижар, не упускавшая случая уязвить Рамюэля.

— Но ведь быть старшим сержантом тоже неплохо, мадам!.. На старшем сержанте лежит все письмоводительство в роте… и как раз мне вспомнились годы моей военной службы, теперь уже, конечно, далекие годы, как вы справедливо думаете…

Никто не мешал Мегрэ наслаждаться жареной картошкой, приготовленной поистине превосходно — снаружи хрустящая корочка, внутри тающая мякоть.

— Наш ротный командир старался появляться в казарме как можно реже, и увольнительные солдатам, да и другие документы обычно подписывал старший сержант — от имени ротного, понятно… И подпись он подделывал так хорошо, что капитан никогда не мог отличить, что именно он подписал собственноручно, а что было творением рук старшего сержанта… Ну, что вы на это скажете, Рамюэль?..

— Не понимаю… И так как я уверен, что вы не собираетесь арестовать меня, не имея полагающегося по закону ордера, я хотел бы знать…

— Не беспокойтесь, я получил ордер в финан-

совом отделе прокуратуры… Вас это удивляет, а?.. Однако же это случается, и довольно часто… Расследуется какое-нибудь дело… И вдруг невольно открывают другое правонарушение, совершенное несколько лет назад и как будто всеми уже забытое… У меня в кармане лежат векселя, врученные мне неким Атумом… Что ж вы не кушаете?.. А десерт вас не соблазняет, мадам?.. Гарсон, мы хотим рассчитаться. Каждый платит за себя, верно? Сколько с меня? Я брал бифштекс, потом эту штуку, что развозили в тележке, — бараний бок, так, кажется? Три порции жареной картошки и три кружки пива. У тебя есть спички, Люка?

Глава 11
Необычайный вечер в Уголовной полиции

Темный, как всегда, подъезд, за ним широкая лестница, едва освещенная слабыми и висящими далеко друг от друга лампочками, и бесконечный коридор с бесчисленными дверьми. Мегрэ любезно сказал запыхавшейся Мари Делижар:

— Ну, вот мы и пришли, мадам… Передохните немножко…

В коридоре горела одна лампа; по нему, беседуя, прохаживались два человека — Освальд Дж. Кларк и его солиситор.

В конце коридора находился зал ожидания, одна стенка которого была застеклена, что позволяло полицейским в случае надобности наблюдать за посетителями. В зале ожидания имелась кое-какая обстановка: стол, покрытый зеленым сукном, кресла, обитые зеленым плюшем, на каминной полке — часы в стиле Луи-Филиппа, совершенно такие же, как в кабинете Мегрэ, и точно так же не ходившие уже много лет. По стенам, в черных рамках, висели фотографии

полицейских, павших при исполнении служебного долга.

На креслах, в темном уголке, сидели две женщины — Шарлотта и Жижи.

А в самом коридоре на скамье, между двумя жандармами, ждал Проспер Донж, по-прежнему без галстука и в башмаках без шнурков.

— Сюда, сюда, Рамюэль!.. Войдите, это мой кабинет… А уж вы, мадам, соблаговолите пока посидеть в зале ожидания… Проводи ее, пожалуйста, Люка.

Мегрэ отпер свою дверь. Он улыбнулся, представив себе, как в зале ожидания столкнутся три женщины… Вот уж, верно, будут обмениваться тревожными и язвительными взглядами.

— Входите, Рамюэль!.. Вы бы лучше сняли пальто, я думаю, у нас с вами будет долгий разговор…

На столе горела лампа под зеленым абажуром. Мегрэ снял пальто и котелок, взял из подставки трубку, отворил дверь в инспекторскую.

Право, во все комнаты Уголовной полиции, обычно безлюдные по ночам, теперь как будто нарочно набилась весьма пестрая публика. В инспекторской на письменном столе пристроился Торанс, сбив набекрень мягкую фетровую шляпу, он курил сигарету, а перед ним сидел на стуле

какой-то старикашка с растрепанной бородой, пристально разглядывавший носки своих штиблет с резинкой.

Тут был еще Жанвье, который, пользуясь свободной минутой, переписывал свой рапорт, одним глазком присматривая за пожилым мужчиной, похожим на отставного унтера.

— Вы кто? Швейцар? — спросил Мегрэ. — Зайдите ко мне на минутку.

Он пропустил этого человека вперед, тот вошел с фуражкой в руках и сначала не заметил Рамюэля, старавшегося держаться подальше от света.

— Вы швейцар в доме 117 по улице Реомюра. Верно?.. В один прекрасный день некий Проспер Донж снял в этом доме конторское помещение, и с тех пор вы пересылаете ему корреспонденцию, поступающую на его имя. Взгляните… Узнаете вы Донжа?

Швейцар повернулся и, взглянув в тот угол, где сидел Рамюэль, покачал головой.

— Гм, гм… — буркнул он. — Сказать по правде… Нет, не могу утверждать… Столько их перебывало… Ведь помещение-то снято было больше трех лет тому назад… Так ведь? Не знаю, может, я ошибаюсь, но, кажется, Донж бороду носил. А впрочем, кто его знает, может, борода у кого-то

другого была…

— Благодарю вас… Можете отправляться домой, пройдите вон в ту дверь…

С одним покончили. Мегрэ снова отворил дверь в инспекторскую, позвал:

— Господин Жем… Ну, как вас назвать? Не знаю вашей фамилии… Войдите, прошу вас… И скажите мне…

На этот раз не пришлось ждать ответа. Увидев Рамюэля, старикашка вздрогнул.

— Ну что?

— В чем дело?

— Узнаете вы его?

Старик разгорячился.

— И мне придется идти в суд, давать показания? Так, что ли? Меня будут мариновать два-три дня в зале для свидетелей, а кто в это время будет сидеть в моем агентстве?.. А когда я выступлю с показаниями, мне будут задавать всякие неприятные вопросы, и адвокаты примутся наговаривать на меня и то и се, только чтобы очернить меня… Нет уж, покорно благодарю, господин комиссар!

И вдруг спросил:

— А что он наделал?

— Много всякой всячины… Между прочим, задушил двоих — мужчину и женщину… Женщина

— богатая американка…

— Назначена награда?

— Да, и довольно крупная…

— В таком случае, можете записывать… «Я, нижеподписавшийся, Жан-Батист-Исаак Мейер, коммерсант…» А со многими придется делить награду?.. Я ведь знаю, как это делается. Полиция сулит золотые горы, а когда придешь получать…

— Ну, так я пишу: «…безоговорочно признаю в человеке, представленном мне как Жан Рамюэль, то самое лицо, которое является абонентом в моем частном почтовом агентстве под инициалами Ж.М.Д…» Все правильно, господин Мейер?

— Где подписаться?

— Погодите! Сейчас добавлю: — «Утверждаю также, что в последний раз этот человек приходил ко мне за письмом такого-то числа…» Теперь можете подписаться… Вы старый хитрец, господин Мейер, ведь вы прекрасно понимаете, что это дело послужит вам рекламой и все, кто еще не знал о вашем «агентстве», ринутся к вам… Торанс! Господин Мейер, вы можете уйти…

Затворив дверь, комиссар с удовлетворением перечитал показания противного старика и внезапно вздрогнул, услышав чей-то унылый голос. Голос этот шел откуда-то из полумрака — ведь в

кабинете горела только настольная лампа.

— Я протестую, господин комиссар, против…

И только тут Мегрэ как будто вспомнил, что он забыл что-то сделать. Прежде всего он опустил на окне штору из небеленого полотна. Затем посмотрел на свои руки. Нежданно возник тот Мегрэ, которого знали лишь немногие, а узнав, редко хвастались этим знакомством…

— Ну-ка, иди сюда, голубчик Рамюэль… Иди, говорят тебе! Поближе… Не бойся…

— В чем дело?

— Представь себе… Как только я открыл всю правду, мне не дает покоя одно бешеное желание…

И, размахнувшись, Мегрэ дал Рамюэлю по физиономии. Тот не успел прикрыться локтем.

— Вот!.. Это, конечно, против правил, но уж очень приятно… Завтра следователь допросит тебя вежливо, и все будут с тобой любезны, потому что ты станешь знаменитостью, героем сенсационного процесса… А господа судьи всегда питают уважение к знаменитостям… Понял? Вон там, в стенном шкафу, водопроводный кран, умойся над раковиной, а то смотреть на тебя противно…

Рамюэль, у которого обильно текла кровь из носа, торопливо умылся.

— Ну-ка, покажись. Теперь лучше… Почти приличный вид!.. Торанс!.. Люка!.. Жанвье!.. Пожалуйте сюда, ребятки! Пригласите и всю честную компанию.

Даже его сотрудники были удивлены: обычно Мегрэ никогда не бывал в таком возбужденном состоянии, хотя бы и после трудного расследования. Он раскурил новую трубку. Первым вошел в кабинет, в сопровождении двух жандармов, Проспер Донж, неловко держа перед собою кисти рук, скованных наручниками.

— У тебя есть ключ? — спросил Мегрэ одного из жандармов. Он отпер замок, а через мгновение наручники дважды щелкнули, обхватив запястья Рамюэля. Донж смотрел на него с почти комическим изумлением.

Мегрэ заметил тогда, что у Донжа нет ни галстука, ни шнурков на ботинках, и приказал отобрать у Рамюэля шнурки и черный шелковый галстук бабочкой.

— Прошу дам войти… Входите, мистер Кларк… Да, правда, вы не понимаете… Но мистер Дэвидсон, надеюсь, будет вам переводить… Для всех хватило стульев? Да, да, Шарлотта, можете сесть рядом с Проспером… Только уж, пожалуйста, сейчас никаких излияний чувств!.. Все в сборе?..

Запри дверь, Торанс.

— Что он сделал? — спросила хриплым голосом госпожа Рамюэль.

— Сядьте, пожалуйста, мадам!.. Я терпеть не могу разговаривать, когда люди стоят передо мной… Нет, Люка, не стоит зажигать люстру… Так уютнее… Вы спрашиваете, что Рамюэль сделал? Продолжал те фортели, которые выкидывал всю жизнь: совершал подлоги… Ручаюсь, что если он на вас женился и столько лет прожил с подобной ехидной (не в обиду вам будь сказано), то лишь потому, что он был в ваших руках, так как вы знали о его махинациях в Гуаякиле… Мы уже послали туда телеграмму, а также телеграфировали в Лондон, в правление компании. Я заранее уверен в ответе, который мы получим…

Раздался устрашающий голос Мари Делижар:

— Что же ты молчишь, Жан?.. Значит, двести восемьдесят тысяч франков и бегство в Брюссель — все это правда?

Она вскочила, словно игрушечный чертик из шкатулки, бросилась к Рамюэлю:

— Мерзавец!.. Вор!.. Гадина!.. Подумать только…

— Успокойтесь, мадам… Для вас гораздо лучше, что он ничего вам не сказал, иначе я должен был

бы арестовать и вас как его сообщницу не только в подлогах, но и в двух убийствах…

С этой минуты в происходившей сцене появилась почти комическая черточка: мистер Кларк, не сводивший с Мегрэ глаз, то и дело наклонялся к своему солиситору и что-то говорил ему по-английски. И каждый раз Мегрэ бросал на него взгляд, будучи уверен, что американец, несомненно, спрашивает на своем родном языке: «Что он говорит?»

А Мегрэ говорил следующее:

— Что касается вас, бедняжка Шарлотта, должен открыть вам одну вещь, хотя Проспер, может быть, и признался вам во всем в тот последний вечер, который провел дома… Когда вы, думая, что он уже исцелился от былого чувства, рассказали ему о письме, которое прислала Мими, и о родившемся у нее ребенке, он на самом-то деле вовсе не исцелился… Вам он об этом не сказал, но вскоре сочинил в кафетерии около трех часов дня, во время затишья, как говорит Рамюэль, длинное письмо своей бывшей любовнице… Вы не помните, Донж?.. Не вспоминаются вам некоторые подробности?

Но Донж уже ничего не соображал, ничего не мог понять и только растерянно смотрел вокруг

своими голубыми выпуклыми глазами.

— Не понимаю, о каких подробностях вы говорите, господин комиссар…

— Сколько писем вы написали?

— Три…

— А в то время, как вы их писали, хоть раз вас не отрывал от этого дела телефонный звонок?.. Не вызывали вас на склад получить запас кофе и чая на завтра?

— Возможно… Да… даже вполне вероятно…

— Вы уходили, а письмо оставалось на столе, который стоит как раз напротив стеклянной клетки Рамюэля… Рамюэля Неудачника! Рамюэля, который всю свою жизнь занимался подлогами и все же не добился таким путем богатства… А кому вы поручали сдавать письма на почту?

— Рассыльному… Он относил их в холл, там висит почтовый ящик.

— Значит, Рамюэлю нетрудно было перехватить хоть одно письмо… И, стало быть, Мими… Прошу прощения, мистер Кларк… для нас она по-прежнему Мими… Иначе говоря, миссис Кларк, получив в Детройте несколько посланий от человека, влюбленного в нее, посланий, в которых речь шла главным образом о ее сыне, стала вдруг получать угрожающие письма, написанные,

однако, тем же почерком и за подписью того же Проспера Донжа… Но теперь в этих письмах требовали денег… Новый Проспер Донж желал, чтоб ему заплатили за молчание…

— Господин комиссар!.. — воскликнул Проспер.

— А вы помолчите. Ради бога, постарайтесь понять… Работа-то какая была великолепная!.. И это еще лишнее доказательство, что Рамюэлю никогда не везло… Сначала надо было уверить Мими, что у вас переменился адрес. Сделать это было легко, так как вы в своих подлинных письмах не очень много говорили о своем житье-бытье на новом месте… Вот тогда Рамюэлем и снято было конторское помещение на имя Проспера Донжа…

— Но ведь…

— Чтобы снять конторское помещение, не требуется никакого удостоверения личности, и нанимателю передают корреспонденцию, поступающую на его имя… К несчастью, чеки, которые присылала Мими, выданы были ею на имя Проспера Донжа, а для оплаты чеков банки требуют надлежащие документы… Повторяю, Рамюэль в своем ремесле просто артист… Но, чтобы открыть это, мне надо было установить, что у

вас в кафетерии днем на полчаса, на сорок пять минут наступает затишье и вы, сидя напротив стеклянной клетки счетовода, так сказать, на его глазах, пользовались этой передышкой для того, чтобы писать письма… И вот вы вдруг пишете в банк, просите закрыть ваш счет, остаток же денег выслать вам в Сен-Клу… Однако в Лионский кредитный банк поступило не это письмо, а другое — написанное Рамюэлем, но вашим почерком и представлявшее собою просто уведомление о перемене адреса. С тех пор вся корреспонденция Донжа должна была направляться по новому адресу — улица Реомюра, дом 117… Оставалось только посылать в банк полученный чек, просить зачислить деньги на лицевой счет Донжа… Что касается восьмиста с лишним франков, которые вы, Донж, получили по почте в Сен-Клу, так их прислал сам Рамюэль от имени банка… Как видите, тонкая работа. Хитер был мерзавец! До того хитер, что уже не доверял своему трюку с адресом на улице Реомюра и в избытке осторожности стал абонентом частного почтового агентства, куда ему и пересылали всю корреспонденцию… Попробуй-ка теперь отыщи его след!.. И вдруг непредвиденное обстоятельство… Мими приезжает во Францию… Мими останавливается в

отеле «Мажестик»… С часу на час Проспер Донж, подлинный Проспер Донж, может встретить Мими и заявить, что он никогда ее не шантажировал…

Шарлотта больше не могла выдержать и расплакалась. Она проливала слезы, сама толком не зная почему, как плакала, читая грустный роман или растроганная сентиментальной кинокартиной. Жижи шептала ей на ухо:

— Замолчи!.. Да замолчи же!..

А Кларк, несомненно, бормотал своему солиситору:

— Что он говорит?

— Что касается убийства миссис Кларк, — продолжал Мегрэ, — то это дело случая… Рамюэль, имевший доступ к книге записи приезжающих, знал, что она живет в отеле, а Донжу это было неизвестно… Он узнал о ее пребывании случайно, из разговора в «курьерской столовой». Тогда он написал письмо… Назначил ей свидание в шесть часов утра… Несомненно, он хотел потребовать, чтобы она отдала ему сына, хотел разжалобить ее слезами, мольбами… Уверен, однако, что, если б они встретились, Мими еще раз обвела бы его вокруг пальца. Он и не подозревал, что она, считая его шантажистом, купила револьвер… А

Рамюэль был в тревоге... Он не вылезал из подвала отеля. Записка, посланная Донжем через рассыльного, ускользнула от него... Вот и все... А дальше — лопнула велосипедная шина... Донж опоздал на четверть часа... Рамюэль увидел, что Мими бродит в коридорах подвала, догадался о назначенном свидании, испугался, что все раскроется... Он удушил ее... Мертвую затолкал в шкаф... Вскоре он успокоился, понимая, что все улики — против Донжа, а на него, Рамюэля, никакие подозрения не могут пасть. Желая еще больше оградить себя от опасности, он пишет анонимное письмо почерком Шарлотты... Ведь в кафетерии, в ящике Проспера, было много записок Шарлотты. А Рамюэль, повторяю, артист. У него тщательная отделка!.. Когда же он узнал, что бедняга Жюстен Кольбеф видел его... Когда Кольбеф пришел к нему и заявил, что считает себя обязанным по долгу совести разоблачить его перед судом, Рамюэль совершил второе убийство, для него нетрудное. Он был к тому же уверен, что и это второе убийство, несомненно, будет приписано Донжу... Вот и все!.. Торанс, намочи полотенце и передай его мерзавцу Рамюэлю, у него опять пошла кровь из носу. Он тут недавно поскользнулся и ударился физиономией об угол

стола… Вы хотите что-то сказать, Рамюэль?..

Молчание. Только американец все бубнил: «Что он говорит?»

— Относительно вас, мадам… Как вас прикажете называть? Мари Делижар? Госпожа Рамюэль?

— Пусть уж лучше Мари Делижар.

— Я так и думал… Вы не ошиблись, полагая, что он замыслил расстаться с вами в скором времени… Только ждал, чтобы у него денег побольше в банке накопилось. Прихватив с собою кругленькую сумму, он мог бы отправиться один полечить свою печень где-нибудь за границей, подальше от вас и ваших истерик…

— Что вы, господин комиссар!

— Не в обиду вам будь сказано, мадам!.. Не в обиду будь сказано!

И вдруг Мегрэ крикнул:

— Жандармы, отведите арестованного в предварительную… Надеюсь, что завтра следователь, господин Бонно, будет так любезен, что подпишет ордер по всем правилам, и тогда уж…

Жижи вскочила и молча стояла в углу, худая, длинная, взволнованная, и видно было, что она явно чувствовала потребность в привычном наркотике — ноздри у нее вздрагивали, и вся она трепетала, как раненая птица.

— Простите, господин комиссар… — сказал солиситор, за которым стоял Кларк. — Мой клиент желал бы как можно скорее встретиться в моем кабинете с вами и с господином Донжем… поговорить относительно… относительно ребенка, который…

— Слышишь, Проспер? — торжествующе выкрикнула Жижи из своего угла.

— Завтра утром, если угодно… Вы свободны завтра утром, господин Донж?.. — Но Донж не в силах был ответить. Он вдруг залился слезами. Припав к мощной груди Шарлотты, он плакал, как говорится, в три ручья, а она, немного смущенная, успокаивала его, точно ребенка:

— Ну перестань, перестань, Проспер!.. Мы вместе будем воспитывать его! Научим говорить по-французски… Мы…

Мегрэ, бог весть почему, стал рыться в ящиках своего письменного стола — он вспомнил, что куда-то сунул пакетики, отобранные недавно при обыске. Он нашел их, взял один и нерешительно пожал плечами. Затем, видя, что Жижи того и гляди лишится чувств, прошел мимо нее и сунул ей в руку пакетик:

— Ну, дамы и господа, уже час ночи. Если разрешите…

— «Что он говорит?» — казалось, спрашивал мистер Кларк, впервые столкнувшийся с французской полицией.

На следующее утро стало известно, что чек на двести восемьдесят тысяч франков был предъявлен в брюссельском банке. Предъявителем оказался некий Жамине, по профессии букмекер.

Жамине получил чек авиапочтой и выполнил поручение Рамюэля, под началом которого он, будучи капралом, отбывал в свое время военную службу.

Впрочем, никакие улики и показания не помешали Рамюэлю отрицать свою виновность.

И в конце концов ему повезло: из-за плохого состояния здоровья (он трижды падал в обморок на заключительном заседании суда) смертный приговор ему заменили пожизненной каторгой.